

В. И. Собольщиков
В. Ф. Одоевский

Деятели
книги

О. Д. Голубева
А. Л. Гольдберг

В. И. Собольщиков

О. Д. Голубева

В. Ф. Одоевский

Москва
«Книга»
1983

ББК 78.3
Г62

Эта книга рассказывает о двух крупных организаторах библиотечного дела в России в XIX в., сыгравших важную роль в развитии петербургской Публичной библиотеки и в превращении ее в один из главных центров отечественной книжной культуры. В очерках основное место отведено характеристике В. И. Собольщикова и В. Ф. Одоевского как деятелей книги, как выдающихся теоретиков и практиков отечественного библиотечного дела.

Рецензент: А. Н. Ванеев, канд. пед. наук

Г $\frac{4403040000-007}{002(01)-83}$ 61-83

От авторов

Эта книга рассказывает о двух выдающихся организаторах библиотечного дела в России прошлого века — В. И. Собольщикове и В. Ф. Одоевском. Основным поприщем их деятельности на протяжении долгих лет была крупнейшая из тогдашних русских библиотек — петербургская Публичная библиотека. Оба они работали в Библиотеке в те годы, когда в ней происходили глубокие преобразования, результатом которых явилось превращение Публичной библиотеки в один из главных центров отечественной книжной культуры. Участие В. Ф. Одоевского и В. И. Собольщикова в этих преобразованиях определялось их общественной позицией — стремлением сделать хранящиеся в Библиотеке книжные богатства доступными для народа, приумножить эти богатства и популяризировать их, создать наиболее рациональную систему обслуживания читателей.

Библиотечная деятельность В. И. Собольщикова и В. Ф. Одоевского имеет много общих черт, объясняемых условиями их совместной службы, однако различие занимаемых ими должностей, характер повседневных занятий, а также личные свойства обоих сослуживцев придавали деятельности каждого из них существенные особенности.

В. И. Собольщиков, прослуживший в Публичной библиотеке 38 лет, отдал ей все свои знания и способности. Он не только был инициатором ряда преобразований в организации фондов и каталогов, но и теоретически обобщил этот опыт Публичной библиотеки. Его книга о каталогах являлась первым русским руководством по библиотечному делу. В возглавляемом им отделении «Россика» была создана самая полная в мире коллекция иностранных сочинений о России. Вместе с В. В. Стасовым он организовал огромное собрание печатной графики и литературы по искусству. В. И. Собольщиков одним из первых использовал сравнительный метод в библиотековедении, побывав в крупнейших библиотеках Европы и дав развернутую оценку их деятельности на страницах русской печати.

В. Ф. Одоевский пробыл на посту помощника директора Публичной библиотеки 15 лет и сумел использовать свои возможности как администратора для внедрения в практику возникавших у него и у его сотрудников замыслов, направленных на улучшение комплектования, хранения и использования книжных фондов. Стремление к рационализации библиотечного труда привело его к мысли применить математические методы в библиотечном деле и побудило — впервые в отечественной практике — разработать нормы на основные библиотечные процессы. Авторитету В. Ф. Одоевского, его настойчивости, вниманию ко всем сторонам библиотечной жизни Публичная библиотека во многом обязана тем, что к началу 1860-х гг. ее роль в общественной и культурной жизни страны столь существенно возросла.

Большую заботу проявляли В. И. Собольщиков и В. Ф. Одоевский о развитии других русских библиотек. В. И. Собольщиков рассылал свои труды в библиотеки многих городов России. В. Ф. Одоевский руководил работой Румянцевского музея — ядра будущего национального книгохранилища — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — во время пребывания этого музея в Петербурге. Он был одним из инициаторов перевода Румянцевского музея в Москву и способствовал осуществлению этого перевода. В свою очередь В. И. Собольщиков счел долгом поделиться с московской библиотекой опытом обслуживания читателей.

Общей чертой В. Ф. Одоевского и В. И. Собольщикова было и то, что сфера их интересов не ограничивалась библиотечным делом. В. Ф. Одоевский вошел в историю русской культуры как писатель и музыковед, популяризатор науки и оригинальный мыслитель. В. И. Собольщиков совмещал библиотечные занятия с архитектурно-строительными работами, приняв участие в создании уникального хранилища первопечатных изданий — «кабинета Фауста» и в постройке лучшего в России того времени читального зала Публичной библиотеки.

В очерках основное место отведено характеристике В. И. Собольщикова и В. Ф. Одоевского как деятелей книги, как выдающихся практиков и теоретиков отечественного библиотечного дела. Большинство приведенных архивных материалов разыскано авторами и впервые вводится в научный оборот. Очерк о В. И. Собольщикове написан О. Д. Голубевой и |А. Л. Гольдбергом| очерк о В. Ф. Одоевском — О. Д. Голубевой.

О. Д. Голубева
А. Л. Гольдберг

Василий Иванович Соболыщиков

(1808–1872)

По всей своей деятельности
Собольщиков был одним из самых даровитых,
полезных и одаренных собственною инициативою
деятелей Публичной Библиотеки
за все время ее существования...
Он вечно что-нибудь важное и полезное изобретал,
придумывал, предлагал
и потом — осуществлял [1]

В. В. Стасов

Введение

Имя В. И. Собольщикова хорошо известно историкам библиотечного дела, однако круг работ, содержащих сведения о его деятельности, сравнительно невелик. Наиболее полные и достоверные данные о его служебном пути содержатся в коллективных трудах «Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914» (Спб., 1914) и «История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Л., 1963). Краткие биографические очерки о Собольщикове были написаны его современниками В. В. Стасовым[2*] и П. Петровым[3]. Единственная книга, посвященная Собольщикову, содержит, главным образом, библиографический список его сочинений и небольшой биографический очерк, изобилующий многими неточностями[4]. В советском библиотековедении литература о Собольщикове представлена лишь несколькими статьями, излагающими содержание работ Собольщикова об организации и каталогизации фондов[5] и его впечатления о западноевропейских библиотеках[6]. Таким образом, общая картина жизни и деятельности В. И. Собольщикова представлена в данной книге впервые.

Все произведения Собольщикова, предназначенные для печати, были при его жизни опубликованы (полный список их приводится на с. 135—136). Неизданными оставались вышедшие из-под его пера служебные материалы и переписка. Докладные записки Собольщикова и другие подготовленные им документы об организации фондов и каталогов, о комплектовании Публичной библиотеки, о работе ее отделений, о посещении иностранных библиотек, о строительных работах, а также документы о служебной деятельности Собольщикова хранятся в Архиве ГПБ. В Рукописном отделе ГПБ хранится часть переписки В. И. Собольщикова с А. Ф. Бычковым, М. А. Корфом, В. Ф. Одоевским, И. Д. Деляновым, М. А. Балакиревым и другими лицами. Письма В. И. Собольщикова и его корреспондентов находятся также в

* Здесь и далее цифры отсылают к Примечаниям на с. 119—134.

Архиве Академии наук СССР (переписка с А. Ф. Бычковым), в Рукописном отделе ИРЛИ (переписка В. И. Собольщикова и его семьи с В. В. Стасовым и Д. В. Стасовым), в Архиве ГБЛ (переписка с Н. В. Исаковым). В ЦГИА СССР находятся материалы о сдаче Собольщиковым экзаменов в Академии художеств, о его участии в строительстве и перестройке зданий Публичной библиотеки. Ссылки на все архивные дела даны в примечаниях.

Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке этой книги О. Б. Враской, Ц. И. Грин, А. П. Смирновой, И. Г. Яковлевой.

Глава I

Начало пути (1808—1849)

О детстве Василия Ивановича Собольщикова мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что родился он в Витебске в семье купца, имевшего лавку, в которой можно было купить все, что нужно в повседневной жизни: муку, соль, сахар, крупу, сапоги, свечи, хомуты, ложки, гвозди и пр. Жили Собольщиковы в двухэтажном каменном доме с большим садом. Семья была по тем временам невелика: кроме Василия были еще дочь Александра и младший сын — Петр.

Почти во всех статьях и некрологах о Собольщикове и даже на его могильной плите указано, что он родился в 1813 г. Однако сомнение в правильности этой даты зародилось уже у современника Собольщикова — П. Петрова, который писал в 1872 г.: «Если правда, что родился покойный в Витебске 13 января, то трудно допустить, чтобы год его рождения был 1813, потому что в 1825 году мы находим его уже на службе в местном губернском управлении. Для дворян, конечно, в то время делались в нужных случаях снисхождения, так что дети их принимались на службу и не достигнув положенного семнадцатилетнего возраста, но для людей податного сословия подобной льготы не существовало»[1].

Сведения официальных документов на этот счет весьма противоречивы. Послужные списки Собольщикова, в которых указывалось число прожитых лет, составлены так, что время его рождения падает на период с 1807 по 1810 г.[2]. Когда в 1871 г. администрация Пуб-

личной библиотеки в связи с определением пенсии Собольщикову запросила в Витебском губернском правлении его метрику, был получен ответ, что метрики Собольщикова в делах не сохранилось, но в 1830 г. ему был 21 год[3].

Если на государственную службу принимались люди не моложе 17 лет, а Собольщиков начал служить копиистом в губернском правлении в 1825 г., то, следовательно, он родился не позже 1808 г. К такому же выводу приводит и сопоставление дат жизни Василия Ивановича Собольщикова и его младшего брата Петра, о котором известно, что он родился в 1811 г.[4].

Очевидно, наиболее точные данные содержались в рукописных отчетах Публичной библиотеки за первые годы службы Собольщикова: в них его рождение датируется 1808 г.[5]. Основываясь на этом, составители книги, изданной к столетию Публичной библиотеки, указали, что В. И. Собольщиков родился в 1808 г.[6].

Откуда же появилась дата — 1813 год? Можно с уверенностью сказать, что это произошло по инициативе самого В. И. Собольщикова. В статье «Воспоминания старого библиотекаря» он писал: «В эпоху вступления моего в библиотеку я только начал переживать свой 21 год»[7], а поступил он в библиотеку в 1834 г. Впрочем, еще задолго до появления «Воспоминаний» в дневниковых записях 1841 г. Собольщиков указывал, что он прожил 28 лет[8]. Видимо, дело объясняется тем, что как раз в начале 1840-х гг. Василий Иванович стал думать о женитьбе и предпринимать по этому поводу активные шаги. Своей будущей женой он избрал тринадцатилетнюю Наталью Горностаеву, племянницу известного архитектора. Собольщиков был старше ее на двадцать с лишним лет и, чтобы сократить эту разницу, решил убавить свой возраст.

Неизвестно, знал ли В. В. Стасов об этой наивной хитрости, но в некрологе о Собольщикове он написал, что тот родился в 1813 г.[9]. Позднее Стасов повторил эти сведения в предисловии к публикации «Воспоминаний старого библиотекаря»[10], и с тех пор ошибочная дата надолго закрепилась в литературе[11].

Василий Собольщиков учился в витебской гимназии, но не прошел полного курса: из семи классов окончил только пять. По воспоминаниям его земляка Д. Д. Семенова, учителя витебской гимназии «не обременяли учеников внеклассными уроками», и уровень преподавания

был не очень высок[12]. Об этом же говорилось в записках английского путешественника, посетившего в то время Витебск: «просвещение народа находится все еще в младенческом состоянии» и большое влияние на жителей оказывают «полчища католических монахов и членов братств»[13].

Большую часть населения Витебска в те годы составляли поляки. Естественно, что они преобладали и среди учащихся гимназии и только девяносто гимназистов из трехсот были русскими. Очевидно, учащихся удавалось уберечь от тлетворного влияния духовенства, ибо, по словам Д. Д. Семенова, «витебская гимназия являлась той нейтральной почвой, где не было места никакой религиозной или политической нетерпимости, той объединяющей и умиротворенной средой, в которой дети поляков и русских чувствовали себя членами одной семьи»[14]. Василий Собольщиков вынес из гимназии хорошее знание польского языка и приобрел там друзей-поляков.

Мы не знаем, почему отец не дал старшему сыну возможности получить полное гимназическое образование, а заставил молодого человека помогать вести торговые дела. С тринадцати до восемнадцати лет сын торговал в лавке с отцом. Однако стремление к знаниям и неплохие способности помогли юноше преодолеть недостаток образования.

В 1825 г. началась государственная служба Собольщикова. Он поступил копиистом в Витебское губернское правление. Шустрый и смышленый, он быстро делал канцелярскую карьеру: через месяц стал канцеляристом, а в конце года — губернским регистратором. Однако дальнейшего продвижения в Витебске не предвиделось. Надо было подумать о будущем. По рекомендации польских знакомых летом 1830 г. молодой человек был принят в канцелярию Римско-католической духовной коллегии в Петербурге, и с тех пор вся его жизнь была связана с этим городом.

В июне 1833 г. Собольщиков получил первый классный чин — коллежского регистратора, что давало ему право самому выбирать вид дальнейшей службы. В аттестации молодого чиновника говорилось, что он человек «добропорядочного поведения» и «возложенную на него должность исполнял рачительно»[15].

Но канцелярская служба не удовлетворяла Собольщикова. Вспоминая об этом времени, он писал: «Окру-

женный форменными бумагами и имея перед собой большой шкаф с делами, я сидел во мраке и не видел выхода на свет божий»[16]. Ему хотелось расширить круг своих знаний, найти для себя интересное занятие. Рассчитывать на поступление в университет он не мог — ведь его гимназическое образование осталось незаконченным. Решив сочетать свою чиновничью службу с учебой, Собольщиков «с жаром принялся учиться сам, без учителей, французскому и немецкому языкам и читать книги научного содержания»[17]. Так было положено начало той широкой образованности, которая впоследствии поражала сослуживцев Собольщикова и отразилась в его трудах.

Служба в духовной коллегии становилась все более тягостной и оставляла слишком мало времени для приобретения новых знаний. И тогда Собольщиков решает перейти на работу в Публичную библиотеку. «Мне казалось, — писал он впоследствии, — что я поступаю в учебное заведение, где буду учиться, пройду известный курс и сделаюсь человеком, годным на дело, лучшее, нежели канцелярская переписка»[18]. С большим трудом, вероятно, не без помощи и содействия Д. П. Попова, совмещавшего преподавание в Римско-католической духовной академии со службой в Публичной библиотеке, Собольщиков с марта 1834 г. был зачислен на должность писца Публичной библиотеки, в стенах которой ему предстояло прослужить тридцать восемь лет, до самой своей смерти.

В. И. Собольщиков пришел в Публичную библиотеку через двадцать лет после ее торжественного открытия. Создание в Петербурге бесплатной общедоступной библиотеки с универсальным фондом было важным событием в культурной жизни России. В числе сотрудников Библиотеки были видные деятели русской литературы и культуры — писатели И. А. Крылов и Н. И. Гнедич, библиографы В. С. Сопиков и И. П. Быстров. В фондах Библиотеки насчитывалось свыше 200 тыс. книг, причем особое внимание с 1810-х гг. стали уделять комплектованию русской литературы: благодаря усердию И. А. Крылова и его товарищей на полки Русского отделения, поначалу очень бедного, вставали сотни изданий XVI—XVIII вв. и вновь выходившие книги и журналы. В Библиотеку пришли первые читатели и среди них историки Н. М. Карамзин, А. И. Михайловский-Данилевский, А. В. Висковатов, писатели В. К. Кюхельбекер,

А. А. Дельвиг, профессора И. М. Симонов, К. И. Арсеньев. Круг читателей был сравнительно невелик[19].

К моменту поступления Собольщикова на службу Публичная библиотека, по существу, еще не вышла из начальной — «собирательской» — стадии своего существования. Начата была работа по каталогизации книжных собраний, занимавшая основное время немногочисленного штата сотрудников. Много труда требовалось для приема поступавших в Библиотеку (особенно после подавления польского восстания 1830—1831 гг.) огромных собраний иностранных книг. Кое-что удавалось расставить по местам, но во многих залах продолжали лежать горы неразобранных и необработанных томов. Библиотеку постигла судьба многих начинаний александровского времени: в эпоху николаевской реакции правящие власти перестали уделять им внимание, а передовая общественность была лишена возможности оказывать им действенную поддержку.

В дневнике литератора А. В. Никитенко содержится мрачная характеристика этих лет: «Когда [мы] увидели..., что от нас требуют безмолвия и бездействия, что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души.., что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, — когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями, что оно приемлет в свои недра одну лишь бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственным началом, на основе которого позволено действовать — тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело»[20].

Конечно, находились люди, не мирившиеся с казарменными порядками, но николаевские жандармы старались держать их всех под присмотром. Симптоматично, что папка с делом о службе Собольщикова в Публичной библиотеке открывается примечательным документом: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я не принадлежу ни к каким ложам масонским или иным тайным обществам внутри Империи или вне ее существовать могущим и что впредь принадлежать оным не буду»[21]. Подобные подписки во времена Николая I должны были давать все, поступающие на государственную службу.

В условиях, когда просвещение народа оказалось фактически под запретом, официальные фразы о том, что Библиотека открыта «для всех любителей просвещения», не могли привлечь в нее читателей. Во второй по-

ловине 1830-х — начале 1840-х гг. Библиотеку посещало за год не более 800—900 человек, получавших 6—7 тыс. книг для чтения [22]. «Читатели очень мало требовали, — вспоминал Собольщиков, — а библиотекари ...ничего не давали» [23]. Часто публика «в библиотеку не допускалась, и библиотекари пользовались каникулами несколько лет сряду», так что молодой чиновник, пришедший служить в «святыню науки», застал ее «в большом неглиже» [24].

При всем том Библиотека располагала богатствами необыкновенными. В ней к этому времени находилось более 400 тыс. книг по всем отраслям знания. Особенно много было книг на иностранных языках, овладеть которыми Собольщиков стремился еще с юности. Вслед за знакомым ему с детства польским языком он изучает немецкий, французский, английский, итальянский языки, и эти знания в будущем ему очень пригодились. Учеба, прерванная в стенах витебской гимназии, продолжалась в библиотечных залах.

Условия службы Собольщикова в первые годы работы в Библиотеке оказались благоприятными для его занятий. «Я был писцом при делах казначейских, — вспоминал он, — и обязанности мои были так немногосложны, что очень часто я мог бы вовсе не приходить в библиотеку, но я приходил: меня очень интересовали верхние залы, наполненные книгами» [25]. Знакомство с этими книгами, с их содержанием, размещением все более расширяло его представления о Библиотеке и приобщало к различным видам библиотечной деятельности. «Молодой, цепкий и физически неутомимый, — писал он, — я лазил по шкафам и удовлетворял, как умел, жажду знания. В утреннее время, когда не было дела в канцелярии, я уходил в новые залы, а в дни дежурства я оставался в них до сумерек. Года в два-три я ознакомился с библиотекой очень хорошо. Знал, где что стояло в старых залах, знал все привезенные из Польши собрания книг и, когда библиотеку открыли для публики, а библиотекари по-прежнему оставались закрытыми, я один мог удовлетворять все требования читателей, из всех отделений на иностранных языках» [26].

Однако, несмотря на все эти успехи, жизнь Собольщикова в те годы складывалась весьма нелегко. Положение его в Библиотеке «было такое неважное, что менее важного для коллежского регистратора, кажется, нигде не существовало» [27]. Свидетельством этого может

служить распоряжение по Библиотеке, отданное ее директором в октябре 1835 г.: «Как служащие Императорской публичной библиотеки Собольщиков и Попов по недавнему вступлению в службу не имеют возможности построить для себя надлежащих вицмундиров, в каковых они обязаны являться к должности, то предлагаю Вам [казначею библиотеки] по недостаточному состоянию их выдать ныне Собольщикову и Попову из экономической суммы библиотеки по сту рублей»[28].

В 1836 г. умер отец Собольщикова, денежная помощь из дома прекратилась, надо было найти источник дополнительных средств. В печати появляется переведенная Собольщиковым с французского языка повесть «Гуард и Вердюрон» (1838). В этом наивном сочинении из быта парижских лавочников имелось все, что требовалось для невзыскательной публики: трагическая ссора бывших друзей, судебный процесс, дуэль, убийство и гибель всех до одного главных героев. Недаром В. И. Собольщиков не упомянул в своих мемуарах об этой первой пробе своего пера, и его причастность к переводу была лишь впоследствии установлена библиографами.

В первые годы работы Собольщикова в Публичной библиотеке ее директором был Алексей Николаевич Оленин — меценат, археолог, искусствовед, возглавлявший наряду с Библиотекой и Академию художеств. По долгу службы Собольщиков дважды в неделю ходил к директору переписывать бумаги. Оленин был доволен усердием и трудолюбием молодого писца, разглядел его незаурядный ум и разносторонние способности и пригласил к себе в дом, славившийся не только хлебосольством, но и интересными гостями. В городском доме Олениных на Фонтанке близ Семеновского моста и в загородном — в Приютино бывали многие литераторы и художники: В. А. Озеров, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, П. А. Плетнев, В. Л. Боровиковский, А. Г. Венецианов и др. С некоторыми художниками Собольщикову удалось познакомиться поближе, и, обладая способностями к рисованию, он решил попробовать свои силы. Счастливый случай помог ему обратить на себя внимание: Оленин поручил Собольщикову написать по древним русским образцам заголовки к официальным бумагам Библиотеки. Работа понравилась, и тогда по рекомендации Оленина архитектор Василий Петрович Стасов заказал Собольщикову сделать надпись вязью на проек-

те медали по случаю реставрации собора в Смольном монастыре. Эта работа тоже получилась удачной, и В. П. Стасов посоветовал Собольщикову продолжить свои художественные занятия.

В прошении, поданном Собольщиковым в феврале 1838 г. в правление Академии художеств, говорилось:

«Занимаясь с некоторого времени архитектурою, я изучил начальные ее основания и теперь желаю заниматься под руководством профессора Мейера композициею месячных программ, задаваемых воспитанникам Академии Художеств. По чему, представляя при сем некоторые из учебных своих упражнений, покорнейше прошу допустить меня к таковой композиции и дозволить подавать свои рисунки на месячные архитектурные экзамены»[29].

Год спустя на основании представленной им программы «Проекта библиотеки для губернского города» В. И. Собольщиков был «возведен в звание свободного художника архитектуры»[30]. Менее успешной оказалась его попытка получить звание «академика» — ему была задана программа «сочинить проект павильона в саду для отдохновения с разными отделениями»[31], но никаких следов выполнения этой программы в делах Академии художеств не обнаружено. Много позднее, уже снискав известность своими архитектурными работами, Собольщиков «в уважение его познаний и заслуг в архитектуре» был удостоен звания «вольного общника Академии Художеств»[32].

Как видим, в первые же годы службы в Библиотеке Собольщикову удалось дополнить то, что ему дал «библиотечный университет», знаниями в области строительного искусства и приобрести еще одну профессию, которая впоследствии заняла важное место в его деятельности в Публичной библиотеке и за ее стенами. С 1844 г. он сверх должности подбиблиотекаря стал исправлять должность архитектора Публичной библиотеки[33].

Из писцов в подбиблиотекари он был переведен еще годом ранее, и тогда же ему было поручено приведение в порядок и описание эстампов и литографий, хранившихся в Библиотеке.

Эстампы, поступавшие в Публичную библиотеку, имели различную судьбу. Одни из них были собраны под общими переплетами, и образованные таким образом тома разошлись по книжным фондам. Другие продолжали храниться в виде отдельных листов без всякого

порядка и учета. Именно эту часть фонда, состоявшую из десятков тысяч первоклассных художественных произведений XVI—XVIII вв., и передали Василию Ивановичу Собольщикову.

Предыдущие попытки упорядочить это собрание не были доведены до конца. В 1815 г. Оленин поручил И. А. Крылову сделать опись имеющихся в Библиотеке эстампов, совершив это «со всем искусством и свойственным Вам усердием к службе»[34], однако о результатах этой работы ничего не известно. В 1837 г. за разбор эстампов взялся художник И. А. Иванов, но «как он порученным ему делом совсем не занимался, а эстампы находились в разных местах библиотеки, и описи им не было, то директором отказано ему в жалованьи»[35]. Таким образом, к началу работы Собольщикова это собрание пребывало в состоянии хаоса[36], и у него было достаточно оснований, чтобы посетовать на отношение к этой части фонда нового директора — Д. П. Бутурлина, пришедшего на смену А. Н. Оленину: «Наш директор не любитель изящных искусств, и ему нет никакого дела до гравюр»[37].

В течение трех лет Собольщиков разобрал около 50 тыс. эстампов и разложил их в соответствии с разработанной им самим классификационной схемой. Составляя ее, он использовал немногочисленные в то время руководства по изучению гравюр (А. Барча, М. Хуберта, Ф. Жубера, Ф. Базена и др.) и принял во внимание особенности собрания Публичной библиотеки. Все листы он разделил на две основные группы. В первую вошли эстампы, на которых имелись имена (или монограммы) граверов, и эти произведения были разложены по национальным школам (голландская, французская, немецкая, итальянская, английская и русская). Тем самым обеспечивалась возможность поиска эстампов, авторы которых были известны читателям.

При розыске анонимных эстампов исходили обычно из содержания гравюры, и поэтому при раскладке Собольщиков классифицировал их по сюжетам. Среди разделов этой части фонда были: история, мифология, батальные сцены, пейзажи, изображения животных, цветов, зданий, скульптур, а также карикатуры, гербы, портреты и др.[38] Впоследствии Собольщиков сравнивал установленный им порядок с систематизацией эстампов в парижской и брюссельской библиотеках и с радостью отмечал близость классификационных схем[39].

Вначале эта классификация едва не привела Собольщикова к большим неприятностям. Вот как он сам описывал сцену, произошедшую в 1846 г.:

«Кончив мой труд, я показал его Д. П-чу [Бутурлину] и получил от него строжайший выговор за то, что во главе всей коллекции лежала маленькая, но редкая, гравюра Мартина Шёна, занумерованная не первым, а каким-то большим нумером по систематическому списку (Мартин Шён выставлен теперь в витрине, как замечательное произведение, и знатоки останавливаются перед ним). Не входя в подробное рассмотрение всего моего труда, Д. П. сказал мне с гневом и возвыся голос: „Вместо того, чтобы привести эстампы в порядок, вы привели их в беспорядок". ...Выговор, и притом очень строгий, в самом финале моей работы мог иметь очень невыгодные для меня последствия в дальнейшей моей службе в библиотеке. Я видел, что Д. П. заблуждался вследствие незнания, но как же мне было объяснить ему, когда дисциплина требовала покорности и молчания! Счастливая мысль озарила меня. Я обратился к Н. И. Уткину, знаменитому граверу и хранителю эрмитажной коллекции. Осмотрев все, что я сделал, Уткин объявил, что и план моей работы и исполнение несравненно лучше, нежели в Эрмитаже... Мнение Уткина было, конечно, уважено, и я получил приказание описать гравюры в том порядке, как они разложены. Описание это я сделал и представил 10 томов in fol.»[40]

В составленном Собольщиковым в 1849 г. каталоге был описан сюжет каждого эстампа, указаны его формат и материал, на котором производилось гравирование (металл, дерево, камень). Полнота описаний была различна: в некоторых случаях описывалась композиция гравюры, к религиозным сюжетам давались ссылки на соответствующие тексты и т. д. В качестве дополнения к каталогу Собольщиков составил алфавитный список имен всех граверов с объяснением монограмм и указанием, в каком портфеле находятся работы каждого гравера. Были также составлены алфавитные указатели к собраниям портретов, видов городов и планов сооружений.

Таким образом, собрание эстампов Публичной библиотеки получило описания, «не оставляющие ничего более желать»[41], и стало доступным для художников, ученых и любителей искусства. Многое из того, что вошло в десятитомную опись, сохранило свое значение

до нашего времени, и, хотя принципы описания произведений печатной графики с тех пор существенно изменились, мы отдаем должное Собольщикову, трудами которого было положено начало научной систематизации и обработке одной из самых крупных в мире коллекций эстампов.

Напомним о ее дальнейшей судьбе и об участии в ней В. И. Собольщикова. В 1850 г. собрание эстампов вошло в состав Отделения искусств и технологии, иногда называвшемся также Отделением изящных искусств. После завершения работы над «Основным собранием» гравюр Собольщиков с помощью «вольнотрудящихся» служащих Библиотеки (В. В. Стасова, И. И. Горностаева, П. Н. Петрова и др.) начал составлять «каталог» (а точнее — указатель) портретов, охватывавший не только «Основное собрание» и новые поступления листов с гравюрами, но и портреты, помещенные в книгах, хранящихся в различных отделениях. Все описания в новом каталоге включали точные данные о местонахождении (номере) соответствующего листа или сведения о шифре и странице книги, содержавшей указанный портрет.

Особое место среди произведений печатной графики занимали лубочные картинки. Большие коллекции их поступили в Публичную библиотеку от В. И. Даля и М. П. Погодина, образовав «едва ли не первое в России по богатству и разнообразию собрание этих произведений простонародного искусства и русского затейливого остроумия»[42]. В. И. Собольщиков своевременно оценил значение лубка, вышедшего из недр народа и предназначенного для народа.

Политика комплектования, проводимая Собольщиковым, была тесно связана с обслуживанием читателей. Как мы уже отмечали, Собольщиков всеми средствами стремился ознакомить читателей с богатейшими фондами эстампов, не только предоставляя в их распоряжение каталоги, но и устраивая разнообразные выставки. По его рисунку был сооружен огромный шкаф, состоявший из выдвижных полок, на которых под стеклами раскладывались эстампы. Для лучшего обозрения эстампов полкам можно было придать любое положение.

В 1857 г. была организована выставка образцов всех видов печатной графики: гравюры резцом, акватинта, эстампы, отпечатанные красками с нескольких гравировальных досок, литографии, хромолитографии и т. д.

Собольщиков гордился тем, что подобной выставки не существовало ни в одном европейском музее или библиотеке. Осматривая эту выставку, посетители, особенно молодые художники, могли проследить всю историю гравирования. Вспоминая проделанную им работу, Собольщиков писал, что она принесла ему большую пользу: «Я ознакомился с историческим значением гравюры. Это была как бы отдельная кафедра в курсе моего библиотечного образования» [43].

Приведение в порядок собрания эстампов было одним из немногих достижений Публичной библиотеки в 1840-х гг., когда николаевская реакция достигла своего апогея. Третий десяток лет томились на каторге и в ссылке оставшиеся в живых декабристы, а в III отделение Собственной его императорского величества канцелярии доставляли все новых «государственных преступников». Однако в период подъема революционного движения в Западной Европе в 1848—1849 гг. борьба против самодержавно-крепостнического режима возродилась с новой силой. Царское правительство приняло дополнительные меры для того, чтобы задушить все ростки освободительного движения. Особенно пострадало народное просвещение. Был резко ограничен доступ в учебные заведения юношам из «низших слоев общества». Настала пора небывалого цензурного террора. Вновь образованному «Негласному комитету по делам печати» вменяли в обязанность следить за выходившими из печати произведениями, выявляя критические мысли и привлекая к ответственности недостаточно бдительных цензоров. Главой этого комитета Николай I назначил генерала Д. П. Бутурлина, ставшего в 1843 г. директором Публичной библиотеки.

Бутурлин пользовался донельзя мрачной репутацией [44]. По словам В. И. Собольщикова, «в делах служебных он сохранял неприступную важность и чрезмерную сухость в обращении... Он был из военных и любил, конечно, дисциплину. Дисциплина вещь хорошая, но в гражданском, а тем паче в ученом деле, она должна быть совсем не такая, как на фронте, а библиотекари узнали фронт...» [45]

Отношение современников к Бутурлину лучше всего, пожалуй, передает не публиковавшаяся до сих пор запись, сделанная В. Ф. Одоевским, назначенным незадолго до смерти Бутурлина помощником директора Библиотеки: «Никогда в жизни не был я так взволно-

ван, как на похоронах Бутурлина, ни слезы, ни сожаления — ни в ком, напротив — насмешка над трупом... В толпе русские и немецкие вицы [шутки]: „собаке собачья и смерть“, „окочурился“. Ничего никогда я не слыхал подобного над трупом, но физиономия лиц была еще хуже: это были — радость, злоба, презрение над молчаливою формою... Страшна такая смерть; не дай бог так умереть» [46].

Библиотека во времена Бутурлина находилась в самом плачевном состоянии и, по словам ее будущего директора М. А. Корфа, «почти не приносила никакой практической пользы» [47]. Новых книг поступало мало, русские книги были представлены с большими пропусками, особенной бедностью отличались фонды книг конца XVIII и начала XIX в. Даже сам Бутурлин признавал, что скудость бюджета не позволяет Библиотеке «следовать за быстрым ходом науки и художеств в Европе» и что «большая часть важнейших сочинений последнего полувека остаются для нее недоступными» [48].

Большинство фондов пребывало в беспорядке. Огромная масса книг, произвольно причисленных к дублетам, многие из которых при дальнейшем разборе оказались единственными экземплярами, лежала частью на полу, частью на окнах, частью в шкафах. До 120 тыс. непереплетенных и неразобранных брошюр были свалены на глиняном помосте под самой крышей. При скудном штате Библиотеки (в ней работало всего 7 библиотекарей и 4 подбиблиотекаря) трудно было рассчитывать на существенные перемены.

Весьма красочно описывал свое первое посещение Библиотеки в 1845 г. В. В. Стасов: «Я видел по дороге какие-то огромные, скучные и невзрачные сараи, наполненные книгами серого и несносного вида и ужасно мертвые и пустынные. Изредка кое-где торчал библиотекарь, но он казался на первый взгляд пустынником, мрачным и молчаливым, и внушал такую же тоску и холод, как и окружавшие его книги» [49].

Попытки Бутурлина улучшить положение Библиотеки соответствовали его собственному пониманию порядка. По словам Стасова, Библиотека «была в то время как будто на военной ноге» и представлялась Бутурлину «по-видимому в роде цейхгауза или амбара, отданного ему на руки, где каждый мундир или каждый куль муки должны стоять на бумаге за нумером и больше ничего» [50]. Это особенно наглядно проявилось во время

всеобщей мобилизации сотрудников на описание рукописей и, позднее, книг Исторического отделения. Как вспоминал Собольщиков, людям «не было дано места выказать свои способности и познания: велено было только списывать заглавия целиком, списывать с дипломатическою точностью, и еженедельно передавать эконому установленное количество листков. Начальник относился к делу безучастно и требовал только цифры; подчиненные работали также безучастно и, в свою очередь, хлопотали также об одной только цифре, стараясь списывать возможно большее число заглавий... Явилось на сцену школьничество. Некоторые библиотекари приходили украдкой, в праздничные дни, пораньше, и подбирали для себя книги с короткими заглавиями, а свои, с длинными заглавиями, подсовывали товарищам»[51]. Естественно, что почти все, сделанное в ходе этой кампании, пришлось впоследствии переделывать.

В те годы «о каком-либо удобстве для читателей не было и мысли, — говорилось позднее в официальных отчетах, — напротив, их встречал постоянно род систематической недоступности»[52], и при обслуживании их «общее правило состояло — в отказе»[53]. Не мудрено, что «читальная зала была мрачна и пустынна не менее других зал: лишь кое-где лепились около столов одинокие читатели, похожие на бедных сирот»[54].

Все это дало основание М. А. Корфу заявить в своей «Записке о состоянии Императорской Публичной библиотеки в 1849 году»: «Книгохранилище, издавна знаменитое в целой Европе — один из памятников народной славы... — запущенное, расстроенное, забытое, занимало лишь материальное место свое на Невском проспекте. Посреди первой улицы Петербурга, кипящей вечной жизнью и деятельностью, громадное здание Библиотеки одно стояло пустынею, лишенной всякой жизни, внешней и внутренней»[55].

Мы постарались с помощью мемуарных свидетельств и архивных документов охарактеризовать обстановку, в которой протекала деятельность В. И. Собольщикова в 1840-х гг., чтобы стало ясно, каких трудов стоило вывести Библиотеку из этого неприглядного состояния и как велики были заслуги тех, кто принял участие в начавшихся вскоре преобразованиях. Эти новые задачи не застали Собольщикова врасплох: он был подготовлен к их решению всем тем, чему удалось научиться и что удалось сделать в годы его юности и молодости.

К концу 1840-х гг. служебная карьера и семейная жизнь Собольщикова стали складываться наилучшим образом. Он занял должность библиотекаря, совмещая ее с должностью архитектора Библиотеки, время от времени занимался строительными работами в других ведомствах, и его материальное положение значительно поправилось.

Василий Иванович Собольщиков

В 1843 г. Собольщиков встретил «тринадцатилетнюю девицу, в которой угадал свою жену» [56]. Вскоре Василий Иванович Собольщиков и Наталья Ивановна Горностаева поженились и, несмотря на большую разницу в возрасте, брак их оказался удачным. Во всяком случае Собольщиков через пять лет после свадьбы писал своему коллеге А. Ф. Бычкову: «Желаю Вам такого счастья, каким я наслаждаюсь» [57]. Наталья Ивановна много помогала своему мужу в его библиотечной работе: «Она написала весь алфавитный каталог отделения искусств. Кончив этот каталог, она принялась за разбор огромной массы музыкальных нот, привела их в порядок по родам сочинений (оперы, симфонии, сонаты и проч.) и написала к ним алфавитный каталог» [58].

Завершался важный этап в жизни В. И. Собольщикова. Трудолюбие его, тяга к образованию и, как следствие этого, огромный объем, основательность и разнообразие приобретенных им знаний вывели его в ряды наиболее просвещенных деятелей книги своего времени.

Глава II

Участие в преобразовании Публичной библиотеки (1850—1858)

Господствовавшие в стране феодально-крепостнические отношения оставались главной преградой социально-экономическому прогрессу, но остановить его не смогли. В течение второй четверти XIX в. число промышленных предприятий в России удвоилось, ручная техника понемногу уступала место машинной. Первая крупная железная дорога между Петербургом и Москвой положила начало дальнейшему железнодорожному строительству. Все более ощущалась потребность в высококвалифицированных кадрах специалистов, знакомых с достижениями мировой науки и техники.

Больших успехов добилась русская наука. Н. И. Лобачевский, Н. Н. Зимин, Н. И. Пирогов и их сподвижники основали новые научные школы, С. М. Соловьев создал фундаментальный труд по отечественной истории. В стране появлялось все больше людей, стремившихся выйти из круга старых, отживших представлений, и в этом стремлении их укрепляло новое поколение русских писателей — Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский. Читателями их все чаще становились те, кого в отличие от чиновных высших сословий именовали разночинцами. Поколение разночинцев готово было выйти на историческую арену.

Движение это было тогда еще подспудным, еще не часто вспыхивали крестьянские бунты, но уже заработала «Вольная русская типография» А. И. Герцена, и в Россию стали проникать листовки, доказывавшие необходимость ликвидации крепостного права и неминуемость грядущего революционного взрыва. Царские власти опасались потрясений «государственных основ», и последние годы правления Николая I отличались еще большим усилением реакции.

Особенно суровой была политика по отношению к печати и народному просвещению. Несколько ранее суть ее цинично сформулировал шеф жандармов Дубельт: «В нашей России должны ученые поступать, как аптекари, владеющие и благотворными целительными средствами, и ядами, — и отпускать ученость только по рецеп-

ту правительства»[1]. Все, кто был связан с печатью, отмечали усиление цензурных репрессий[2] и, по словам историка С. М. Соловьева, «время с [18]45 по [18]55 год было похоже на первые времена Римской империи... начались цензурные оргии, рассказам о которых не поверят не пережившие это постыдное время»[3].

В такой обстановке было вполне закономерно, что преемником Бутурлина на посту директора Публичной библиотеки стал его коллега по «Негласному комитету». Барон Модест Андреевич Корф, один из лицеистов пушкинского выпуска, пользовался почти неограниченным доверием царя. Печальную известность принесла Корфу его книга о восшествии на престол Николая I, в которой он глумился над декабристами. Корф был верным слугой самодержавия, превыше всего ставил его нерушимость и во время службы в Библиотеке придерживался традиций, сложившихся в «Негласном комитете», требуя, чтобы при выдаче книг, «которые могут показаться сомнительными», у него «каждый раз испрашивалось особое разрешение».

Однако в отличие от солдафона Бутурлина Корф был гибким и прозорливым человеком. Он понимал, что Россия не сможет сохранить свое место в кругу европейских держав, если у нее не будет необходимого экономического и культурного потенциала. Важным средством для достижения этой цели он считал совершенствование одного из крупнейших культурных очагов страны — Публичной библиотеки.

Свое мнение он изложил в многочисленных докладах министерскому начальству, именуя Библиотеку «могучим рычагом русской административной машины»[4] и носителем «того истинного просвещения, которого всегда желало и которому постоянно покровительствует наше правительство»[5]. Видимо, и самого себя Корф склонен был считать служителем этого «истинного просвещения», не выходящего за рамки николаевского жандармского режима.

К тому же и личные склонности Корфа побуждали его уделять Библиотеке много внимания. Он был широко образованным человеком, хорошо знал литературу разных стран и народов, увлекался библиографическими разысканиями, и атмосфера библиотечного книжного мира как нельзя лучше соответствовала его интересам.

Сочетание всех этих обстоятельств привело к тому, что М. А. Корф, ничуть не уклоняясь от проводимого

царским правительством курса, осуществил ряд мер, которые вывели Библиотеку из затянувшегося кризиса и значительно улучшили ее состояние. В известной степени они объяснялись стремлением превратить Публичную библиотеку в исправно функционирующее звено государственного аппарата (с 1850 г. Библиотека перешла в ведение Министерства имп. двора, и ассигнования на ее расходы в связи с этим были увеличены). Но большинство предпринимаемых преобразований определялось требованиями общественного развития, которые проникали сквозь стены Библиотеки и которые невозможно было игнорировать.

В этих преобразованиях участвовали люди, искренне желавшие, чтобы деятельность Библиотеки приносила больше пользы (В. Ф. Одоевский, В. И. Собольщиков, А. Ф. Бычков, А. А. Стойкович и др.). Их поддерживали передовые круги русского общества, внимание которых к Библиотеке в эти годы значительно возросло. Преобразования 1850-х гг. имели очень важные последствия и привели к тому, что полоса упадка в истории Публичной библиотеки сменилась эпохой крутого подъема. Фонды Библиотеки были, наконец, приведены в порядок, стали доступными для читателей и начали пополняться новой литературой по всем отраслям знания. Были созданы условия для плодотворных занятий с книгами и с рукописями, организованы выставки для посетителей национального книгохранилища, призванные «сделать видимым и понятным все важнейшее из числа его сокровищ»[6]. Наконец, сам внешний облик Библиотеки и всех ее залов существенно изменился.

В. В. Стасов, посетивший Библиотеку в 1854 г. после большого перерыва, впоследствии вспоминал: «Мне показалось, точно с нее сползла старая, заплесневевшая шкурка, и она щеголяла в ярком весеннем уборе. Пропал прежний старческий, нахмуренный вид, везде стало светло, изящно и колоритно.., весело было пройти теперь по оживленным залам, где в разных местах были выставлены интересные гравюры или библиографические редкости, а бесконечные шкапы с книгами, наполненные красивыми цветистыми переплетами, потеряли прежний несносный вид, нагонявший уныние и тоску... Публика стала валить в библиотеку толпами, точно в Петербурге открыли какой-то новый, неслыханный и невиданный остров с неслыханными и невиданными чудесами»[7].

В самом деле, число читателей Библиотеки быстро возрастало: за время с 1851 по 1859 год выросло более чем вдвое [8]. Увеличивалась и выдача книг: так, за весь 1853 г. читатели затребовали и получили 32 тыс. томов, а в июне 1856 г. Собольщиков докладывал Корфу: «С первого января до сих пор выдано в чтение более 48 000 т., что составляет более 300 т. на один непраздничный день» [9].

Характеризуя происходящие перемены, «Отечественные записки» указывали, что Публичная библиотека приобретает значение и важность «не только для ученых специалистов, но и для всех вообще классов образованного и даже просто — читающего общества» [10]. Более конкретно об этом говорилось в одном из докладов дирекции Библиотеки в Министерство имп. двора: «Между нашими читателями, сверх значительного числа ученых, находящих в богатствах отечественного книгохранилища все материалы к дальнейшим их трудам и изысканиям, и значительного также числа студентов Университета, Главного Педагогического института и Академий Духовной и Медико-Хирургической, является постоянно и множество художников, купцов, фабрикантов и ремесленников, ищущих усовершенствования в своих занятиях» [11]. Особенно увеличилось число читателей из круга учащейся молодежи, и это, по словам Н. А. Добролюбова, было «весьма утешительным для истории нашего просвещения» [12]. Одним из главных итогов преобразования Публичной библиотеки в 1850-х гг. стало то, что «все слои публики привыкли видеть в ней *свою* библиотеку, *свой* кабинет, привыкли к ней обращаться и для пополнения и довершения многолетнего усидчивого труда, и для мимолетной, быстрой справки» [13].

При всем том охранительные тенденции царских властей по-прежнему проявлялись в действиях руководства Библиотеки. Так, в докладной записке Корфа об издательской деятельности Библиотеки подчеркивалось, что все ее работы должны, с одной стороны, укрепить «спасительные, основные начала русского быта» путем распространения «согласного с видами правительства» просвещения и, с другой стороны, «отвлечь внимание от идей.., несоответственных потребностям России» [14]. По секретному распоряжению Корфа, заведующий дежурством ежемесячно обязан был сообщать ему сведения о числе билетов, выданных «нижним военным чинам», а также о характере книг, которые они читают [15]. В отче-

те о деятельности Библиотеки тот же Корф не только отметил «значительное обогащение библиотеки всеми плодотворными открытиями и наблюдениями новой науки» и «возрастающее число читателей», но и не преминул подчеркнуть, что Библиотека «в поступательном движении своем, доныне по крайней мере, не уклонялась от пути, предназначенного ей благими монаршими видами»[16].

Однако развитие Библиотеки выходило за рамки монарших предначертаний. Новое поколение русских ученых, писателей, общественных деятелей вынесло из ее стен такие знания, которые подрывали «охранительные начала» самодержавия и привели многих из ее тогдашних читателей к участию в освободительной борьбе.

В. И. Собольщиков был активным участником (а порою и инициатором) преобразований, происходивших в Публичной библиотеке. В 1849—1850 гг. к его прежним обязанностям прибавилось множество новых: он стал заведовать несколькими отделениями и, кроме того, исполнял должности эконома, казначея и архитектора Библиотеки. Корф отзывался о нем как об «одном из самых деятельных и полезных сотрудников»[17], хотя, впрочем, подобные похвалы Корфа бывали иногда весьма двусмысленными. Так, в письме к Одоевскому он писал: «С[обольщиков]... горит жаром к благу библиотеки как никто другой, но любит высказываться, придумывать затруднения и изобретать новые системы, забывая que le mieux est l'ennemi du bien [что лучшее — враг хорошего]»[18].

Одергивая Собольщикова, когда тот позволял себе «высказываться», критикуя и порою отвергая предлагаемые им «новые системы», хитрый и умный служака Корф умело использовал присущий Собольщикову «жар к благу библиотеки» в интересах администрации. Заняв директорский пост, Корф не только приказал сотрудникам регистрировать время своего пребывания в Библиотеке и «исполнять сие со всею добросовестностью»[19], но и стал всячески поощрять их взаимный контроль друг за другом, злоупотребляя при этом их доверием.

В. И. Собольщиков ревниво относился к интересам Библиотеки и строго осуждал нарушителей дисциплины: «У всех в библиотеке, — писал он, — дела было по горло, и между тем не было ни малейшего контроля в часах прихода и ухода библиотекарей»[20]. Об этом он

знал лучше других, так как на него, как на заведующего хозяйственной частью, была возложена обязанность составлять расписания дежурств по читальному залу, обеспечивать замещение не вышедших на работу библиотекарей и т. д. Не желая мириться с тем, что «многое делается у нас кое-как, чтобы только было казисто снаружи», он нередко сообщал в своих докладных записках директору о «беспорядках в работе своих товарищей»: «господин Минцлоф бывает в библиотеке, но не так часто, как в вашем присутствии, и остается меньше времени»[21], «ваш циркуляр обнаруживает уже свои действия: господин Муральт приходит в 9 часов, и я не вижу больше на его столе его ученых трудов, которыми он обыкновенно занимался в то время, когда должен был работать для библиотеки»[22].

Необходимость этого контроля угнетала Собольщикова, и он искал оправдания своим действиям («нынешнее донесение мое напитано ядом, я это чувствую, но молчать я не вправе»[23]), однако в большинстве случаев ставил интересы дела выше личных пристрастий и старался в первую очередь «быть полезным по службе»[24].

Вспоминая о своих занятиях в 1850-х гг., Собольщиков писал: «Как библиотекарь, я работал головой в своих отделениях „Россика", „Искусств" и „Технологии", а как заведующий хозяйственной частью и как архитектор, я работал везде, работал головою, руками и ногами»[25].

В эти годы Собольщиков вложил много труда в переустройство библиотечных помещений. Публичная библиотека размещалась тогда в двух зданиях, одно из которых было построено архитекторами Е. Т. Соколовым и Л. Руска в 1801 г., а постройка второго (архитектор А. Ф. Щедрин по проекту К. Росси) завершилась в 1833 г. Эти великолепные здания до сих пор являются лучшим украшением центральной части Невского проспекта и хранят в себе старейшие книжные и рукописные фонды Публичной библиотеки.

Оба здания были задуманы и построены в соответствии с тогдашними представлениями о функциях библиотеки и об организации ее работы. Однако уже к концу 1840-х гг. обнаружились различные неудобства, связанные с планировкой зданий, их конструктивными особенностями и оборудованием. Проект необходимых переустройств поручено было подготовить архитектору Библиотеки Собольщикову.

Началось время, о котором Собольщиков вспоминал с особой гордостью. В те годы, писал он, «все залы библиотеки, без исключения... получили из моих рук обновы. По всему зданию с чердаками, крышею и подвалами, я путешествовал неутомимо для исполнения своих обязанностей. Один немец произнес обо мне такое определение: „Der ist überall und niergend“ [он повсюду и нигде]»[26].

В течение семи месяцев 1851 г. велись работы, в результате которых Библиотека стала более удобной для хранения книг и для занятий читателей. Была переоборудована и снабжена кафедрой для дежурного «читальная зала» (это непривычное до того времени слово укоренилось с тех пор в русском языке). Благодаря перестройке галерей и установке новых шкафов хранилища оказались более вместительными, причем на высоких шкафах были сделаны приступки и поручни, так что отпала необходимость в переносных лестницах. Особое внимание уделял Собольщиков переделке системы отопления: были уничтожены стоявшие между книжными шкафами и небезопасные в пожарном отношении голландские печи, а вместо этого под сводами подвального помещения устроены пневматические печи, распространявшие тепло по всему зданию. И уже вскоре удалось «крайне безобразному зданию дать совершенно новый вид, преобразовать его от фундамента до крыши и извлечь наше славное книгохранилище из того праха и запустения, в котором оно коснело»[27]. Особенно отмечались заслуги Собольщикова: «При производстве работ все практические указания, составление чертежей, приискание и наем мастеровых, надзор за исполнением и вообще ведение всего этого многосложного дела лежало на нем одном, без всякого даже помощника, и он вполне доказал здесь... свое искусство, знание и необыкновенную деятельность»[28]. А когда известным архитекторам А. П. Брюллову, К. А. Тону и А. Краксу поручено было проверить результаты проведенных перестроек, они доложили, что все «исполнено совершенно удовлетворительно как в художественном, так и в строительном отношении», благодаря «добросовестной заботливости производителя работ и его отличному знанию своего дела»[29].

Одной из угловых комнат нижнего этажа Библиотеки долго не могли найти применения и использовали ее главным образом для разборки книг. По мере упорядо-

чения фондов решено было сосредоточить здесь все имеющиеся инкунабулы и перестроить этот зал так, чтобы его облик соответствовал той эпохе, когда первопечатные книги начали появляться на свет.

Зал был устроен «по проектам академика И. И. Горностаева, с участием и под главным надзором В. И. Собольщикова»[30]. В 1857 г. под ее причудливые расписные

Зал инкунабул — «кабинет Фауста»

своды вошли первые посетители и оглядели стоящие по стенам высокие дубовые шкафы, заполненные книгами в кожаных, пергаментных и деревянных переплетах с огромными медными застежками и тяжелыми цепями, удерживающими тома на полках. Вскоре с чьей-то легкой руки новый зал стали называть «кабинетом Фауста».

В статье сослуживца Собольщикова Р. И. Минцлофа были описаны достопримечательности зала инкунабул: стрельчатые окна с цветными стеклами, железная дверь с накладными украшениями и огромным замком, глубокие кресла за массивными столами, аналои и поставцы с укрепленными на них книгами, гербы первых книгопечатников на дугах сводов[31]. Современники обращали особое внимание на «точность в подражании готической архитектуре» и близость убранства комнаты к «средне-

вековым монастырским книгохранилищам»[32]. Достоинства замысла И. И. Горностаева и В. И. Собольщикова отмечал и В. В. Стасов, считавший, что зал инкунабул «принадлежит к числу любопытнейших и поучительнейших предметов библиотеки»[33]. В. В. Стасову часто приходилось показывать Публичную библиотеку ее гостям и посетителям, и он вправе был утверждать, что «много людей вышло [из средневековой залы] с новым чувством и ощущением: словно какою-то волшебною силою их перенесли в несколько секунд с середины Невского проспекта и Петербурга в глушь, мрак и холод старинного монастыря.., где зачиналась в тиши и уединении европейская наука и где копились старательной рукой драгоценные материалы для нее»[34].

Слова эти справедливы и в наши дни, когда «кабинет Фауста», восстановленный после разрушений, причиненных ему войной, обрел свой первоначальный вид, и на его полки вернулись хранившиеся в Библиотеке первопечатные книги.

Подводя итоги строительных работ 1851—1855 гг. и характеризуя роль в них В. И. Собольщикова, дирекция Библиотеки указывала, что он «отличается столь же вкусом и искусством, сколько высшею, можно сказать, необыкновенною чистотою правил. Он был творцом всего, что в последние пять лет сделано для внешнего украшения и разных внутренних улучшений библиотеки, и примерная честность и распорядительность его дала возможность произвести все это по изумительно дешевым ценам»[35]. Последнее обстоятельство представлялось дирекции Библиотеки особенно важным.

Вплоть до конца 1840-х гг. основные части библиотечного организма все еще не были приведены в порядок: поступившие в разное время книжные собрания не были сведены воедино, а работа над каталогами, призванными раскрывать содержание фондов, была едва лишь начата и протекала весьма хаотически. К тому же и структура Библиотеки не отличалась четкостью ни в разграничении частей книжных фондов, ни в распределении обязанностей между библиотекарями.

Когда Собольщиков впервые переступил порог Публичной библиотеки, в ней оформились лишь два отделения: Рукописное (или, как его поначалу называли, «депо манускриптов») и Русское, в котором дослуживал последние годы его создатель — Иван Андреевич Кры-

лов. Что же касается огромного фонда иностранных изданий — а число их в то время значительно превышало общее число русских книг, имевшихся в Библиотеке, — они частично оставались неразобранными, а частично были расставлены в соответствии с системой, разработанной и введенной А. Н. Олениным [36].

Оленинская система соответствовала тогдашним представлениям о классификации наук и о взаимосвязях между ними, она содержала некоторые элементы, сохранившиеся в структуре Библиотеки на долгие годы, однако применение ее на практике встретилось с большими трудностями.

Следуя традиции многих европейских библиотек, А. Н. Оленин считал необходимым, чтобы расположение книг в шкафах и на полках точно соответствовало классам, отделениям и разрядам избранной системы. Внутри каждого разряда книги распределялись по языкам; издания на каждом языке выстраивались по форматам: сперва — в лист, потом — в четверть листа и т. д.; и, наконец, в каждом форматном ряду книги должны быть расставлены в алфавите авторов или заглавий анонимных изданий. Ожидалось, что при такой расстановке библиотекарь, располагающий всеми сведениями о книге, сможет сразу же ее найти [37]. Однако это предполагаемое достоинство чревато было чрезвычайными неудобствами: во-первых, такой порядок очень трудно было сохранять и поддерживать; во-вторых, совмещение книг разных форматов на одной и той же полке (такое случалось очень часто) приводило к нерациональному использованию площади книгохранилищ; а в-третьих, эта расстановка не только не стимулировала, но, по существу, исключала оперативную каталогизацию фондов. Это вытекало из суждений самого А. Н. Оленина, утверждавшего, что «скорое отыскивание книг в огромных библиотеках зависит не столько от имения книгам полного каталога, сколько от систематического расположения оных и от частого пересматривания их библиотекарями, которым через то книги делаются до того известными, что они помнят не только каждую из них, но шкаф, полку и самое место, на котором всякая книга поставлена» [38].

Нельзя не признать, что М. А. Корф был прав, когда, характеризуя деятельность А. Н. Оленина, говорил, что тот «с самого начала своего правления постоянно вооружался против каталогов, считая их предметом бес-

полезным, стоющим напрасно больших трудов и издержек»[39]. Правда, в конце концов при Оленине было создано «27 томов каталога», но вскоре стало ясно, что «этот ряд фолиантов, очень почтенный на вид, не принес никому и не мог принести никакой пользы, потому что в нем были только вписаны заглавия, но не было означения места, где книги стоят. Когда требовалась книга, то, вместо того чтобы идти к алфавиту каталога, шли прямо к алфавиту на полках и там искали. Если потребованные книги не находились на полках, то справлялись в каталоге, но справки эти вели только к тому, что иногда заглавие не оказавшейся на полках книги встречалось в каталоге и доказывало положительно, что книга есть, а ее все-таки не могли найти»[40]. Фактически с конца 1820-х гг. «никто не прикасался к каталогам, ни одна вновь вступавшая книга в них не вносилась»[41].

Лишь в середине 1840-х гг. дирекция попыталась исправить положение, усадив всех библиотекарей за составление каталогов. Однако результат был явно недостаточен. Вспоминая об этой кампании, В. И. Собольщиков писал: «Работы произведено было много, бумаги исписано также много, но все это проделано без всякого участия мысли»[42].

В течение первых пятнадцати лет работы в Библиотеке Собольщиков на собственном опыте ощутил неудобства, связанные с отсутствием каталогов и с систематической расстановкой фонда, которую он метко назвал «системой вечной перестановки». Систему эту он считал несовместимой с условиями деятельности крупных библиотек: в них непрерывно поступают новые издания, и, если их ставить по разделам принятой системы, порядок книг на полках будет в каждом случае нарушаться. К тому же большое число книг не имеет однозначного содержания, а затрагивает различные вопросы, так что библиотекарю трудно определить, в какой из разделов поместить книгу. Со временем расстановка так запутывается, что, по словам Собольщикова, весь фонд «превращают в совершенный хаос»[43].

Чтобы не допустить хаоса, надо было коренным образом изменить организацию хранения и раскрытия фондов. На это и были направлены многочисленные предложения, проекты и практические действия В. И. Собольщикова в 1850-х гг.

Важной вехой в переустройстве Библиотеки было упорядочение ее структуры. Изданным в апреле 1850 г.

приказом в Библиотеке было образовано 17 отделений[44]. Во главе каждого из них был поставлен заведующий, отвечающий за комплектование, хранение, каталогизацию книг и выдачу их читателям[45]. Были также намечены некоторые общие принципы расстановки, описания и учета фондов всех отделений. Предполагалось, что подобные меры будут способствовать решению задач, которые Библиотека признала отныне основными в своей деятельности.

Характеристика этих задач и средств их решения содержалась в изданном в то время первом путеводителе по Публичной библиотеке: «Существенная обязанность всякой публичной библиотеки есть облегчать, сколько можно, доступ к ее сокровищам и приспособить свое внутреннее устройство к удобствам пользования ими. Исполнение сей обязанности зависит от двух условий: во-первых, чтобы каждый посетитель мог *тотчас узнать,* что есть в библиотеке по той или другой отрасли науки, и во-вторых, чтобы он мог *тотчас получить* все нужные ему сочинения, если только они имеются в библиотеке. Средства к сему: каталоги и порядок расстановки книг в натуре»[46].

Как видим, «расстановке книг в натуре» (т. е. порядку расположения книг в шкафах и на полках хранилища) придавалось важное значение. Между тем полной ясности в этом вопросе к моменту издания апрельского приказа 1850 г. еще не было. Предпринятая некогда И. А. Крыловым и В. С. Сопиковым попытка закрепления за книгами постоянных мест в залах, шкафах и на полках не вышла за рамки Русского отделения и к тому же предполагала, что порядок размещения книг внутри шкафов должен соответствовать оленинской системе[47]. В 1840-х гг. предложено было прекратить бесконечную передвижку книг, связанную с необходимостью поддерживать систематическо-языково-форматно-алфавитную расстановку, а держать книги на тех местах, на которые они однажды были поставлены[48]. Однако решение это нельзя было выполнить (особенно по отношению к вновь поступившим книгам), так как из-за отсутствия каталогов поиск требуемых изданий становился невозможным.

Приказ от 14 апреля 1850 г. обязал библиотекарей проводить одновременно упорядочение расстановки книг и их каталогизацию. Но поскольку мнения относительно способа расстановки разошлись, разрешалось каждому библиотекарю расставлять фонды по его усмотрению,

«но с непременным соблюдением двух при сем условий: а) чтобы книги для внешнего благообразия и самого удобства их помещения установлены были с разделением на форматы и б) чтобы они расстановлены были в таком порядке, который открывал бы все средства к мгновенному приисканию всего требуемого»[49].

Однако во многих отделениях Библиотеки продолжали руководствоваться принципами, восходившими к оленинской системе. Например, в Отделении богословия часть книг расставлялась по форматам, а в пределах формата — в порядке выхода в свет; другая часть — по языкам, далее по систематическим подразделам, затем по форматам и алфавиту авторов и заглавий. В Отделении изящной словесности главным основанием, принятым при расстановке книг, были языки, на которых они написаны; книги каждого языка разделены на три формата, и каждый из форматов расставлен в алфавитном порядке. В Отделении полиграфии и истории литературы книги расставлялись по трем форматам, а в каждом формате — в алфавите авторов и заглавий[50].

Нужны были смелость новатора и опытность практика для того, чтобы более решительно воплотить в жизнь наметившиеся в конце 1840-х — начале 1850-х гг. принципы и, дополняя их другими полезными нововведениями, перевести фонды Библиотеки на более удобную расстановку. Важную роль в этом сыграл В. И. Собольщиков.

Когда увеличился поток поступавших в Библиотеку книг, в самом крупном из ее фондов — Отделении истории — обнаружился недостаток места. Хотя здесь уже перестали расставлять книги строго по языкам и по алфавиту, библиотекари «совершили, однакож, поклонение рутине и сохранили разделение на форматы, а не поставили книги просто по их величинам». От этого между полками возникло «много неправильных пустот, которые, в общей массе, составляют большие незанятые пространства»[51]. В воспоминаниях Собольщикова сказано о том, как были преодолены эти трудности:

«Библиотекари обратились к начальству с просьбой построить новые шкафы, а начальство призвало на совет меня, как архитектора; но я, не пускаясь в архитекторские соображения, заговорил прежде, как библиотекарь, и посоветовал прекратить поклонение формату, не имеющему, по личным моим убеждениям, ни малейшего значения в расстановке книг, подобрать книги строго по

их величинам, для того чтобы верхние их оконечности представляли горизонтальную линию, к которой можно было бы опустить следующую полку. Библиотекари восстали против такого „вандализма“, но из всех доказательств, приведенных ими, самое сильное было то, что во всех библиотеках Европы книги ставятся по форматам, и большие книги in 4° никогда не смешиваются с малыми фолиантами, а малые in 4° — с большими октавами... После долгих споров решено было переставить книги по величинам. Переставили и получили свободного места более 40% в двух обширных залах... Изветшавшая теория была безжалостно возложена на алтарь пред здоровою и свежею силою практики»[52].

Надо напомнить, что «изветшавшая теория», по поводу которой иронизировал Собольщиков, определяла формат книги не по ее фактическим размерам, а по тому, как складывался (фальцевался) бумажный лист при поступлении на печатный станок. Книга, напечатанная на листах, сложенных в 2 раза, именовалась фолиантом (in folio), в 4 раза — квартой (in 4°), в 8 раз — октавой (in 8°). Поскольку лист не имел стандартной величины, каждая бумажная фабрика определяла его размеры по своему усмотрению. Однако по многовековой традиции книгу, состоявшую из сложенных в 4 раза больших листов, ставили в один ряд с теми изданиями in 4°, для которых были использованы малые листы; большие октавы ставили в один ряд с малыми октавами и т. п. Поэтому и происходил тот разнобой на полках, о котором писал Собольщиков. Предложенный же им подбор «строго по величине книг» соответствует теперешнему понятию «форматной расстановки», т. е. такому расположению книг, которое обеспечивает наилучшее использование библиотечной площади.

Наиболее последовательно новый способ расстановки применялся в руководимом Собольщиковым с 1850 г. Отделении «Россика», и это было отмечено в официальных изданиях Публичной библиотеки, указывавших, что «метод расстановки книг по величинам переплетов, испытанный при помещении собрания сочинений, относящихся до России, оказался очень удобным относительно сбережения места»[53]. По заключению помощника директора Библиотеки В. Ф. Одоевского, проверявшего в 1854 г. организацию хранения фондов, такая расстановка полностью себя оправдала[54]. Во второй половине 1850-х гг. благодаря усилиям В. Ф. Одоевского новый

способ расстановки был внедрен во всех отделениях[55], и администрация Публичной библиотеки не упускала случая похвалиться тем, что «ряды книг везде... составляют почти сплошную, как в горизонтальном, так и вертикальном направлении плоскость, чем дана возможность намного увеличить число полок в шкафах»[56].

Этот способ предусматривал также введение четкой (и вместе с тем гибкой) системы присвоения каждой книге постоянного адреса (шифра). Еще в «Опыте» А. Н. Оленина говорилось о том, что в каталоге при описании каждой книги должны быть указаны зал, шкаф и номер книги в данном шкафу. Однако, применение оленинской системы влекло за собою непрерывное передвижение книг на полках по мере их поступления, номера книг не могли оставаться постоянными и шифр оказывался неустойчивым.

В начале 1850-х гг. в Публичной библиотеке обсуждался вопрос о том, чтобы заменить существующие шифры валовым номером книги[57]. Подобные соображения высказывались и до этого в труде мюнхенского библиотекаря Шреттингера, получившем в то время широкое распространение[58]. Однако в ходе работы выявилась бесполезность валового номера и от него отказались. Этому решению противоречило мнение академика П. М. Строева, высказанное в опубликованной в 1856 г. статье[59].

Публикация статьи П. М. Строева побудила В. И. Собольщикова выступить в печати с первой из своих работ библиотековедческого характера[60]. Отметив достоинства высказанного П. М. Строевым и М. Шреттингером «нового взгляда на размещение книг в библиотеках», Собольщиков вместе с тем указывает, что «метода, выраженная обоими авторами, примененная к делу, сохраняет только главные свои основания, то есть установку книг по форматам, а не по содержанию, что же касается до нумерования, то на практике метода эта представляет некоторые довольно важные затруднения»[61].

Собольщиков видел затруднения в том, что предложения П. М. Строева и М. Шреттингера предусматривали сплошную нумерацию фонда с первого номера до миллионного, двухмиллионного и так далее, а он, в отличие от этого, отстаивал более удобный способ нумерации, согласно которому каждой книге присваивался индивидуальный адрес, включающий номер зала, номер

шкафа, номер полки и место книги на данной полке. Как бы ни увеличивалась каждая из частей фонда, сколько бы ни появлялось новых шкафов в залах и новых полок в шкафах, адрес книги (ее шифр) будет закреплен за ней одной. Практика Публичной библиотеки показала достоинства этой системы, и поэтому П. М. Строев, отвечая на вопрос А. А. Стойковича о том, кто же придумал новую расстановку книг, признал, что, поскольку Публичная библиотека уже «привела в дело» эту расстановку, ей «принадлежит пальма первенства и заслуги опытной, тем более, что господин Собольщиков... дошел до своего полезного нововведения сам собою» [62].

Новый порядок организации фондов, сложившийся в Публичной библиотеке, стали именовать «крепостной расстановкой». Этот термин вошел в отечественное библиотековедение [63].

«Крепостная» расстановка применялась во многих русских библиотеках XIX в.: в Румянцевском музее, Виленской публичной библиотеке, Библиотеке Академии наук, библиотеках Харьковского и Варшавского университетов, в Морской библиотеке в Кронштадте и др. В Публичной библиотеке эта расстановка сохранялась вплоть до второй четверти XX в. В дальнейшем по ряду причин новые поступления в Библиотеку стали размещать в ином порядке, применяя инвентарную, форматно-порядковую и форматно-хронологическую расстановку [64]. Однако во всех этих случаях соблюдались те основные принципы, которые составляли суть «крепостной расстановки» и были впервые осуществлены и изложены В. И. Собольщиковым в его трудах. Главными из этих принципов являются:

независимость размещения книг от их содержания;

неизменность установленного для данной части фонда порядка размещения книг и недопустимость каких-либо перестановок, изменяющих первоначально установленную последовательность расположения книг на полках;

закрепление за каждым изданием раз и навсегда установленного для него номера (шифра).

Этими принципами определяется расстановка фондов большинства крупных библиотек СССР и в наши дни.

«Крепостная расстановка» облегчила ориентировку в огромных фондах Публичной библиотеки, введя четкий

и постоянный адрес книги, благодаря которому нужную книгу «можно было тотчас взять, а не искать»[65]. Создаваемая в Библиотеке система каталогов давала возможность «положительно знать каждую книгу, каждую брошюру, однажды поставленную и занумерованную»[66]. Эти каталоги Собольщиков рассматривал в качестве аппарата, используемого библиотекарем для обслуживания читателей, и в качестве основного пособия, раскрывающего перед читателем фонды библиотеки.

По мнению Собольщикова, розыску книг по требованиям читателей должен служить главным образом алфавитный каталог: «Когда требователь называет книгу положительно и точно, ее не ищут, а идут взять с места, указанного алфавитным каталогом»[67], — писал он, неизменно оговаривая, что «алфавитный каталог употребляется обыкновенно для отыскания известной книги, а не предмета»[68]. Однако, алфавитный каталог не мог помочь читателям, обращавшимся в библиотеку с запросами предметно-тематического характера. Вспоминая такие случаи, Собольщиков с сожалением говорил о том, как «ученые изыскатели терпеливо просматривали от начала до конца весь алфавитный каталог, чтобы выбрать 10—20 таких сочинений, которые идут к их предмету»[69]. Обращение к алфавитному каталогу в подобных целях оказывалось особенно неудобным для читателей тех библиотек, где каталоги принимали очень большие размеры. Собольщиков считал, что «хваленый [алфавитный] каталог лондонской читальной залы есть не более, как исполненная формальность», поскольку в его 777 томах нелегко было найти нужные издания. «Такого каталога публике предлагать не следует, потому что пища эта неудобоварима для нее»[70].

Собольщиков решительно отвергал мнение некоторых своих коллег, полагавших, что в Библиотеку приходят только люди, точно знающие, какие книги им нужны[71]. Он считал не менее важным удовлетворение требований, относящихся «не прямо к книгам, а к предметам наук вообще... Этого рода требования, — писал он, — большею частью касаются важнейших интересов ученых людей и должны заслуживать особенное участие господ библиотекарей»[72]. В подобных случаях незаменим систематический каталог: «Он не только отвечает на вопрос: есть ли в библиотеке требуемая книга?, но он показывает и все другое, относящееся к требуемому предмету»[73]. Вот почему в своей «Записке о

каталогах» (1850 г.) Собольщиков утверждал, что «без систематических каталогов никакое живое участие библиотекаря не сделает ничего»[74]. А сопоставляя организацию обслуживания читателей в Британском музее и в Публичной библиотеке, он отмечал неудобства, связанные с отсутствием в Британском музее систематического каталога, и с гордостью указывал, что благодаря наличию таких каталогов в Петербурге читатель «исчерпывает без остатка все, что есть по его предмету в Публичной библиотеке»[75].

Об общих принципах составления систематических каталогов Собольщиков высказывался весьма кратко. Суть его взглядов состояла в том, что «система для каталога, создаваемая в известную эпоху, должна быть отражением состояния науки той эпохи. Рассматривая значение системы с этой точки зрения нельзя не признать за лучшее, чтобы библиотекарь, приступая к каталогизированию книг, заранее составил и обдумал во всех подробностях систему приличную и удобную для его библиотеки, и при том сообразную с современным ему взглядом на науку»[76]. Историчность подхода Собольщикова к решению данной задачи проявлялась не только в стремлении создать классификационную схему, соответствующую достигнутому уровню развития науки, но и в том, что он не допускал фетишизации подобных схем, предвидя неизбежность их совершенствования и обновления. Как бы ни была хороша избранная библиотекой система, она «со временем... подвергнется суду ума, выработанного в прогрессе ученой деятельности всего человечества, будет изменена, переделана, получит форму новую, лучшую... сообразно будущему развитию человеческих знаний»[77].

С этих позиций судил В. И. Собольщиков и о работе над каталогами Публичной библиотеки. Признавая ряд достоинств оленинской системы, положенной в основу создаваемых в Библиотеке каталогов, он указывал, что «современное состояние науки и численность богатств Имп. Публичной библиотеки позволяет желать некоторых дополнений к этой системе и дополнений весьма значительных»[78]. Именно так и поступал Собольщиков в руководимых им Отделении искусств и технологии и, в особенности, в Отделении «Россика», благо оно не было предусмотрено оленинской системой.

В трудах Собольщикова, едва ли не впервые в русской библиотековедческой литературе, была высказана

мысль о создании предметных каталогов. На первый взгляд может показаться, что речь идет лишь об алфавитном указателе предметов к систематическому каталогу, благодаря которому этот каталог «будет доступен и понятен каждому просвещенному человеку»[79]. Однако Собольщиков считал необходимым наряду с составлением предметного перечня к уже сложившемуся каталогу дополнять каталог описанием новых книг и «разносить по table des matières [предметному указателю] все их содержания»[80]. Эта работа уже близка к процессу предметизации. «Подобные каталоги очень были бы хороши, — считает Собольщиков, но с грустью признает: — Это слишком хлопотливо и в очень большой библиотеке почти невозможно»[81]. А строить несбыточные проекты Василий Иванович не любил.

В соответствии с практикой Публичной библиотеки, неотъемлемой частью документации, отражающей состав фонда Библиотеки, Собольщиков признавал не только алфавитный и систематический каталоги, но и инвентарь (шкафную опись). По его словам, инвентарь является «необходимейшим документом всякой библиотеки», с помощью которого «библиотеку можно ревизовать, сдавать и принимать с тою строгою точностью, которая совместна с значением книг»[82]. Поскольку описания книг должны были вноситься в инвентарь в том же порядке, в каком книги стояли на полках, инвентарь выполнял и функции современного топографического каталога. Да и сам Собольщиков не раз именовал инвентарные книги «инвентарным каталогом», т. е. рассматривал их в качестве одного из элементов общей системы каталогов библиотеки, требуя, «чтобы в каждом из трех каталогов о вступившей книге было сказано именно то, чего требует план [данного] каталога»[83].

Во всех своих предложениях относительно каталожного хозяйства Собольщиков исходил не только из потребностей, но и из реальных возможностей Библиотеки, и порою этот прагматический подход увлекал его на путь чрезмерной экономии сил и средств. Как и другие его коллеги, он предлагал сокращать текст библиографических описаний для каталогов[84], причем вначале это касалось лишь алфавитного каталога, а потом пересмотрел и свое отношение к каталогу систематическому, в котором по давней традиции принято было давать наиболее полное описание[85]. В одной из докладных записок 1864 г. в связи с подготовкой печатного каталога «Рос-

сики» он писал: «Сведения об изданиях имеют второстепенную важность для того, кто ищет только ознакомиться с литературою по известному предмету: он не вчитывается в подробности заглавий с их примечаниями, а только пробегает их. При таком просмотре, очевидно, гораздо удобнее иметь пред собою на двух страницах 80 кратких заглавий, нежели 20 полных»[86].

Стремление Собольщикова придать каталогам удобную форму проявилось и в пропаганде им карточных каталогов.

Описания книг на карточках практиковались в Публичной библиотеке лишь на предварительной стадии каталогизации: содержание этих записей подлежало переносу в огромные фолианты, которые и должны были предоставляться читателям для справок. Между тем многие русские библиотеки к этому времени уже отказались от ведения каталогов в форме книг, да и в самой Публичной библиотеке возник проект чрезвычайно оригинального карточного каталога. Автором этого проекта был В. И. Собольщиков.

Суть его изложена в докладной записке М. А. Корфа министру имп. двора от 27 апреля 1850 г. Сообщив о том, что в Библиотеке скопилось множество карточек, которые предстояло «списать в каталоги», Корф докладывал (говоря без лишней скромности во множественном числе): «Мы придумали наконец очень простой механизм, не только совсем устраняющий необходимость в новой переписке карточек, но и обращающий самые эти карточки *прямо и теперь же,* почти без всяких издержек, в полный и совершенно устроенный каталог, имеющий еще ту выгоду перед обыкновенным, что он есть *передвижной,* которого размещение и расположение во всякое время может быть переиначено и совсем даже перестроено по усмотрению надобности. Механизм этот есть род пресса или машинки для вкладывания в нее написанных уже карточек. Каждая машинка вмещает в себя около 2500 нумеров... Быв завинчена, она имеет не менее удобства для чтения и еще более прочности, чем переплетенная книга, а между тем может посредством приставной рукоятки быть в одну минуту развинчена. Здесь можно всегда вкладывать между старыми карточками сколько угодно новых, не нарушая единства и системы и не переписывая вновь ни одного листка». Лишь после всех этих объяснений Корф счел нужным упомянуть, что «механизм машинки при-

думан помощником библиотекаря архитектором Собольщиковым»[87].

Однако проект Собольщикова не был осуществлен. Министр имп. двора Адлерберг сообщил Корфу, что царь разрешил «составить передвижные каталоги, но только в виде временной меры, чтобы кроме сего были и подробные [т. е. — книжные] каталоги»[88]. Вводить такое новшество на ограниченное время не имело смысла, и Корф к этой идее уже не возвращался.

Вопрос о способах ведения каталогов продолжал занимать Собольщикова и во время его поездки за границу в 1859 г., когда книжные каталоги в Публичной библиотеке были уже почти полностью заменены карточными. По возвращении из поездки он писал: «Между формою каталогов наших и большей части иностранных главная разница состоит в том, что у нас заглавия книг написаны преимущественно на карточках, которые мы приводим в порядок: одни в алфавитный, а другие в систематический; в большинстве же библиотек, виденных мною в чужих краях, заглавия книг вписываются на страницах переплетенных книг. Наши каталоги на карточках с увеличением количества книг будут, не изменяя своей формы, расти до тех пределов, какие укажут будущие судьбы нашей библиотеки, а в переплетенные книги иностранных каталогов может войти только то количество новых заглавий, какое вместят свободные части страниц, после чего каталоги эти должны быть переписаны или в новые тетради, или на карточки, чему я видел примеры в Вене, Праге, Дрездене, Мюнхене и Брюсселе»[89]. В то же время он отмечал, что во многих библиотеках способы ведения каталогов начинают изменяться. В Вене, Праге и Мюнхене «каталоги в переплетенных томах оставляются и заменяются карточками»[90], поскольку это дает возможность увеличить емкость каталогов и наполнить их новыми материалами. К тому же, карточные каталоги обладают значительно большей гибкостью, особенно важной для систематического каталога, так как «карточки, разложенные по системе, признаваемой ясною и правильною в наше время, могут быть потом очень удобно расположены по иной системе, какую укажет будущее время»[91].

Таким образом, форма ведения каталогов рассматривалась Собольщиковым в неразрывной связи с их содержанием, которое, в свою очередь, ставилось в зависимость от общего развития науки.

Обеспечить высокое качество каталогов можно было лишь при соблюдении четкого порядка работы над ними. И снова Собольщиков выдвигает как главное требование унификацию каталогизационного процесса. «Библиотекари, — пишет он, — должны работать единообразно, по заранее обдуманному плану и в составлении каталогов соблюдать строго все правила, предписанные наукою. Единства должно требовать от библиотекарей не только во внутреннем порядке каталогов, но оно должно быть соблюдаемо и во внешних формах библиографических карточек, инвентарей и пр.»[92]. Лишь при этом условии «они создадут по всем частям каталоги стройные и единообразные»[93].

О том, что происходило, если это требование не выполнялось, библиотекари могли судить по собственному опыту. «Отсутствие единства в работах библиотекарей, — писал Собольщиков, — имеет весьма бедственные для каталогов последствия. Работая отдельно и следуя не одному общепринятому плану, а руководствуясь своими собственными убеждениями, они действуют в отделениях одной и той же библиотеки, как в особых управлениях, и в результате оказывается quot capita tot sapientiae [у каждой головы свой разум], тогда как в целой библиотеке, как в целом теле, должна быть одна голова, один разум»[94]. Наиболее плачевными оказались последствия такого порядка во Французской национальной библиотеке, «в которой работало несколько поколений ученейших людей», но каталога они создать не смогли «потому только, что в работах не было единодушно принятого плана и каждое поколение изменяло и переделывало труды своих предшественников»[95]. Требование Собольщикова о строгом соблюдении единых правил и единого порядка каталогизации было весьма актуальным, так как ведение каталогов в отделениях Публичной библиотеки было предоставлено Корфом на усмотрение самих библиотекарей. Создание общих правил давало возможность отменить «совокупное составление каталогов», введенное при Бутурлине, поручив каждому библиотекарю составлять каталоги только для своего отделения. Такая организация должна повысить ответственность не только за количество, но и за качество труда, и можно было ожидать, что между библиотекарями возникнет соревнование, а благодаря этому ускорится создание каталогов, в которых Библиотека остро нуждалась. Вместе с тем «весьма полезно было бы

возложить на одного из старших библиотекарей общий надзор за всеми библиографическими работами»[96]. Предложения о централизации ведения каталогов неоднократно высказывались Собольщиковым и его коллегами, но осуществить ее тогда не удалось, и централизованная каталогизация фондов стала проводиться в Публичной библиотеке лишь в советское время.

В трудах Собольщикова изложена и обоснована стройная система организации, раскрытия и использования фондов, проверенная на практике в крупнейшей в то время библиотеке России. Все части этой системы рассматривались им как элементы единого целого, поскольку успешная библиотечная работа предполагала, по его убеждению, «гармонию многосложного механизма, необходимого при удовлетворении разнородных посетителей библиотеки»[97]. Сочетание «крепостной расстановки» с оперативным ведением каталогов обеспечивало эту гармонию и гарантировало точное и быстрое выполнение любого требования на имеющиеся в Библиотеке книги.

Характеризуя «удачные выдумки господина Собольщикова», М. А. Корф указывал, что введение нового порядка хранения и полное отражение состава фонда в каталогах преобразило Библиотеку. Она стала «подобна огромной книге, которую, благодаря различным каталогам и указателям, каждый может раскрыть на нужной главе или странице»[98]. Порядок, при котором библиотекарю «не нужно уже *искать* книгу и остается только *достать* ее с указанного места»[99], казался современникам Собольщикова едва ли не чудом, и результаты его демонстрировались почти как фокусы.

В. И. Собольщиков красочно описал в своих воспоминаниях, как по приказу дирекции он производил на глазах у посетителей «экзамен каталогов»: «Прежде спрашивали какую-нибудь книгу с заглавием известным, и она тотчас являлась, потом спрашивали какое-нибудь из мельчайших подразделений систематического каталога и там выбирали заглавие: книга опять являлась через несколько секунд»[100]. Нам теперь это не кажется чудесами, но нельзя забывать, что 130 лет назад все это было в новинку. В. И. Собольщиков во многом опередил свою эпоху, наметив «основные звенья процесса обслуживания читателей в том виде, в каком они существуют в настоящее время»[101].

Нововведения Собольщикова, его отход от привычных порядков вызывали недовольство многих его сослуживцев, которые в большинстве случаев «не находили никаких доказательств в защиту старины и опирались только на примеры германских библиотек»[102]. Стараясь не утратить чувства юмора, Собольщиков не раз упоминал о том, как «ученейшие библиотекари» подтрунивали над ним и называли введенный им порядок «солдатской расстановкой». «Сколько дружеских насмешек выслушал я от поклонников систематического порядка на полках, — писал он, — а г. Бругш aus Berlih [из Берлина] советовал даже послать меня на Кавказ»[103]. Другой оппонент Собольщикова, критикуя его предложение о закреплении за каждой книгой постоянного номера, утверждал, что «это неразрешимая проблема, и попытка Собольщикова решить ее столь же химерична, сколь и изобретение вечного двигателя и квадратуры круга»[104].

Однако многие коллеги Собольщикова высказывали сожаление по поводу того, что введенная в Библиотеке система организации и каталогизации фондов «остается неизвестной публике». Все это побудило Собольщикова «опубликовать свою выдумку»[105] и дать подробное изложение того, что было сделано в Публичной библиотеке. В 1858 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» была напечатана его работа «Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов», а в 1859 г. она вышла отдельным изданием.

Понятие «общественные библиотеки» Собольщиков ввел в заглавие своего труда совсем не случайно. Этим он хотел подчеркнуть само назначение библиотек, их роль в жизни общества. Напомнив, что «в прошедшие века» библиотеки находились на службе «схоластической учености», он указывал, что «в новейшее время» следует иначе смотреть «на существование и употребление общественных библиотек» и добиваться, чтобы они стали «приютом для всех ищущих сведений»[106].

Исходя из такого понимания главной функции общественной библиотеки, Собольщиков разъяснял, что «эта функция должна совершаться в таком виде, чтобы библиотека была постоянно в совершенном порядке, как бы ни была велика ее деятельность»[107]. Описание желаемого порядка и способов его достижения составляет основное содержание труда В. И. Собольщикова. На его страницах Собольщиков подробно рассказал о библиотечном производственном процессе, начиная от поступ-

ления книги в фонд и установки ее на полке до выдачи ее читателю и возвращения на отведенное ей место в хранилище. При этом он не ограничился описанием отдельных библиотечных операций, но показал их взаимосвязь, обеспечивающую должное устройство библиотеки.

В работе Собольщикова сформулированы основные условия, выполнение которых он считал необходимым для каждой «хорошо устроенной» библиотеки:

1. Каждое хранящееся в библиотеке издание должно быть точно известно библиотекарю, отвечающему за состояние фонда.

2. Фонды должны быть организованы так, чтобы в любую минуту библиотекарь смог проверить наличие доверенных ему книг.

3. Библиотекарь должен в кратчайший срок выдавать каждую затребованную книгу и выполнять тематические запросы читателей.

4. Библиотекари должны вести учет выданным книгам и не допускать их пропажи.

5. Организация фондов должна обеспечивать соблюдение приданного им порядка при любом перемещении из залы в залу.

6. Наконец, устройство библиотеки должно быть при необходимости легко усвоено преемниками работающих в ней лиц[108].

Особое внимание Собольщиков уделил, как и сказано в заглавии его труда, «составлению каталогов». Свод правил ведения каталогов, основанный на опыте Публичной библиотеки, явился первой русской инструкцией по каталогизации, предназначенной для общественных библиотек. Отражая требования практики, инструкция нацеливала на то, чтобы описание книги давало полное и четкое представление о ней, и не случайно, что основные принципы описания, изложенные в сочинении Собольщикова, соблюдались в Публичной библиотеке вплоть до начала нынешнего века, а многие из них не расходятся с современным Международным стандартом библиографического описания.

Несмотря на сравнительно небольшой объем, сочинение Собольщикова охватило многие стороны деятельности библиотеки и существенно помогло совершенствованию этой деятельности. Правда, сам автор в письме к В. В. Стасову чересчур скромно оценивал значение своего труда: «Я книг никогда не писал и едва ли когда-

нибудь выучусь этому делу. Написал, правда, о порядке библиотек, ну да что же это за книга?»[109]. Ответ на этот вопрос Собольщиков получил очень скоро: судя по откликам, появившимся в печати, книга его имела большой успех.

Рецензент «Библиографических записок» счел особенно важным преподанные Собольщиковым «отчетливые и полезные в практическом отношении наставления об устройстве библиотек таким образом, чтобы всякую требуемую книгу можно было достать тотчас же, не теряя нисколько времени для ее отыскивания»[110]. Известный библиофил А. Голицын указал, что сочинение Собольщикова поможет избавиться от неудобств, связанных с применением систематической и алфавитной расстановки. «Ясное и дельное изложение системы, предложенной хранителем Публичной библиотеки, — писал А. Голицын, — заслуживает внимания всех, кто занимается книгами или любит их»[111].

Более широко охарактеризовал труд Собольщикова библиограф Г. Н. Геннади, отметивший, что, по мысли автора, «размещение книг должно быть удобно для самой библиотеки, а каталоги должны соответствовать исканиям и требованиям читателей»[112]. При этом Геннади подчеркивал, что все рекомендации Собольщикова «не только извлечены из опыта, но и применены на деле и проверены практикою в отделе иноязычных книг о России в Публичной библиотеке... Результаты его теории таковы, что совершенно убеждают в ее применимости и пользе»[113].

В числе достоинств сочинения Собольщикова Геннади называл и его актуальность: «Это замечательный и самостоятельный труд, полезный особенно теперь, как образуются библиотеки во многих русских городах»[114]. Следует сказать, что в конце 1850-х гг. стали возрождаться библиотеки, закрытые правительством в разгар николаевской реакции в губернских городах. Начали открывать библиотеки в уездных городах — при училищах и воскресных школах. Все провинциальные публичные библиотеки бесплатно получали «Журнал Министерства народного просвещения», содержавший статью Собольщикова, да и сам автор способствовал распространению своего труда. «Из редакции, — вспоминал он, — мне дали 200 отдельных оттисков, которыми с тех пор я снабжаю библиотекарей разных русских библиотек, как Петербурга, так и других городов»[115]. Предложенные им

методы организации фондов и ведения каталогов были благодаря этому использованы в других библиотеках.

Обращение библиотекарей-практиков к сочинению Собольщикова опровергало оценку этого труда, данную известным немецким библиотековедом того времени Петцхольдом. По его словам, он «не нашел в этой книжечке ничего существенно нового и важного» и «сомневался, могут ли опытные и знающие люди извлечь из нее какую-нибудь пользу»[116]. Немудрено, что мнение Петцхольда подверглось впоследствии резкой критике со стороны его соотечественников. Историк библиотечного дела В. Гримм писал: «Удивительно, что Петцхольд и большинство его немецких коллег не поняли, что Собольщиков был одним из тех, кто действительно шел новыми путями... Это было первое сочинение такого рода в России и содержало попытку создания инструкции для составления каталогов. Долгие годы оно оставалось в России единственным в своем роде и использовалось в качестве пособия для устройства библиотек»[117].

Наиболее подробную оценку труда В. И. Собольщикова дал в своем «Обзоре русской литературы по теории библиотековедения» П. М. Богданов. Работа Собольщикова, по словам Богданова, «несомненно имела большое значение и оказала сильное влияние на современных ему работников библиотечного дела... В лице автора этой книжки современное ему русское библиотечное дело получило умного, дельного руководителя, хорошо знавшего, любившего и много думавшего над вопросами библиотековедения... Вся книга проникнута мыслью о великом культурном значении библиотек, о служении их науке и обществу»[118].

П. М. Богданов верно выделил особенность книги Собольщикова: основные вопросы организации фондов и каталогов рассматриваются в ней не узко технически, а в соответствии с теми требованиями, которые предъявлялись к русским библиотекам середины XIX в., и в этом смысле труд Собольщикова явился «воистину историческим для русского библиотековедения»[119].

Обобщение опыта организации фондов и устройства каталогов В. И. Собольщиков успешно сочетал с повседневной практической деятельностью, главное место в которой занимало обслуживание читателей Публич-

ной библиотеки. В середине 1850-х гг. задачи, стоявшие перед Библиотекой в этой сфере, все более усложнялись.

Царское правительство потерпело поражение в Крымской войне, Николая I сменил на престоле Александр II. Власти вынуждены были смягчить реакционный курс, ослабить цензуру, открыть доступ в университеты лицам, вышедшим из низших сословий. Необычайная потребность в просвещении, тяга к знаниям, к книге стали неотъемлемой частью духовной жизни русского общества этого времени. Передовые люди России как бы наверстывали все то, что было упущено во время царствования Николая I. Формировалась новая, демократическая интеллигенция, выступавшая от имени народа.

Поток читателей Публичной библиотеки продолжал увеличиваться, их запросы расширялись, и дирекция Библиотеки не могла не считаться с возрастающими требованиями к национальному книгохранилищу. Опытный политик, Корф, почувствовав меняющуюся конъюнктуру, уверял министра имп. двора, что вопрос о состоянии Библиотеки «касается общественного спокойствия, ибо невозможно скрыть, что ропот становится всеобщим и его невозможно пресечь»[120]. Еще более сгущая краски, Корф осмелился предположить, что недовольство публики по поводу дел Библиотеки «набросит тень на августейшую и священную особу нашего императора»[121]. Эти дипломатические ходы Корфа имели успех, и ассигнования на нужды Библиотеки были увеличены.

Страх по поводу «ропота» публики не всегда был показным. В письмах В. И. Собольщикова к М. А. Корфу приводится несколько случаев, характеризующих обстановку в Публичной библиотеке тех лет. 9 июля 1856 г. он писал: «У нас пронесся слух, что в библиотеке на портрете государя императора сделана какая-то неприличная надпись...»[122] А в письме от 20 ноября 1856 г. приведена целая трагикомическая история: «Сегодня утром раскупорили посылку [из Парижа], в которой оказалась машина. Господа Беккер и Стойкович, свидетельствующие обыкновенно все посылки, отказались прикоснуться к этой машине, подозревая, что она адская, и сочинили было рапорт, что они не свидетельствовали ящик, потому что боялись подвергнуть жизнь свою опасности. Князь В. Ф. [Одоевский] как любитель всякого рода машин и аппаратов объявил, что он чувствует в себе довольно мужества, чтоб приступить к

вскрытию ящика. Вскрыли, достали и сложили очень красивый и уютный типографский станок, к которому не доставало только шрифта, чернил и рамки для скрепления набора, чтобы произвести сейчас же опыт»[123].

В самой атмосфере того времени все более накапливались признаки, свидетельствовавшие о стремлении к общественным переменам. В тесной связи с этим «многообещающим движением умов» (В. В. Стасов) находилось и развитие Публичной библиотеки.

В записке «Мысли об улучшении внутреннего устройства Имп. Публичной библиотеки» (1857 г.) Собольщиков выступал с позиций, близких демократическим кругам русской интеллигенции. Указывая, что «число посетителей Публичной библиотеки возрастает ежегодно», он объяснял, что «явление это есть неизбежное следствие интеллектуального развития в нашем обществе». Оптимизмом были полны его слова о том, что «если обратить внимание на прогрессию, с какою возрастает внимание публики к библиотеке, то есть на развитие нашего общества, то нельзя не изумиться настоящему, нельзя не порадоваться за будущее»[124].

Все «внутреннее устройство библиотеки» и в том числе состав ее фондов следовало, по мнению Собольщикова, формировать с учетом «рода книг, требуемых публикою». Анализируя читательские запросы, он указывал, что «большинство прежних посетителей библиотеки занималось предметами отвлеченными: книги по части богословия, философии, древней литературы и т. п. требовались по преимуществу; в новейшее же время место умозрений заняли науки положительные: математика, военные искусства, технология, естественные науки, политическая экономия завладели почти исключительно умами нового поколения»[125]. Книг по этим наукам в тогдашней Публичной библиотеке решительно не хватало. Как объяснялось в одном из отчетов, Библиотека «сложилась постепенно из трофеев войны, из монарших даров, из приношений частных лиц или приобретенных от них собраний и из тех современных произведений отечественного книгопечатания, которые она получает по закону. Все это делалось по мере средств, возможности и открывавшихся случаев, и от того в составе библиотеки нет и не могло быть доселе ни единства, ни плана или общей путеводительной нити»[126].

Лишь в 1851 г. впервые были ассигнованы специальные средства на приобретение книг, и Библиотека стала

получать не только обязательные экземпляры выходящих в России изданий, но и покупать новые иностранные книги и журналы. Однако отпускаемых правительством денег не хватало, приходилось изыскивать новые источники для получения дополнительных средств. Большую пользу принесли распродажи накопившихся дублетов, активное участие в организации которых принял Собольщиков. С помощью аукционов и письменных конкурсов в 1850-х — начале 1860-х гг. было выручено свыше 50 тыс. рублей. Продажа дублетов не только значительно пополнила бюджет Библиотеки, но и освободила ее от множества лишних книг, поступивших в личные и общественные библиотеки.

Расширяя и обновляя свои фонды, Библиотека привлекала к себе внимание ученых, писателей, книголюбов, которые все чаще посещали ее залы. А это, в свою очередь, побуждало их делиться с Библиотекой своими книжными богатствами. Вспоминая о том, как Библиотека в 1850-х гг. стала «общественным достоянием, дорогим и знакомым для каждого», В. В. Стасов писал: «Со всех сторон сыпались приношения книгами, рукописями, гравюрами, всякими типографическими редкостями и драгоценностями. Все наперерыв старались отыскать у себя в старых шкапах, в забытых углах, здесь или в провинции, что-нибудь такое, что можно было бы подарить Библиотеке, прибавить к ее все более и более разраставшимся коллекциям»[127].

Когда в Библиотеке была заведена книга «для вписывания делаемых в ее пользу приношений», страницы ее быстро заполнялись, сведения о «приношениях» публиковались в годовых отчетах Библиотеки, а наиболее щедрым «споспешествователям» присваивались имена почетных членов Публичной библиотеки и ее корреспондентов. По примерным подсчетам в течение 1850-х гг. в Библиотеку в виде дара поступило 90 тыс. книг. Этот поток добровольных пожертвований Н. Г. Чернышевский рассматривал как свидетельство сочувственного отношения русского общества к главной библиотеке страны[128].

В умножении книжных богатств Библиотеки участвовали и ее сотрудники. Судя по годовым отчетам, В. И. Собольщиков подарил ей 523 книги, 4 эстампа и 4 рукописи. Не ограничиваясь этим, он привлек к комплектованию Библиотеки членов своей семьи и своих

друзей. Его младший брат — Петр Иванович, служивший врачом в Тифлисе, прислал партию книг. Жена В. И. Собольщикова — Наталья Ивановна, сопровождавшая мужа во время заграничной поездки, вступила в переписку с Жорж Занд и обратилась к ней с просьбой подарить Публичной библиотеке один из автографов Шопена. Инициатором этой просьбы был В. В. Стасов, писавший впоследствии: «Известно, какая редкость автограф Шопена: кажется, его не найдешь ни в одной европейской библиотеке, а между тем Шопен в течение всех лучших и талантливейших годов своей жизни ни с кем не был так близок, как с Жорж-Зандом. Вот я и упросил мою знакомую (разумеется, горячую обожательницу Шопена, как все женщины) попытать счастья... Жорж Занд была и тронута, и польщена всем, что прочитала в письме русской дамы: по крайней мере она высказала это в ответе, который послала тотчас же. Она написала несколько грациозных фраз, каких никто не умел писать лучше ее»[129]. В ответе Жорж Занд говорилось: «Я Вам посылаю небольшое письмо Шопена, я не имею другого, которое было бы лучше подписано, но Вы можете быть уверены, что оно подлинное. Примите, мадам, уверения в моем совершеннейшем почтении и моей благодарности за все, что Вы мне написали. Жорж Занд. Нолан. 27 марта 1859 года»[130]. А вскоре Н. И. Собольщикова получила возможность сообщить своей прославленной корреспондентке: «В настоящее время два автографа знаменитых людей — Ваш и Ф. Шопена — выставлены в одной из витрин Публичной библиотеки»[131].

Немало изданий подарил Библиотеке брат Натальи Ивановны и друг В. И. Собольщикова — Иван Иванович Горностаев. Лишь за один 1853 г. от него поступило 323 тома, в том числе комплекты редких русских журналов начала XIX в.[132] И наконец, будущий сват В. И. Собольщикова — Н. П. Семенов (сын которого впоследствии женился на Александре Васильевне Собольщиковой) тоже оказался в числе дарителей Публичной библиотеки.

Собольщиков был знаком и с другими лицами, которые внесли большой вклад в пополнение Публичной библиотеки. В библиотеке С. А. Соболевского хранился подаренный ему Собольщиковым один из роскошно изданных экземпляров его сочинения «Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года»[133].

В переписке В. И. Собольщикова не раз встречается имя другого известнейшего библиофила и библиографа того времени — С. Д. Полторацкого. Так, Собольщиков сообщал Корфу летом 1856 г., что «С. Д. Полторацкий посещает преусердно библиотеку и работает буквально в поте лица над громадным собранием газет, которые мы получили из Гатчины. Вы изволите знать, конечно, что газеты и журналы есть его любимейшая область»[134]. Двумя месяцами раньше при описании обеда, которым Г. Н. Геннади «угостил библиотекарей», Собольщиков, перечисляя сидевших за столом, начал список с Полторацкого и сообщил, что «предметом разговора были большей частью библиотека и книги»[135]. Полторацкий передал в Публичную библиотеку немало своих сокровищ и, как было сказано в одном из ее отчетов, «составил для нашего книгохранилища, как из имевшихся в нем нумеров, так и из подаренных им, единственный полный экземпляр „Ведомостей", выходивших при Петре Великом, пополнил экземпляры некоторых повременных изданий, как русских, так и иностранных, и принес в дар много редких книг»[136]. Остается лишь добавить, что в числе этих «редких книг» была наиболее полная коллекция вольных изданий А. И. Герцена[137].

Иногда Собольщикову удавалось заблаговременно узнавать о предстоящих поступлениях в Библиотеку литературы от некоторых лиц. В одном из писем к Корфу в 1856 г. он писал: «Сегодня в Невском монастыре происходит погребение графа М. Ю. Виельгорского. Говорят, что он завещал нашей библиотеке редкие свои книги»[138]. И действительно, в «Путеводителе по Имп. Публичной библиотеке», изданном четыре года спустя, сказано, что от наследников графа М. Ю. Виельгорского поступила «драгоценная коллекция печатных книг и рукописей псевдофилософического, мистического и магического содержания, собранная графом в продолжении многих лет и с значительными издержками»[139].

При всем значении подобных даров они являлись лишь дополнительным источником комплектования, организация которого страдала множеством недостатков. Новые поступления ограничивались, по словам Собольщикова, «наиболее необходимыми и не обнимали таких изданий, в особенности периодических, которые библиотека по государственному значению своему должна бы иметь»[140].

Критические замечания Собольщикова не всегда принимались во внимание и не все его проекты и идеи удавалось воплотить в жизнь. Несмотря на завоеванный им авторитет и на явную благосклонность к нему со стороны библиотечного начальства, многие его предложения не получали поддержки. Порой приходится удивляться тому, что он все-таки преодолевал невнимание и равнодушие, находил весомые аргументы и добивался существенных нововведений.

Особенно трудно было изменить установившийся порядок обслуживания читателей. Когда в 1850—1851 гг. началась подготовка нового «Положения для посетителей Публичной библиотеки», Собольщиков принял в ней живое участие и предложил издать «Положение» большим тиражом для ознакомления всех посетителей. Он считал нужным расширить права читателей и, в частности, выступил против выдачи для чтения не более двух книг, а также против запрещения брать книги на дом, считая, что это «весьма важное неудобство для публики. Сколько есть людей, занятых службою, которые большую половину года лишены возможности посещать библиотеку». Публичная библиотека должна, по его мнению, выдавать книги на дом при представлении читателем поручительства «от правительственного места или лица». «Это нововведение, — писал он в записке о „Положении для посетителей“, — более приблизило бы библиотеку к главнейшей цели ее существования — *общей пользе»* [141]. Однако выдача книг на дом (в очень ограниченных масштабах) была введена в Публичной библиотеке лишь с 1870 г.

Неисчерпаемая изобретательность Собольщикова во многом способствовала благоустройству читального зала. В 1853 г. по его проекту в нем был установлен «Справочный стол», на котором хранились часто спрашиваемые издания (лексиконы, календари, памятные книги и т. п.). Благодаря пружинному механизму, придуманному Собольщиковым, книги после использования возвращались на свое место [142].

К середине 1850-х гг. стала очевидной необходимость увеличить число мест для работы читателей. До того как у Собольщикова возник проект постройки нового читального зала, он предложил отдать читателям два занятых фондами просторных и светлых «до излишества» зала, окна которых выходили на Александринскую площадь. В одной зале «устроить дежурство и поме-

стить занимающихся чтением и выписками, а другую определить для лиц, которые занимаются рукописями, редкими, драгоценными изданиями и эстампами»[143]. В настоящее время оба эти помещения отведены под читальные залы Публичной библиотеки. Но тогда этот проект был реализован лишь частично: только один из двух названных Собольщиковым залов Исторического отделения, продолжая оставаться хранилищем, раскрыл свои двери для читателей.

Вот как писал об этом сам В. И. Собольщиков: «Так как устройство [старой] читальной залы не позволяет заниматься с удобством книгами больших форматов и такими изданиями, которые еще не окончены и, следовательно, не переплетены, то, чтобы доставить желающим и, в особенности, художникам возможность пользоваться всеми роскошными изданиями, предположено с 1 января 1857 года открыть Ларинскую залу[144], где свет, простор и особое устройство мебели предоставляет все удобства, необходимые для художественных работ»[145].

В центре зала поставили огромный стол для работы с изданиями большого формата. Для снятия копий были изготовлены особые пюпитры. Число художников, посещавших Ларинский зал, увеличивалось с каждым годом: в 1857 г. их было около 1000, а в 1858 г. уже свыше 1400 человек. Сюда охотно приходили учащиеся Академии художеств, будущие инженеры-строители и другие студенты. В одном из отчетов Публичной библиотеки отмечалось, что Ларинский зал «при постоянном пособии и под руководством заведывающего Художественным Отделением Собольщикова представлял, можно сказать, род академического класса», и часто можно было «слышать от молодых художников изъявления самой живой благодарности за радушие, с которым их здесь принимают»[146].

Единомышленником и сподвижником В. И. Собольщикова в организации обслуживания художников, как и во многих других его начинаниях, был В. В. Стасов. Первая встреча их произошла в 1845 г., когда по рекомендации хранителя эрмитажного собрания эстампов Н. И. Уткина В. В. Стасов пришел в Публичную библиотеку, чтобы познакомиться со здешней коллекцией эстампов, которую в то время приводил в порядок В. И. Собольщиков. Чтобы разыскать Собольщикова, Стасову пришлось побродить по всем «ужасным захо-

пустьям» Библиотеки и подняться на самый верхний этаж, где он и обнаружил Василия Ивановича, так как «внизу ему негде было раскладывать на свободе все большие и маленькие листики гравюр, вот он и забрался наверх и там на широких перилах хор лежали разбросанные кучами все эстампные богатства библиотеки. В. И. встретил меня, — писал В. В. Стасов, — с тем радушием и доброжелательством, которые постоянно испытывали с его стороны все гости библиотеки и на которые я никогда и впоследствии не мог довольно надивиться. Мы тут же познакомились очень близко, и с первого посещения моего он дал мне в руки эстампы библиотеки, а равно и все книги и каталоги, которые могли мне быть нужны» [147].

В начале 1850-х гг. Стасов снова появился в Библиотеке уже в качестве ее постоянного читателя. «Мне часто нужно было, — писал он, — заниматься в отделениях, просматривать на самых „местах жительства" целые ряды книг, и, благодаря В. И. Собольщикову, все это сделалось для меня легко и доступно. Через него я перезнакомился со всеми библиотекарями, и в числе их я нашел несколько людей очень примечательных, с которыми было приятно не только советоваться по делам научным, но даже вести самую оживленную беседу» [148].

Введя Стасова в круг своих коллег, Собольщиков не ограничился этим и вскоре привлек его к различным библиотечным занятиям. Сразу же он убедился, что «господин этот обладает неустрашимостью в работе и при том одарен таким необыкновенным свойством, что чем работа труднее, тем охотнее он за нее берется...» [149] Стасов участвовал в составлении каталогов, в организации выставок, в комплектовании фондов. В одном из писем Собольщикова Корфу сообщалось, что «Стасов, бывая ежедневно в библиотеке, имел время пересмотреть все наши витрины. Он нашел несколько весьма серьезных ошибок в приложенных ярлыках. Ошибки эти в особенности показывают неточность знания истории гравюры» [150]. В свою очередь, Собольщиков сообщал Стасову о новых изданиях, подсказывал темы статей [151]. А когда стало известно, что в Библиотеке появилось вакантное место, Собольщиков обратился к Корфу с ходатайством: «С моей стороны я считаю долгом предложить вашему вниманию г. Стасова, который по недостатку ли влияния кн. Г. П. Волконского или по причине перевеса со стороны соперников до сих пор не

может получить обещанное ему место и едва ли получит. Не говоря уже о русском имени этого соискателя (на что вы обратили Ваше внимание при определении в библиотеку г. Стойковича), в пользу его говорят еще энергическая его деятельность и обширные сведения»[152].

По служебным соображениям Корф не стал включать Стасова в штат Библиотеки, а предоставил ему должность, связанную с порученными Корфу историческими работами. Однако Стасова продолжали привлекать к библиотечным делам, и его постоянное общение с Собольщиковым еще больше укрепило их дружбу.

Они были знакомы домами, часто бывали друг у друга. В конце 1850-х гг. дом братьев Стасовых стал средоточием целого круга людей, выдающихся по своим талантам и эрудиции. У них бывали историки Н. И. Костомаров и К. Д. Кавелин, основатель воскресных школ П. В. Павлов, историк литературы А. Н. Пыпин, юристы К. К. Арсеньев и В. Д. Спасович, профессора Б. И. Уткин, И. В. Вернадский, П. М. Ковалевский, В. В. Никольский, композиторы М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, М. А. Балакирев, А. Г. Рубинштейн. Со всеми ними встречался в этом доме и В. И. Собольщиков.

Многих членов кружка Стасовых — Собольщикова связывали дружеские или родственные отношения. Близким другом В. В. Стасова был Иван Иванович Горностаев — брат Н. И. Собольщиковой. Стасов считал его одним «из самых образованных, умных и знающих художников своего времени»[153]. Именно ему давал Стасов свои первые статьи для исправления «штиля». Сестры Горностаевы — Ольга, Вера и Софья — ввели в дом своих супругов — архитектора И. А. Монигетти, военного писателя А. Ф. Петрушевского и свойственника Д. В. Стасова — М. М. Кларка. Ольга Ивановна и Вера Ивановна помогали Стасову в переписке его работ[154].

Из года в год они посещали друг друга и принимали участие в музыкальных вечерах. Как вспоминает В. В. Стасов, «в то время нас несколько человек, любивших музыку, собирались довольно часто вместе, чтобы исполнять в 8 рук на фортепиано хорошую музыку. Наша partie fixe [постоянная компания] обыкновенно состояла из следующих лиц: Наталья Ивановна Собольщикова, мой брат Дмитрий.., В. П. Энгельгардт, один из наших прежних товарищей по Правоведению, А. Н. Серов — тоже товарищ по Правоведению и старинный мой

приятель, наконец я. Иногда (но редко) к нам присоединялись музыканты Сантис и Вильбуа...»[155]

Многие друзья Стасова сближались с Собольщиковым. Так случилось, например, с М. А. Балакиревым, который в конце 1850-х гг. очень бедствовал и никакой поддержки от семьи получить не мог. Отец его жил в Нижнем Новгороде, зарабатывал мало, подолгу оставался не у дел и сам рассчитывал на помощь сына. Узнав об этом, Собольщиков обещал через Министерство внутренних дел (где он служил по совместительству архитектором) помочь отцу Балакирева устроиться на работу, но «не расчел того, что из пушек по воробьям нельзя подстрелить»: те служебные места, на которые мог рассчитывать Балакирев-старший, зависели не от министерства, а от губернских властей. «Здешние силы слишком велики для маленьких целей», — писал Собольщиков, предпринимая дальнейшие шаги с учетом тогдашних канцелярских порядков, но не отступая от своих обещаний[156].

Дружбу В. И. Собольщикова с В. В. Стасовым еще больше укрепила их совместная работа в Отделении «Россика». В воспоминаниях Стасова об этой странице их взаимоотношений говорится особенно тепло: «Когда в конце 1855 года В. И. Собольщиков предложил мне заняться систематическим каталогом „Россика“, я с истинным восторгом ухватился за это предложение»[157]. Восторг Стасова относился не только к порученной ему работе над каталогом, но и ко всему «этому удивительному, этому беспримерному отделению „Россика“. Ведь это была целая отдельная, полная библиотека!»[158]

В конце 1849 г. В. И. Собольщиков писал своему сослуживцу А. Ф. Бычкову: «Я получил поручение страшное... Мне поручено собрать по всей библиотеке все книги, относящиеся до России. Барон желает составить особенную библиотеку книг о России. Я принялся уже за эту работу и выбираю из иностранных карточек что следует»[159].

Так было положено начало созданию в Публичной библиотеке собрания иноязычных сочинений о России. Первым к подготовке его устройства был привлечен Собольщиков, и лишь через год это начинание получило официальное закрепление. В приказе от 1 августа 1850 г. объявлялось о решении «соединить в библиотеке в отдельном помещении все напечатанное о России когда

бы то ни было на языках иностранных». Далее в приказе говорилось: «Работы по сему предмету возлагаю на подбиблиотекаря Собольщикова. Ему поручается вследствие того подыскать приличную и удобную в библиотеке залу, в которую могли бы тотчас быть перенесены все наши книги о России на иностранных языках»[160].

Замысел создания такого фонда возник уже давно. Еще в 1815 г. А. Н. Оленин писал о необходимости приобретения Публичной библиотекой иностранных сочинений, касающихся отечественной истории[161]. Вскоре обсуждение этого вопроса развернулось на страницах печати. Излагая план организации «Русского исторического музея», историк Ф. Аделунг особо оговаривал необходимость «самого полного собрания важных для истории и географии российской творений старинных путешественников по России — англичан, итальянцев и немцев»[162]. В проекте историка Г. Вихмана предлагалось собрать в «Национальной библиотеке» «все те сочинения, которые с древних и до новейших времен напечатаны на разных языках и почему-либо относятся к России»[163]. Московский библиофил А. Д. Чертков приступил уже к осуществлению этой идеи, создав библиотеку, в которой стал собирать «все то, что когда-либо и на каком бы то ни было языке писано о России»[164].

Интерес к подобным изданиям проявлял и М. А. Корф. Накануне создания Отделения «Россика» он писал в своем дневнике: «Лет около 30 тому назад я долго трудился над полною по возможности библиографиею всего напечатанного во все времена и на всех языках о России, и рывшись во всех библиографических словарях, сборниках, журналах и даже книгопродавщицких каталогах, успел составить огромное собрание заглавий, сведенных по алфавиту с возможной библиографической точностью»[165]. Впрочем, просмотр тетрадей Корфа, датированных 1819 г. и хранящихся ныне в Публичной библиотеке, показывает, что полноту собранной им библиографии он явно преувеличивал: Корфом было названо всего около 1500 книг, а уже в первый год занятий Собольщикова «Россикой» число это было значительно превышено.

О своих планах сбора иностранных материалов о России Корф сообщал в свое время А. С. Пушкину, и, хотя отношения между двумя бывшими лицеистами были всегда более чем прохладными, Пушкин на этот раз поддержал идею Корфа и выразил желание прочесть

названные Корфом книги[166]. Да и могло ли быть иначе? Ведь Пушкин-ученый, Пушкин-писатель всегда стремился расширить круг используемых им источников. Достаточно привести одно из его писем 1833 г.: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку; завтра получишь Struys и одалиску. Нет ли у тебя Сочинение Вебера о России (Возрастающая Россия или что-то подобное?), а Пердуильонис, то есть Stephanus Rasin Don[icus] Cosacus perduellis publicae disquisitionis J[usto] M[arcto] i Schurtzfleisch А. П.»[167] Из письма явствует, что Пушкин, желавший знать побольше о восстании Степана Разина и о его казни, не довольствовался сравнительно немногочисленными русскими источниками, а хотел дополнить их наиболее достоверными иностранными известиями об этих событиях. Примечательно, что в его письме перечислены именно те издания, которые сейчас занимают главное место в систематическом каталоге «Россики» по разделу «Крестьянская война под руководством С. Разина»: «Стенька» (т. е. изданное в 1671—1672 гг. на голландском, немецком, английском и французском языках «Известие» о восстании Разина), книга голландского парусного мастера Я. Стрейса, повидавшего Разина в Астрахани, книга немецкого историка Ф. Вебера, опубликовавшего перевод приговора Разину, и, наконец, первая диссертация о Разине, написанная очевидцем его казни И. Марциусом под руководством профессора С. Шурцфлейша и защищенная через три года после подавления крестьянской войны.

Создание в Публичной библиотеке нового отделения соответствовало потребностям отечественной науки и культуры.

Впрочем, дирекция Библиотеки заботилась не только о благе науки: в докладах Корфа вышестоящим властям настойчиво повторялось, что собрание иностранных книг о России будет «важным и для науки и для правительственных целей»[168]. По словам Корфа, наличие подобной коллекции «удержит многих недоброжелателей и хулителей России от легкомысленных нареканий и толков — страхом обличения, теперь часто невозможного по недостатку материалов»[169]. Собранные иностранные издания представляли безусловный интерес для повседневной дипломатической практики. К тому же в коллекции предполагалось хранить иноязычную эмигрантскую литературу, ознакомление с которой, по мнению Корфа, должно было сделать более действенной

борьбу с демократической и революционной оппозицией в стране и за ее пределами. Именно эти — политические — мотивы, выдвигаемые в конфиденциальной переписке Корфа на первый план, обеспечили новому начинанию Публичной библиотеки официальную поддержку и щедрую финансовую помощь. К чести работников Библиотеки, они сумели использовать поступающие средства для создания фонда, значение которого вышло далеко за пределы того, что ожидали от него царские чиновники, и дали основание В. В. Стасову сказать, что Отделение иноязычных писателей о России представляет собой «учреждение совершенно беспримерное в Европе и в высшей степени полезное для русской науки»[170].

История собирания «Россики» заслуживает специального исследования. В. И. Собольщиков считал, что эта история «была бы очень любопытна и поучительна для читателей» и сожалел, что не может «передать некоторых эпизодов этой истории, полных самого жгучего интереса»[171]. Постараемся хотя бы немного заполнить этот пробел в летописи русского библиотечного дела.

Как уже было сказано, Собольщиков еще с 1849 г. начал собирать по всем отделениям Публичной библиотеки книги для будущей коллекции. Он вспоминал, что ему было поручено «выбрать из карточек „Исторического отделения" все заглавия, относящиеся до России, и передать их библиотекарю, заведовавшему „Историческим отделением", чтобы тот отыскал и передал мне книги... Меня не забывали также библиотекари и других отделений: являлись книги содержания богословского, юридического, истории литературы, естественных наук, лингвистики и других»[172]. На основании того, что было собрано, а также с помощью библиографических источников был составлен список «всех имевшихся в виду заглавий книг о России» с целью «облегчить для любителей отечественной истории возможность припомнить книги, относящиеся до России, руководствуясь заглавиями, полными или приблизительными, иногда и одними указаниями на заглавия книг по сей части, а равно исправить и дополнить их»[173]. Список был разослан видным историкам и археографам, в том числе О. М. Бодянскому, Н. В. Калачову, К. И. Неволину, М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, П. М. Строеву, А. Д. Черткову и другим и «возвратился... от некоторых лиц с весьма полезными замечаниями»[174]. Так, археограф О. М. Бодянский внес дополнений «почти наполовину противу

целого каталога»[175], директор Московского главного архива М. А. Оболенский добавил в список свыше 500 названий[176]. С. М. Соловьев дал совет не ограничиваться чисто историческими сочинениями, а включить в новую коллекцию все издания на иностранных языках, относящиеся к России[177].

Вслед за составлением списка намеченных к приобретению книг надо было добиться получения их «в натуре». Задача была очень сложной, ибо во многих случаях дело касалось изданий, «которые почитались совсем уже исчезнувшими или которых и само существование едва подозревалось»[178].

Прежде всего обратились к крупнейшим русским библиотекам. В 1852 г. в Эрмитаж был направлен список книг, «которых недостает еще Публичной библиотеке и которые, не образуя в Эрмитаже целого, не имеют там и особенного значения, тогда как, быв переданы в библиотеку, они пополнили бы ее пробелы и доставили бы ученым возможность все нужное им для справок иметь под рукою в одном месте»[179]. Книги из Эрмитажа навсегда вошли в Отделение «Россика», а книги, полученные из Румянцевского музея, Публичная библиотека решила хранить лишь до того времени, пока она не приобретет их сама в других экземплярах, и в конце 1850-х — начале 1860-х гг. большинство их вернулось в Румянцевский музей. Множество изданий поступило из библиотеки Генерального штаба, из ряда университетских библиотек[180], а также от различных русских ученых и коллекционеров. Крупнейший библиофил того времени С. А. Соболевский так определил свое отношение к собиранию фонда «Россика»: «Я счел бы грехом не снабдить Санкт-Петербургскую библиотеку книгою о России, хотя бы она меня сильно интересовала и служила пополнением какой-нибудь из моих любимых серий»[181]. Это мнение разделяли многие тогдашние собиратели.

Не ограничиваясь сбором книг в России, Публичная библиотека обращалась в иностранные учреждения и книгохранилища и широко использовала возможности международного книжного рынка. Многие антиквары и книгопродавцы посылали ей свои каталоги еще в виде корректурных листов, чтобы Библиотека могла первой приобретать нужные ей издания. В переписке В. И. Собольщикова не раз встречаются упоминания о просмотре этих каталогов. Весной 1859 г. он писал В. В. Стасову: «Фридлендер прислал мне корректурный лист своего

каталога разных rossica и polonica, имеющих продаваться с молотка. В этом собрании есть много вещей, недостающих у нас, но — молоток!»[182] Т. е. надо поторопиться с покупкой, а иначе книги будут проданы. В том же письме Собольщиков сообщает о наличии у другого антиквара редкого издания «Ливонской хроники» Рюссова: «Книга эта еще не продается, но быть может будет продаваться»[183]. Значит, надо быть наготове и не упустить возможности пополнить «Россику».

Собольщиков принимал деятельное участие в комплектовании коллекции и вскоре стал знатоком иностранных сочинений о России и литературы о них. И когда Корф во время своих поездок за границу отправлял в Библиотеку купленные им книги, Собольщиков знал о них подчас больше, чем его начитанный директор[184].

Отделение «Россика», также как и Русское отделение, пополнялись «всеми книгами, которых в них недостает, без всякого исключения»[185]. Расширение коллекции «превзошло все ожидания, даже все примерные расчеты»[186] и к 1860 г. в ней было уже около 30 тыс. изданий. Не без основания Собольщиков утверждал, что новое Отделение «доведено до такой полноты, что собрания подобного этому нет нигде в мире»[187].

Работа с фондом «Россика» имела решающее значение в процессе формирования Собольщикова как библиотекаря-новатора. Будучи назначен заведующим этим Отделением, он «попал в положение самое необыкновенное», ибо ему «предстояло не продолжать начатое или переделывать уже сделанное, а создать новую форму собрания книг, никогда не существовавшего, строить на чистом поле». При этом он получил «полную свободу» заводить порядок, какой он считал лучшим[188].

Когда к Собольщикову стали поступать из разных отделений Библиотеки книги о России, он начал расставлять их по той системе, которую незадолго до этого предложил применить в Историческом отделении, т. е. в соответствии с размерами книг определял их место в шкафу и сразу же проставлял на самой книге и на каталожной карточке номер зала, шкафа, полки и книги. Так же точно поступал он впоследствии со всеми вновь приобретенными книгами, сразу же составляя их описания и внося на карточки раз навсегда присвоенные книгам шифры. Таким образом, организация Отделения «Россика» с самого начала его существования явилась воплощением системы «крепостной расстановки».

«Чистое поле», о котором писал Собольщиков, было возделано им самым лучшим образом, и, признавая эту его заслугу, дирекция, характеризуя Отделение «Россика», отмечала: «Благодаря не столько новой идее, сколько ее детализации и применению, создана за очень короткое время образцовая библиотека, являющаяся предметом восхищения наших многочисленных посетителей» [189].

Работая в Отделении «Россика», Собольщиков взял за правило не допускать разрыва между двумя основными библиотечными процессами — организацией фондов и каталогизацией и поэтому не ставил книги на полки, предварительно не составив их описания для каталога. Порою это требовало от Василия Ивановича большого напряжения сил, как видно из приводимой ниже истории.

«Мне принесли вдруг несколько сотен книг, — вспоминал Собольщиков. — Это случилось в каникулярный июль месяц. Пора была жаркая, семья моя жила в Парголове, куда и я отлучался на короткое время. Сложилось так, что именно в одну из моих отлучек книги принесли в мою залу и загромоздили ими все выступы шкафов... Я воротился из Парголова далеко за полночь, сделав в тот день прогулку в Токсово с большой компанией. Было уже светло, но я не лег спать, а отправился в библиотеку, провел испытующие взоры по рядам неприятельской армии, и тотчас же начал атаку тем, что взял к себе домой кучу маленьких книжонок и засел списывать их заглавия. Покончив с первым отрядом, я уснул немного. С утра я забрался в библиотеку, проработал там весь день, откладывая мелкие книжонки для ночной работы, вечером унес их домой, кончил их в течение ночи, а на другое утро, прописав до второго часа, запечатал толстый пакет с карточками и отправил их в библиотеку с запиской: „В настоящее время в заведоваемом мною отделении нет ни одной книги, не внесенной в каталог“» [190].

Собольщиков имел в виду в данном случае алфавитный каталог, составленный им из карточек с краткими описаниями книг. Эти же карточки он разложил «в том порядке, как книги стояли [и стоят] на полках и списал в тетради одни только главные слова, употребленные для алфавитного порядка, с прибавлением места печати и года. Таким образом получился инвентарь собрания или местный список» [191].

К составлению систематического каталога Собольщиков приступил лишь после того, как через его руки прошли тысячи иностранных книг о России и стали вырисовываться контуры создаваемого собрания и его составных частей. Ведь по сравнению с руководителями других отделений, использовавшими при составлении классификационных схем своих каталогов предшествующий опыт русских и зарубежных библиотекарей, Собольщиков находился в более трудном положении. «Никаким образцам, — вспоминал он, — я следовать не мог, да и образцов для подобного каталога искать было негде, потому что нигде никогда не существовало... такого богатого собрания книг, имеющего предметом не науку, а страну»[192].

О том, какими принципами руководствовался Собольщиков, разрабатывая свою классификацию, можно судить по его требованиям к печатным систематическим каталогам отдельных частей коллекции. Во-первых, он считал нужным исходить из содержания представленной в фонде литературы или, говоря словами Собольщикова, «в самом собрании видеть ту систему подразделений, на которую собрание должно распасться». А во-вторых, каталог такого фонда, в котором собраны по преимуществу исторические источники, документы и аналогичные им издания, должен был, по его мнению, «выставить в возможно лучшем систематическом порядке возможно большее число подразделений всей литературы о данном общем предмете»[193].

Составленная Собольщиковым схема состояла из ста с лишним разделов и подразделов, по которым и были распределены карточки с описаниями книг. Причем в тех случаях, когда «книга по разнообразному содержанию своему должна была находиться в двух или трех частях каталога»[194], карточки дублировались, и это придавало систематическому каталогу необходимую многоаспектность.

В дальнейшем работу над систематическим каталогом Собольщиков передал В. В. Стасову, который продолжил ее, следуя тем же принципам, что и Собольщиков. Любопытно, что суть своего подхода к этой работе Стасов изложил почти теми же словами: «Материал, бывший у меня под руками, был столько своеобразен и исключителен, что я счел за лучшее сообразоваться лишь с ним самим, с его требованиями, а не со старинными учеными схемами»[195].

Предложенная Стасовым система встретила полное одобрение Собольщикова, докладывавшего Корфу летом 1856 г. о том, что работа над систематическим каталогом «в руках г. Стасова идет удивительно успешно»[196], а сам Стасов сообщал своему брату в это время, что она близится к концу[197]. Одной из особенностей этого каталога было, по словам Стасова, то, что «первою категориею в нем являлось не „Богословие", как это с незапамятных времен ведется в каталогах и системах старинного покроя, а „История России"... Место же „Богословия" занял отдел „Религии", где собраны были все книги, трактующие о разнообразных и многочисленных религиях, исповедуемых в России»[198]. Как вспоминал В. И. Собольщиков, «эта система расположения всего отделения „Россика", вмещающего, можно сказать, большинство наук, отдана была на обсуждение Академии Наук, которая признала ее вполне правильною, почему она и была введена в этом отделении»[199]. Созданный в результате совместных усилий Собольщикова и Стасова систематический каталог «Россики» «представлял собой ценнейшую и обширную библиографию по отечествоведению, одну из ранних и важных библиографий страноведческого типа в России»[200].

Столичная общественность следила за этой работой с большим интересом. Еще в ходе ее рецензент «Отечественных записок» отмечал, что составление систематического каталога «Россики» является огромной услугой русской науке и драгоценным пособием для изучения русской истории. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Пыпин, часто занимавшиеся в Публичной библиотеке, дали каталогу высокую оценку и выразили надежду на его продолжение и публикацию[201]. Да и практическое его использование говорило само за себя: читатели обращались к нему очень часто. «Сколько важных услуг оказал [систематический] каталог этот таким ученым, как Соловьев, Костомаров, каким обильным потоком хлынул он на вопрос Академии Наук об изданиях грамматики Ломоносова, а мелких пособий и пояснений не перечтешь: он дает их почти ежедневно», — писал Собольщиков[202]. Этот систематический каталог существует и по сей день, его классификационная схема достаточно удобна, и он продолжает служить добрую службу библиографам и читателям Публичной библиотеки, ибо на его карточках можно найти самые полные

и подробные сведения об изданиях, составляющих коллекцию «Россики».

Требование наибольшей полноты библиографического описания, предъявляемое в середине XIX в. к систематическим каталогам Публичной библиотеки (в отличие от алфавитных каталогов, в которых применялись краткие описания), во многом определило содержание споров, разгоревшихся в 1860-х гг. в связи с проектом издания каталога «Россики».

Добиваясь ассигнований на это издание, дирекция Библиотеки стремилась убедить министерских начальников, что оно «принесет пользу во многих отношениях: *в научном.., в библиографическом.., в практическом...»*[203]

Однако министерство в деньгах отказало, и лишь счастливое стечение обстоятельств позволило сохранить надежду на воплощение этого замысла: книготорговец М. И. Глазунов, арендовавший лавки в доме Библиотеки, обратился с просьбой продлить контракт, а в знак благодарности обещал пожертвовать 8000 рублей на печатание каталога[204]. Оставалось лишь решить, каким именно должен быть будущий каталог, и вот по этому вопросу мнения решительно разошлись.

А. Ф. Бычков, В. Е. Ген, Б. А. Дорн и некоторые другие библиотекари высказывались за то, чтобы каталог был систематическим, тогда как Р. И. Минцлоф, М. А. Корф и В. И. Собольщиков считали, что в печатном каталоге описания должны быть расположены в алфавитном порядке и в качестве приложения дан краткий систематический указатель. В записке «О преимуществе алфавитного порядка для полных заглавий печатного каталога» Собольщиков обосновал свою позицию. На первый взгляд, он вступил в противоречие с собственными утверждениями об особой важности систематического каталога для читателей, ведущих научный поиск. Недостаточно убедительным кажется, например, довод о том, что «как для ученого небиблиографа, так и для библиографа специалиста полные заглавия со всеми заметками и перечислением всех изданий не легкодоступны в порядке систематическом; если же они будут расположены в порядке азбучном, то и библиограф останется совершенно удовлетворенным и небиблиограф без труда найдет ту книгу, которой заглавие ему хорошо известно»[205]. Надо, однако, иметь в виду, что эти замечания относились не ко всей системе каталогов Публичной библиотеки, а лишь к каталогу особого

вида (печатному, а не карточному), отражающему фонд особого (многоаспектного по содержанию) собрания.

Собольщикову представлялась сомнительной возможность создать стабильную систему классификации, пригодную для печатного каталога. «...Я думаю, — писал он, — что если мы в предполагаемом печатном каталоге примем систем[атическое] деление, хотя и лучшее по нашему убеждению, но все-таки несовершенное, то для этого гораздо благоразумнее употребить сокращенные заглавия, нежели класть в основание шаткого здания системы такие солидные материалы, как полные заглавия, обогащенные заметками, полученными через многолетние труды и разыскания. Пусть эти солидные материалы сохранятся лучше в безупречном азбучном порядке, который вечен и непреложен как сама азбука, служащая материалом для выражения нашей мысли» [206].

Позиция Собольщикова по данному вопросу была весьма уязвимой. И это отметил один из участников дискуссии — С. А. Соболевский. Отвечая на заданный ему вопрос, он писал: «Как мнение В. И. Собольщикова? Если, паче чаяния, он стоит за алфавитный, то я припишу это только тому, что он таковой находит удобнее для публики; я же замечу, что если это удобство и кажется ему — то это только по той единственной причине, что это удобство производное от него самого и прекратилось бы при всяком другом» [207].

Высказывание Соболевского было достаточно лестным для Собольщикова, но отнюдь не подкрепляло его позиции. Впрочем, вопрос в конечном счете был решен с учетом практических соображений: для пробы напечатали несколько страниц алфавитного каталога с систематическим указателем. Но дальше пробных оттисков дело не пошло, а потом обстоятельства сложились так, что осуществлять замысел Собольщикова довелось уже не ему самому.

Мы не знаем, по какой причине директор Публичной библиотеки И. Д. Делянов поручил составление вопросника для подготовки нового каталога «Россики» [208] не В. И. Собольщикову, а А. Ф. Бычкову. Возможно, Собольщиков был занят в это время строительными работами в других учреждениях, а может быть, дирекция уже намечала его замену на посту руководителя «Россики», чтобы сосредоточить его силы на других участках библиотечной деятельности. Собольщиков был очень

уязвлен отстранением от этой работы и в своей записке от 2 марта 1865 г. с несвойственной ему резкостью упрекал начальство: «Брошюра была составлена тайно от меня, и к чему тайна в этом деле была нужна я не знаю... Не лучше же было бы обратиться ко мне за советом как к заведующему отделением „Россика" до издания „Правил и вопросов" и таким образом в конспекте издания каталога дать мне роль респондента, нежели заставлять меня быть оппонентом в деле официально на мне лежащем?»[209]. В мае 1865 г. происходило обсуждение проекта издания систематических каталогов отдельных частей «Россики» (литература о Петре I, литература о Прибалтике и др.), но Собольщиков, видимо, не принимал в нем участия, ибо подписи его под «меморией» этого собрания не имеется[210].

К идее Собольщикова об издании алфавитного каталога «Россики» Публичная библиотека вернулась в 1869 г., когда подготовка его была поручена К. Ф. Феттерлейну, широко использовавшему материалы карточных каталогов «Россики», над которыми в свое время немало потрудился В. И. Собольщиков[211]. Долгожданный печатный каталог «Россики» вышел в свет в 1873 г., уже после смерти Собольщикова[212]. Создателю «Россики» не удалось увидеть этот фундаментальный библиографический труд, получивший у современников высокую оценку. На международном библиографическом конгрессе 1878 г. каталог «Россики» был назван «бесценным и единственным в своем роде»[213].

При жизни Собольщикова и в последующие годы собрание «Россика» пользовалось большим спросом у читателей Публичной библиотеки. С момента его создания и до Октябрьской революции читатели обращались к его материалам свыше 120 тысяч раз, причем неудовлетворенными из-за отсутствия нужных изданий осталось менее одной десятой части читательских требований[214]. Книги и журналы из состава «Россики» побывали в руках многих историков, географов, литераторов, правоведов, лингвистов и других русских и иностранных ученых и оказали им большую помощь[215].

Однако далеко не все издания, хранившиеся в «Россике», были доступны читателям. В письме министру народного просвещения в 1871 г. дирекция Библиотеки заверяла начальство, что запрещенные сочинения, включенные в каталог «Россики», «по-прежнему не будут выдаваться читателям»[216]. А если судить по официаль-

ным спискам запрещенных изданий, в «Россике» подобных книг было больше, чем в каком-либо другом отделении Библиотеки. Лишь после Октябрьской революции богатства, собранные в коллекции, стали доступны народу.

Сто с лишним лет назад В. В. Стасов писал: «В целой Европе нет ничего подобного нашему отделению иноязычных писателей о России: без сомнения, в каждой стране собрание сочинений, касающихся ее, бывает особенно обширно и превосходит все остальные, но сюда входят обыкновенно всего более сочинения, появившиеся в той самой стране... Но у нас, при исключительном богатстве и полноте книг о России, писанных на русском языке, существует еще, вдобавок, ни с чем не сравненная коллекция сочинений о нашем отечестве, напечатанных во всех краях света и на всевозможных, бесчисленных языках»[217].

Слова эти не устарели и по сей день, и можно лишь добавить, что первый хранитель и активнейший участник создания этой коллекции — В. И. Собольщиков — заслуживает глубокой благодарности потомков.

Глава III

Библиотекарь и зодчий (1859—1868)

В конце 1850-х — начале 1860-х гг. в России, по определению В. И. Ленина, сложилась революционная ситуация. Страна была накануне революционного взрыва. Долгожданное, но отнюдь не полное, а сильно урезанное «освобождение» крестьян не внесло успокоения в русское общество. Пламя крестьянских бунтов охватывало одну губернию за другой, и эти выступления вызывали глубокое сочувствие у демократической интеллигенции. Поколение революционных разночинцев заняло одно из ведущих мест в общественной жизни, науке, литературе.

Царские власти стремились расправиться с революционерами и не гнушались никакими средствами. Каким злорадством проникнуто одно из писем барона Корфа, написанное летом 1862 г.: «Из Лондона присланы были фотографические портреты четырех господ, ехавших к нам на пароходе. Разумеется, что их сей час задержали

и осмотрели, *первым* результатом чего было открытие на них, сверх множества прокламаций, писем Герцена к здешним друзьям, а *вторым*—арестование Чернышевского, Серно-Соловьевича и Писарева, к которым адресованы были эти письма. Легко себе представить к каким благодетельным дальнейшим результатам может повести это открытие, в котором так очевиден перст божий»[1].

Но уничтожить, подавить революционный порыв не удалось, и со страниц герценовского «Колокола» продолжали звучать слова правды: «Все люди, слабые верой, думали, что страшные удары, которыми правительство било по молодому поколению за все — за пожары, в которых оно не участвовало, за польское восстание, за воскресные школы, за возбужденную мысль, за чтение книг, которые читает вся Европа, за мнения, сделавшиеся ходячей монетой, за общечеловеческие стремления, даже за желание работать — приостановили движение, начавшееся после Крымской войны. Нисколько. Оно только въелось глубже и дальше пустило корни»[2].

Одной из отличительных черт общественного движения 1860-х гг. была, по определению В. И. Ленина, «горячая защита просвещения»[3]. Новые веяния, распространявшиеся в русском обществе, отразились и на отношении к книге и чтению. По словам революционного демократа Н. В. Шелгунова, «в шестидесятых годах чудом каким-то создался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать»[4]. Об этом же применительно к Публичной библиотеке говорилось и в статье, опубликованной в 1863 г.: «В классе посетителей читальной залы, как в фокусе, отражаются видоизменения, совершающиеся в петербургском населении. В настоящее время в ней бывает множество личностей из таких классов общества, которые десять лет тому назад как будто не знали о существовании Публичной библиотеки»[5]. В 1860 г. в рецензии на издания Публичной библиотеки Н. А. Добролюбов писал: «Самое главное, употребление библиотеки очень распространилось в последнее время»[6].

В. И. Собольщиков имел возможность следить за этими изменениями не только с позиций наблюдателя, но и в качестве одного из тех, кто ежедневно встречался с читателями в стенах Библиотеки и лучше других был знаком с их требованиями и стремлениями. Он писал в

эти годы: «Рассматривая ближе массы людей, посещающих читальную залу, и предметы их занятий, нельзя, конечно, не увидеть, что Имп. публичная библиотека служит для своих посетителей скорее обширным учебным средством, нежели материалом для работы ученых; но этого обстоятельства нельзя ставить в укоризну ни нашему обществу (по естественному ходу вещей в нашем обществе больше учащихся, нежели ученых), ни самой библиотеке: в Петербурге одна только она доступна всякому»[7].

Расширение круга читателей и активизация их чтения требовали от Библиотеки увеличения масштабов обслуживания читателей. Однако недостаток площади для размещения растущих фондов и небольшие размеры читального зала лишали его этой возможности. В докладе дирекции Библиотеки министру имп. двора в ноябре 1857 г. говорилось: «Нет более места ни для книг, ни для читателей». В читальном зале «каждый человек ограничен пропорциею воздуха, недопускаемою даже на фабрике... Еще несколько месяцев, много год, и поступающие книги должно будет... складывать на пол... Библиотека снова обратится в кладовую с затерянным к ней ключом»[8]. Еще более мрачно обрисовал сложившееся положение В. И. Собольщиков: «Вечером, когда горит множество ламп и собирается сто человек читателей и служащих при библиотеке, в читальной зале духота делается невыносимая, но потребность работать для науки не отгоняет публику... Случается очень часто, что лица, не находящие места у столов и у выступов шкафов, стоят в проходе и читают при свете ламп, горящих в люстрах»[9].

Дирекция Библиотеки, сообщая властям о возникших трудностях, сперва считала возможным ограничиться постройкой новой галереи для хранения книг и высвободить место для читателей в старом помещении. Но многие сотрудники — и среди них В. И. Собольщиков — настаивали на проведении более крупных строительных работ, и прежде всего на постройке нового читального зала. Однако барон Корф, памятуя о том, что в ответ на подобные просьбы Александр II однажды уже велел «подождать более благоприятных обстоятельств», долго не давал хода этим идеям.

«Наконец, нашествие читателей сделалось так велико, — вспоминал В. И. Собольщиков, — что в отведенной им зале они сидели чуть не один на другом, как сельди

в бочке. Прибавили столов в соседней приемной зале. Видя, что наши ресурсы истощаются, что нас, как говорится, припирают к стене, барон сказал мне однажды: „Давайте мне теперь проект уже не галереи, а большой залы, где можно было посадить вдруг 200—250 читателей“. Я не заставил долго ждать и переписка началась» [10].

Один из первых документов в этой переписке открывался словами Собольщикова: «В числе предметов, которыми гордится город, даже целая нация, публичные библиотеки везде занимают одно из первых мест» [11]. Задуманное строительство и должно было помочь петербургской Публичной библиотеке быть достойной своего высокого назначения.

В 1859 г. Собольщиков в качестве руководителя строительной части и архитектора Публичной библиотеки отправился в командировку в Германию, Францию, Бельгию, Англию и Австро-Венгрию, чтобы «приготовиться, посредством подробного изучения главных тамошних библиотек к предстоящей постройке... новой читальной залы» [12].

Убеждение в необходимости обмена опытом между библиотекарями разных стран сложилось у Собольщикова еще до этой поездки. Так, узнав из печати о перестройке работы Парижской императорской библиотеки и решив, что обобщенный опыт Публичной библиотеки по расстановке и каталогизации фондов будет полезен и французским коллегам, он перевел на французский язык свое сочинение «Об устройстве общественных библиотек». Оно было послано в Париж, где его тотчас же и напечатали [13]. Впоследствии французское издание этой книги рассылали тем иностранным учреждениям, которые обращались в Публичную библиотеку с просьбой сообщить о принятых в ней правилах организации и раскрытия фондов (в Афинскую публичную библиотеку, Национальную библиотеку во Флоренции и др.).

Стремление ознакомиться с достижениями библиотечного дела в других странах и использовать их на благо своей Библиотеки побудило Собольщикова «осмотреть и по возможности изучить порядок библиотек, формы их каталогов и, в особенности, устройство читальных зал» [14]. Ему предстояло выяснить «подробности устройства тех принадлежностей, которые служат собственно для удобства посещающей библиотеки публики» [15], обра-

тив особое внимание на архитектуру библиотечных зданий, их отопление, вентиляцию и оборудование, на организацию обслуживания в читальных залах, на систему хранения фондов и их отражения в каталогах.

С 26 января по 20 апреля 1859 г. В. И. Собольщиков побывал в пяти странах и осмотрел 19 библиотек. Наблюдения его, отразившиеся в переписке (особенно в посланиях к В. В. Стасову, написанных под свежим впечатлением увиденного [16]) и в последующих сочинениях, отличались целенаправленностью, точностью и содержательностью, придающих им значение важных источников по истории европейского библиотечного дела в прошлом веке.

Первой библиотекой, которую осмотрел Собольщиков, была Венская императорская библиотека, и она сразу же его разочаровала. В очерке, написанном по окончании поездки, Собольщиков указывал, что библиотека эта, «обставленная строгими формальностями и открытая не более четырех часов в день, мало посещается публикой» [17]. В письме к Стасову приведено интересное сравнение: «Библиотека здесь то, что была наша во времена Оленина. Пять-шесть читателей и масса старых книг — новых не покупают» [18].

Однако в Вене Собольщикова ожидала радостная встреча. «Приятнейшим из посещения было знакомство с Миклошичем. Славянин по виду и в гости к себе просит, чтобы познакомить мою жену со своею» [19], — писал он Стасову. Возвращаясь к этому эпизоду в своем очерке, отмечал: «Узнав, что я русский, он принял меня не как соплеменника, а как земляка» [20]. Беседа со славянским ученым вернула Собольщикова в круг издавна занимавших его проблем славянской книжности. Еще в 1856 г. он принимал участие в приемке приобретенного Публичной библиотекой книжного собрания крупнейшего чешского просветителя Й. Юнгмана и вместе с А. Стойковичем сверил книги Юнгмана с рукописным каталогом его собрания [21]. «Я на каждом шагу радуюсь этому приобретению, — писал он М. А. Корфу. — Собрание это, составленное специалистом и членом великой семьи славян, весьма замечательно, и мне кажется, что очень полезно было бы оставить это собрание в целости, не раздавая по отделениям», поскольку книги Юнгмана «составляют в филологическом отношении весьма замечательное целое» [22]. Подчеркивая важность комплектования Публичной библиотеки изданиями на славянских

языках, В. И. Собольщиков отмечал, что спрос на книги выдающихся славистов очень велик: «Коллар, Миклошич, Шафарик, Ганка и пр. не выходят из читальной залы»[23].

И вот теперь Собольщикову довелось познакомиться с Ф. Миклошичем в Вене, с Шафариком и Ганкой в Праге. Впрочем, для семьи Собольщиковых-Горностаевых Венцеслав Ганка не был незнакомым человеком: в 1847 г. во время путешествия сестер Горностаевых по Европе Ганка вписал в альбом Ольги Ивановны Горностаевой стихи, прославляющие язык славянского племени («Народы не гибнут, пока жив язык...») [24].

Указав в своем очерке, что В. Ганка, заведуя Чешским музеем, «посвящает все свои усилия тому, чтобы поддержать национальность чехов»[25], Собольщиков писал Стасову: «Ганка надавал нам пропасть книжек, им изданных... Он замечательный человек и по своей деятельности и по любви к России»[26].

Побывав в библиотеке Пражского университета, которой заведовал П. Шафарик, Собольщиков обратил внимание на то, что фонды ее «расставлены и каталогизированы по нашему принципу, только не совсем так, как у нас, а с некоторыми различиями, дающими впрочем перевес на нашу сторону»[27]. Исполняя просьбу Стасова, Собольщиков передал Шафарику одну из статей своего друга[28].

Таким образом, пребывание Собольщикова в кругу венских и пражских библиотекарей не только дало ему представление о книгохранилищах этих городов, но и привело к расширению контактов между деятелями книги славянских народов.

В Париже большинство посещенных Собольщиковым библиотек поразили его своей рутиной, запущенностью зданий, отсутствием «признаков заботы человека»[29]. Лишь в одной библиотеке ему встретился систематический каталог, а в остальных ограничивались алфавитными. В библиотеке Арсенала книги оказались размещенными по отделениям без всякого порядка, а в созданном при библиотеке мемориальном кабинете знаменитого французского политика Сюлли все было «разбросано и запущено»[30]. Рассказывая Стасову о тамошних порядках и порицая бездеятельность библиотекарей, Собольщиков замечал: «Один только человек работает там, и то даром, как Вы в 1856 году у нас — это Поль де Лякруа („библиофил Жакоб“)»[31].

С Парижской императорской (ныне — национальной) библиотекой В. И. Собольщикова связывали воспоминания о нескольких сделанных им работах. В 1843 г. он переписал хранящуюся в Публичной библиотеке пастораль XV в. «Реньо и Жаннетон» и копию этой уникальной рукописи отослал в Парижскую библиотеку. Впоследствии ее использовали при подготовке издания сочинений Рене Анжуйского. По мнению выдающегося советского филолога академика В. Ф. Шишмарева, копию текста, выполненную Собольщиковым, несмотря на несколько вкравшихся в нее ошибок, «можно считать удачной» [32]. О другой работе Собольщикова, направленной в Парижскую библиотеку (французский вариант труда «Об устройстве общественных библиотек»), мы уже говорили ранее.

Из всего увиденного в Париже Собольщиков выделил студенческую «библиотеку св. Женевьевы»: «Ее порядок, ее деятельность, даже ее строение и ее читатели — все это так свежо, так молодо и полно жизни, что нельзя не пожелать ей большего внимания правительства» [33], — писал он, и в этих его словах звучали и радость по поводу успехов французских коллег, и сожаление о том, что правящие власти (как это было хорошо известно самому Собольщикову) очень неохотно оказывали библиотекам необходимую им помощь.

Несколько раз в парижских письмах Собольщикова упоминаются просьбы Стасова относительно приобретения гравюр: «Вдохновленные любовью к нашей матушке библиотеке и к гравюре, Вы надавали мне такой ряд задач, что я обомлел» [34], — шутливо жаловался Собольщиков и описывал возникшие перед ним трудности. Не знаем, что ему удалось приобрести, но фондам печатной графики во всех посещенных им библиотеках он уделял особое внимание, отметив богатство собраний эстампов в Берлинской королевской и Парижской императорской библиотеках и описав способы их хранения в Дрезденской библиотеке и в Британском музее, располагавших для этого специальным оборудованием. «Это, конечно, требует, — писал он, — больше места, но нельзя же не сделать этой жертвы для сбережения вещей истинно драгоценных» [35].

Круг интересов Собольщикова во время его поездки был очень велик: в каждом городе и в каждой библиотеке он стремился выискать, высмотреть все полезное, представляющее практическую ценность для других биб-

лиотек, и вместе с тем отмечал те промахи и упущения, которые ради блага библиотеки и ее читателей должны были быть устранены. По справедливому замечанию одного из его первых биографов, Собольщиков удивлял «иностранных собратов своею опытностью и находчивостью при каждой замечаемой им ненормальности» [36].

Так, например, в Мюнхенской королевской библиотеке Собольщиков смог познакомиться на практике с реализацией предложений весьма чтимого им библиотековеда Шреттингера и признал, что Шреттингер «разделил историческое отделение по научной, весьма дельной системе». Однако вместо того, чтобы образовать из разделов этой системы иерархический ряд, соответствовавший структуре исторической науки, Шреттингер, как сумел заметить Собольщиков, «поставил все свои подразделения в алфавитный порядок и таким образом запутал нить системы до того, что распутать было невозможно» [37]. Естественно, что это наблюдение подкрепило мнение Собольщикова о важности разработки стройной и соответствующей требованиям науки классификационной системы.

В этой же Мюнхенской библиотеке Собольщикову многое понравилось: организация специального читального зала периодических изданий, хорошие каталоги новых поступлений, богатство устроенных в библиотеке выставок. Но именно потому, что библиотека сумела уже многое сделать, Собольщиков требовал от нее еще большего: «Все выставленные предметы, — писал он, — замечательны в высшей степени, но они немы: на них лежат этикеты с бессмысленными нумерами, и посетители должны прислушиваться к затверженной речи служителя, который, как по книге, в тысячный раз повторяет свою повесть, быстро переходя от предмета к предмету» [38]. И уж никак он не мог примириться с тем, что порядок выдачи книг в читальном зале не обеспечивает их сохранность: с присущей ему дотошностью он продумал и изложил надежную процедуру выдачи книг из библиотек, подобных мюнхенской [39].

В Берлинской королевской библиотеке (ныне Немецкая государственная библиотека в Берлине) В. И. Собольщиков познакомился с ее директором Г. Пертцом и с библиотекарем-хранителем А. Притцелем. Он считал нужным закрепить это знакомство и в течение последующего года подарил библиотеке два своих труда (очевидно, «Об устройстве общественных библиотек» и «Обзор

больших библиотек Европы»), а в 1864 г. Берлинская библиотека получила от него новый книжный дар [40]. Увиденное в этой библиотеке противопожарное устройство Собольщиков использовал позднее в петербургском книгохранилище.

Очень понравились Собольщикову оксфордские университетские библиотеки, особенно в «Колледже королевы» (Queens College). В письме к Стасову он писал: «В библиотеке книг не много, тысяч двести, но каталог есть, все стоит в отличном порядке, чисто, и я не заметил ни одной непереплетенной книги... Все делается так, чтобы не нужно было часто производить различные исправления» [41]. Вот эта стабильность организации, как мы уже знаем, представлялась Собольщикову важным условием эффективной деятельности библиотеки.

Много добрых слов было сказано Собольщиковым и по поводу крупнейшей библиотеки Европы — Британского музея [42]. Уже первое впечатление о его знаменитом — самом большом в то время — читальном зале было очень сильным: «Когда я вошел в Британский Музеум, — писал он Стасову, — я остолбенел. Увидя такую штуку остолбенеть следует... Мне казалось, что при 300 читателях как бы зала ни была велика, в ней должно быть тесно; при освещении сверху в ней должно быть темно, но ни того, ни другого я не видел» [43]. И, как всегда, не ограничиваясь выражением эмоций, он переходит к практическим рассуждениям: «Если бы не наш снег, то я готов бы сделать такое же освещение и у нас. Впрочем, у нас снег можно было бы сметать и это не беда, что у нас его много, но у нас денег мало. Вот это так беда непоправимая» [44].

К числу достоинств библиотеки Британского музея Собольщиков относил полноту алфавитного каталога, наличие в читальном зале богатой подсобной справочной библиотеки, удобства, предоставляемые читателям [45]. Вместе с тем он отмечал, что в некотором отношении правила Публичной библиотеки более демократичны: в ней от читателей не требуется никаких поручительств, а в Британский музей не допускают лиц без надлежащих рекомендаций. Явно не одобряя это правило, Собольщиков не без ехидства замечал: «Хотя в читальную залу допускаются люди только рекомендованные, но случается также, что ручные [из подсобной библиотеки] книги исчезают» [46].

Библиотека Британского музея хорошо комплектовалась, в том числе и русскими изданиями. «Я видел „Современник“, „Отечественные записки“ и много других журналов», — сообщал Собольщиков Стасову [47]. Примечательно, что он упомянул в первую очередь о «Современнике» и «Отечественных записках» — самых прогрессивных и значительных из русских периодических изданий. В другом письме из-за рубежа проявился и интерес Собольщикова к изданиям Герцена: так, он писал Стасову о том, что в книжных магазинах Франкфурта-на-Майне продаются лондонские издания Герцена, и презрительно отзывался о тех людях, которые «смеются над Герценом» [48].

Впрочем, в отношении книг о России Британский музей, конечно, не мог сравниться с Публичной библиотекой, обладавшей собранием «Россика», и Собольщиков не удержался от того, чтобы не подразнить своих лондонских коллег. Он спросил у библиотекаря одну из редких книг о Ливонской войне XVI в., и, когда ее не оказалось, библиотекарь заявил: «Мы ее купим». «На это я ему скромно ответил, — писал Собольщиков, — „не извольте беспокоиться. Ее в продаже на континенте нет. Я это предполагаю потому, что если б она была, то наша библиотека без сомнения давно уже купила бы ее на вес золота“. Хвастнул, что делать? русский человек» [49].

Все увиденное Собольщиковым во время поездки, дало ему пищу для размышлений о задачах, стоящих перед Публичной библиотекой и перед другими крупными библиотеками, а также о путях решения этих задач. Все заграничные наблюдения убедили Собольщикова в том, что в некоторых отношениях Публичная библиотека достигла бо́льших успехов, чем зарубежные книгохранилища, и эти ее достижения выглядят еще внушительнее при сравнении с практикой других европейских библиотек. В. И. Собольщиков счел своим долгом обратить на это внимание, не без гордости заявляя: «Неужели мы, русские, не должны сознаваться в том, что мы превзошли иностранцев?»

Его размышления отразились в документах и сочинениях, написанных по возвращении домой, и первым из них был обстоятельный рапорт, представленный в дирекцию Библиотеки в июне 1859 г.

В рапорте отсутствуют какие-либо критические замечания по поводу увиденного и говорится лишь о положи-

тельных сторонах в работе посещенных Собольщиковым библиотек. Это объясняется самим характером документа: Собольщиков выделил в нем то, что, по его мнению, следовало использовать в практической деятельности Публичной библиотеки, начиная с организации обслуживания и кончая различными мелкими приспособлениями. Отмечая, что «обычаи и деятельность иностранных библиотек... не представляют таких особенностей, которые давали бы им решительный перевес над устройством во всех отношениях существующим в Публичной библиотеке», он указывал, что «есть такие частности, которых применение у нас, сколько возможно по обстоятельствам, нельзя не желать» [50].

Не следует, однако, думать, что в рапорте Собольщикова речь шла только о «частностях» (способ регистрации новых поступлений, введение «карточек-заместителей», оставляемых на месте выданных книг и т. п.). Ссылаясь на опыт зарубежных библиотек, он стремился улучшить условия работы читателей, привести обслуживание в соответствие с их запросами. Так, по примеру Мюнхенской библиотеки он считал нужным завести в читальном зале книгу дезидерат, в которой «люди, обладающие специальными сведениями, могут указывать наиболее полезные по их специальной части сочинения», и это «может служить выражением желаний лучшей части публики» [51]. О существовании такой книги следовало бы широко оповестить читателей.

Полезным было бы, по мнению Собольщикова, использовать опыт Британского музея и создать в читальном зале библиотеку справочных книг (как мы знаем, первые шаги в этом направлении были сделаны им еще до поездки). Предлагалось также составить и напечатать систематический каталог этой справочной библиотеки с алфавитным указателем (в этом Собольщиков шел дальше английских коллег, ограничившихся изданием алфавитного каталога). Фонд справочной библиотеки следовало комплектовать на основе списков, составленных заведующими отделениями и обсужденных на общих собраниях библиотекарей.

Собольщиков считал, что «приобретения библиотеки есть одна из важнейших статей ученой ее деятельности», а в Публичной библиотеке учет заказываемых и получаемых книг был, по его мнению, недостаточно регулярным. Упорядочению комплектования должно было бы послужить ведение специального каталога приобретений, по-

добного тем, какие имелись в мюнхенской, парижской и лондонской библиотеках.

В рапорте Собольщикова отразилось его мнение о необходимости демократизировать штат Библиотеки, привлечь к библиотечной работе выходцев из разночинной интеллигенции. Отметив недопустимость положения, при котором «между ученым человеком и ничего не знающим инвалидом в составе службы при библиотеке нет необходимой середины», он сослался на опыт немецких, французских и английских библиотек. «У нас существует мнение, — с возмущением писал он, — что служители подобного рода возможны только за границей, где грамотность более распространена в простом народе, нежели у нас. Я убежден в совершенно противном. Если бы нам разрешено было давать нескольким служителям приблизительно такое жалование, какое получают гарсоны в Парижской библиотеке, то есть... в месяц почти 23 рубля, то нет никакого сомнения, что мы нашли бы и здесь нужное нам очень небольшое число людей свежих, молодых.., которые, помогая во многом библиотекарям, отыскивая книги для читальной залы, записывая их, как следует, в заведенные реестры, имели бы еще достаточно времени, чтобы содержать во всех залах отличную чистоту и внешний порядок...» [52]

Этот пункт рапорта вызвал у Корфа явное раздражение: он указал, что должность служителей с подобным окладом можно будет ввести лишь, «когда соразмерно тому увеличится жалование чиновникам» [53], да и то никто не пойдет служить в библиотеку, а предпочтет за те же деньги пойти в лакеи.

Вообще, почти все предложения, содержащиеся в рапорте, вначале не встретили поддержки, и лишь постепенно Собольщикову удалось добиться осуществления некоторых из них, получив право утверждать, что «не только строение и меблировка читальной залы, но и книжная ее обстановка много выиграли оттого, что я был за границей» [54].

Вслед за рапортом Собольщиков пишет обширный «Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года», опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» [55] и изданный отдельно в 1860 г. Вдохновителем этого труда был, судя по всему, В. В. Стасов, отзывавшийся с похвалой о письмах, полученных им от Собольщикова из-за границы [56], и, видимо, уже в начале его поездки порекомендовавший ему подумать о будущей

книге. Сначала Собольщиков не разделял эту идею («Что вы там еще выдумали какую-то книгу мою, из которой вылезает для Вас какой-то праздник?» — писал он Стасову [57]), однако материала накопилось много, и книга была написана. Замысел ее состоял в том, чтобы критически оценить все увиденное и извлечь из него необходимый опыт, и поэтому, в отличие от упомянутого выше рапорта, очерк Собольщикова рассказывал не только о положительных примерах, но и о тех недостатках и старых традициях, которые затрудняли работу европейских библиотек.

Впервые в русской библиотековедческой литературе В. И. Собольщиков подверг зарубежный опыт профессиональному анализу [58]. В ряде случаев он успешно применял сравнительный метод исследования, причем «подавляющее большинство сравнений имело монорелятивный характер, то есть они отражали отношение сходства или различия в устройстве библиотек и в их работе только по одному признаку, что придавало сравнениям конкретный характер и делало их убедительными» [59].

Свой очерк В. И. Собольщиков использовал и для пропаганды отечественной библиотечной теории и практики, с нескрываемой гордостью перечисляя все то, чем Публичная библиотека превосходила книгохранилища Парижа, Берлина, Лондона и других городов (большая доступность [60], более длительное время работы читального зала, взаимосвязь систем хранения и каталогизации, масштабы выставочной работы и др. [61]).

Многие высказывания Собольщикова были непривычными для читателей, в особенности для иностранных библиотекарей, еще не встречавшихся со столь развернутой оценкой деятельности их учреждений на страницах русской печати. Поэтому выход в свет очерка Собольщикова вызвал оживленную полемику.

В 1861 г. в английском журнале «Атенеум» появилась статья, автор которой, упрекая Собольщикова в беглости впечатлений и отсутствии необходимых «предварительных знаний», оспорил его мнения об организации выставок в Мюнхенской библиотеке, расстановке фонда в Британском музее и др. и выразил уверенность в том, что «многие критические замечания библиотекаря из Петербурга будут в свою очередь раскритикованы библиотекарями и библиографами других стран».

Возмущенный тоном и содержанием статьи английского журналиста, Собольщиков тотчас выступил с

ответной заметкой, опровергавшей несправедливые обвинения[62]. Но этого ему показалось мало, и позднее он выпустил в свет на английском языке брошюру, включавшую тексты английской статьи и «Ответа из России на английскую критику»[63]. В предисловии к брошюре Собольщиков отметил явную «враждебность к русскому библиотекарю» со стороны лондонского критика и объяснил причины своего полемического выступления: «Я вынужден отвечать на диатрибу в мой адрес, потому что, во-первых, каждый честный человек после чтения печатного и бесстыдного обвинения против него не может промолчать и тем самым признать себя неправым, и, во-вторых, обвинение опубликовано в Англии и, следовательно, предназначалось для лиц, которые не могут прочесть моей статьи по-русски и будут способны поверить любой критике в адрес русского библиотекаря»[64].

Отвергая упрек в беглости впечатлений, Собольщиков указывал, что у него было достаточно времени для выполнения своего задания, и далее пункт за пунктом опровергал высказанные английским журналистом обвинения. При этом на нескольких примерах из практики Британского музея и Публичной библиотеки он показал некомпетентность лондонского оппонента в библиотечных делах. Английская брошюра Собольщикова дополнила его предыдущие работы об организации и раскрытии фондов библиотек и вместе с тем дала достойную отповедь недоброжелательному критику. Поэтому Собольщиков и решил опубликовать ее и «распространить в странах, которые [он] объездил во время путешествия в Европу»[65].

Деятельность Собольщикова в 1850—1860-х гг. способствовала расширению связей русских библиотек с книгохранилищами других стран Европы. Его контакты с зарубежными коллегами продолжались и после поездки 1859 г.: например, в 1864 г. он встречался в Петербурге с помощником директора Берлинской королевской библиотеки В. Арндтом и обсуждал с ним вопросы фотолитографии[66]. В 1867 г. Собольщиков посетил Парижскую императорскую библиотеку, в которой тогда проходили совещания относительно перевода фонда во вновь построенную часть здания. По словам Собольщикова, сотрудники библиотеки обратились в связи с этим к французскому изданию книги «Об устройстве общественных библиотек»: «Брошюра моя была на сцене, но будет ли принята моя мысль, то мы узнаем впоследствии»[67].

Собольщиков проявлял большой интерес и к другим аспектам культурных связей России и зарубежных стран. В цикле газетных статей о Всемирной выставке в Париже он высказал свое мнение о русской экспозиции, упрекнув ее организаторов в том, что они соорудили «пирамиду или колонну» из лаптей, рогожи, мочала и лыка и тем создали неверное впечатление о России [68]. Особенно его возмутила «печальная бедность нашего мануфактурного отдела», тем более, что Россия «в действительности гораздо мануфактурнее, чем повествует миру выставка» [69].

Чувство национальной гордости Собольщикова было удовлетворено лишь после посещения экспозиции русского искусства, напоминавшей о тех великих предках, которые «оставили нам Остромирово евангелие, Изборник Святослава и много других менее древних произведений изящного искусства» [70]. Да и не только сокровищами, созданными мастерами прошлого, может гордиться Россия. «Самыми свежими работами наших художников мы положительно обращаем на себя очень выгодное для нас внимание» [71], — писал он, в особенности выделив картину К. Д.Флавицкого «Княжна Тараканова» [72].

В. И. Собольщиков, так же как и его друг В. В. Стасов, искренне заботился о том, чтобы русская культура вносила достойный вклад в развитие мировой культуры. Сам он немало сделал для этого своими трудами в родной Публичной библиотеке.

Вернувшись из-за границы, Собольщиков сразу же приступил к проектированию нового читального зала. Его торжественная закладка состоялась 29 июня 1860 г. при большом стечении народа, расположившегося на Александринской площади и на крышах соседних домов. В фундамент будущего здания был заложен камень с надписью, в которой, среди прочего, говорилось: «Строителем был архитектор и старший библиотекарь Василий Собольщиков, сотрудником же его академик Иван Горностаев» [73].

В архиве Публичной библиотеки хранятся многочисленные чертежи и заметки Собольщикова, относящиеся ко времени этого строительства. Из них видно, какие трудности пришлось преодолевать зодчему из-за непонимания замыслов, лежавших в основе его проектов. В таких случаях Собольщиков проявлял чрезвычайное упорство и настойчивость, отстаивая предусмотренные

проектом масштабы читального зала и те особенности его конструкции, которые обеспечивали наибольшие удобства для читателей. Когда в Библиотеку поступали указания строительной конторы Министерства имп. двора, урезавшие размеры работ, Собольщиков убедительно доказывал несообразность подобных требований и сообщал Корфу, что он «как библиотекарь и архитектор» затрудняется выполнить «высочайшую волю» и «переделать планы с уменьшением размеров, украшений и тому подобного». Если согласиться с требованиями строительной конторы, будущее здание «далеко не удовлетворит настоятельнейшим нуждам Библиотеки... Не только для читателей не будет достаточным помещение, но даже книгам, которыми теперь, за недостатком места, загромождены галереи, верхний этаж и вся черная лестница нового здания, не найдется достаточного количества новых полок» [74]. Кстати, поскольку черная лестница — это единственный путь на чердак, то в случае пожара соседнего здания, от которого огонь может перекинуться на чердак Библиотеки, книги, расположенные на этой лестнице, неминуемо погибли бы. «Такое страшное событие сделалось бы известным во всей Европе и послужило бы укором всем, кто прямо или косвенно допустил хранение книг на черной лестнице» [75]. Как видим, Собольщиков в случае необходимости умел приводить аргументы, особенно убедительные для начальства.

У него хватило смелости включить в свой проект перестройку фасада, явившегося воплощением замысла великого Росси, сохранив при этом красоту облика Библиотеки. Собольщиков доказал, что старые гранитные съезды для экипажей у главного подъезда не оправдали своего назначения. Сославшись на то, что «посетители библиотеки приходят в нее большей частью пешком», он убрал громоздкие съезды и сделал «вход, удобный для пешеходов, то есть прямо с тротуара» [76].

В проектах Собольщикова учитывалась каждая возможность улучшить использование помещений Библиотеки. Так, в одной из его докладных записок говорилось: «Барельефы, существующие на четырех сторонах павильонов, заканчивающих фасады библиотеки, не могут быть рассматриваемы как скульптурные произведения: в рядах мелких фигур (в половину натуральной величины), помещенных на вышине до семи сажен от тротуара, нельзя не только оценивать художественных достоинств лепки, но даже узнать сюжета произведений. Как архи-

тектурные украшения барельефы имеют значение отрицательное; между тем при существовании их в здании библиотеки остаются темными три очень удобные для помещения книг залы. По сим соображениям предположено на местах барельефов сделать окна» [77].

Однако реализация этого предложения встретилась с неожиданными трудностями. Когда проект перестройки фасада Библиотеки был доложен Александру II, он вызвал неудовольствие императора, и министр имп. двора Адлерберг поспешил сообщить Корфу «высочайшую волю»: «Его величеству угодно, чтобы окна были сделаны не четырехугольные, как показано на клапанах чертежа фасада, а полукруглые, наподобие имеющихся в середине фасада между колоннами» [78].

О дальнейшем ходе событий мы узнаем из документов, хранящихся в архиве строительной конторы Министерства имп. двора: «По сообщении сей высочайшей воли к надлежащему исполнению заведующий хозяйственной и строительной частью Имп. Публичной библиотеки, старший библиотекарь Собольщиков счел нужным объяснить, что форма полукруглых окон между колоннами фасада библиотеки вызвана конструкцией сводов внутри строения и что значение колоннады, первенствующей в декоративном отношении на середине фасада, могло допустить такую форму окон. Конечности же этого фасада, состоящие из павильонов без колонн, и не имеющие внутри сводов, требуют таких окон, какие существуют на других сторонах здания, также не имеющих колонн и сводов. Стиль фасадов библиотеки подходит ближе всего к архитектуре римских дворцов XVI столетия, в которых нигде не встречаются полукруглые окна в верхних этажах. Форма их всегда четырехугольная и часто квадратная, украшения же их делались скромнее окон средних этажей.

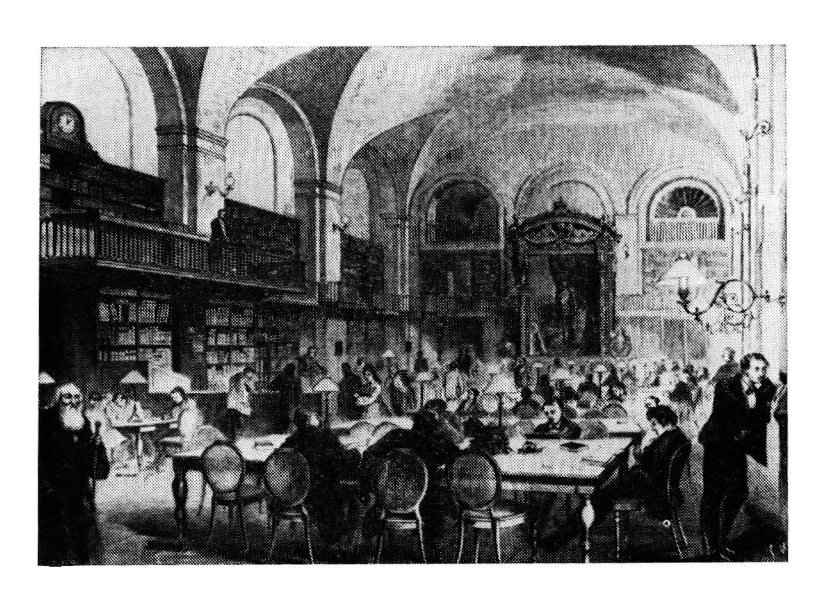
Основываясь на сих соображениях, г. Собольщиков представил, что, по его мнению, на местах барельефов следует сделать окна такой формы и величины, какие существуют на фасадах по Невскому проспекту и Большой Садовой» [79].

Доводы эти оказались неоспоримыми, и в Библиотеку поступила резолюция: «Высочайше повелено исполнить по предложению г. Собольщикова» [80].

В многочисленных рапортах и письмах Собольщиков подробно докладывал о ходе строительства и был так захвачен этими работами, что передавал свою увлечен-

ность окружавшим его людям. Даже трезвый и сдержанный Корф в одном из заграничных посланий к Стасову писал: «Скажите Василию Ивановичу, что я... по его поэтическому описанию, кажется, отсюда слышу каждый удар бабы по сваям» [81].

Однако не все сослуживцы Собольщикова разделяли его уверенность в достоинствах будущего читального зала. Он вспоминал, что «в то время, когда наружные

Читальный зал, построенный по проекту В. И. Собольщикова

леса не были еще отняты, многие находили, что зала размерами очень представительна, только, к сожалению, не довольно светла; но к концу 1861 года леса отняли, свет хлынул в залу сквозь пять огромных окон, и все увидели, что она светлее всех прочих зал библиотеки» [82].

Критические голоса сменились восторженными. Общую радость сотрудников Библиотеки лучше всего выразил В. В. Стасов: «Взгляните, какие благородные пропорции у всего вместе.., какие изящные формы этих громадных пяти окон, равняющихся каждое целым воротам.., какой веселый, здоровый и вместе мощный вид целого» [83].

Помимо того что зал оказался светлым и непривычно просторным, он был снабжен подъемными машинами для книг, шкафами и столами для справочной библиотеки и дополнительными помещениями для занятий женщин-читательниц и для художников. Шкафы, в которых хранились книги для читателей, освещались особыми лампами с отражателями, расположенными так, что посетители не видели огня, а приготовленные для них книги были хорошо освещены. Благодаря умело налаженной вентиляции поддерживалась чистота и ровная температура воздуха. Двери открывались в обе стороны и сами закрывались, пол застлан ковром из гуттаперчи, смешанной с опилками пробкового дерева, так что шум шагов не был слышен. Собольщиков предлагал также «устроить слуховые трубы между эстрадою читальной залы, швейцарской и канцелярией; сделать вагоны для перевозки книг из отделений в читальную залу» [84], но средства на это не были отпущены. Все остальное, предусмотренное проектом, удалось осуществить, и зал получился очень удачным. Как было сказано в книге одного из сослуживцев В. И. Собольщикова Р. И. Минцлофа, «после ротонды Британского музея... это есть единственная читальная зала, которая выстроена собственно с целью чтения и где можно найти все приспособления, какие возможно было придумать для удобства читателя» [85]. Даже сам Собольщиков позволил себе сказать: «Лучший знак моего отличия, знак, который выставлен на показ не только современникам, но и потомству, это — построенная мною читальная зала. О ней говорили, теперь иногда говорят и со временем непременно будут говорить люди, не знающие меня и не знаемые мною» [86].

Новый корпус Публичной библиотеки был открыт 4 ноября 1862 г. В торжественной речи директора Библиотеки И. Д. Делянова, произнесенной по этому поводу, говорилось: «В минуту открытия читальной залы должно особенно упомянуть о строителе ее В. И. Собольщикове, которого имя останется в летописях библиотеки, будучи тесно слито с возведенным им зданием, свидетельствующим как об его дарованиях, так и о неутомимых двухлетних трудах, подъятых на пользу общественную»[87].

Вплоть до конца XIX в. зал нового корпуса был основным помещением для занятий читателей Библиотеки.

В память о занятиях В. И. Ленина в этом зале в 1893 г. ныне он называется Ленинским.

Строительная часть Публичной библиотеки занималась не только возведением новых зданий, но и благоустройством существующих помещений. Большое внимание постоянно уделялось защите библиотечных строений от огня, причем бывали случаи, когда противопожарные меры становились предметом особой заботы работников Библиотеки.

Вспыхнувший 28 мая 1862 г. огромный пожар охватил соседние с Библиотекой кварталы. Впоследствии В. И. Собольщиков с ужасом вспоминал о том, как этот пожар «превратил в гладкое поле весь квартал, занимаемый Щукиным и Апраксиным дворами, истребил здание Министерства внутренних дел и даже перешагнул Фонтанку, неся дальше истребление»[88]. Возникло опасение, что через Воронцовский дворец (Пажеский корпус) огонь может перекинуться на Библиотеку. Если бы ветер повернул на несколько градусов севернее, Библиотека оказалась бы на пути огня. Однако этого, к счастью, не произошло.

Сразу же после тревожных событий Собольщиков приступил к разработке и осуществлению обширной системы противопожарных мероприятий. Во многих помещениях Библиотеки деревянные своды намечено было заменить кирпичными, окна и двери снабдить железными ставнями, на чердаке установить огромный резервуар с водой и от него провести внутренний водопровод[89]. В статье, опубликованной в 1863 г., обосновывалась необходимость подобных мер и были намечены пути их реализации[90].

Противопожарные работы такого рода и такого масштаба были тогда в новинку, и, видимо, поэтому известия о них вызвали оживленную дискуссию. Открыл ее фельетонист И. Соловьев, выступивший на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» против проектов новых строительных работ в Библиотеке. По мнению Соловьева, они потребовали бы слишком больших расходов, а возникновению пожаров все равно помешать не смогли бы. Поэтому Соловьев предложил перевести Публичную библиотеку из занимаемого ею помещения в Михайловский (Инженерный) замок, а, чтобы добыть средства для переоборудования замка, здание Библиотеки сдать в аренду: «нижний этаж для лавок и магазинов, а верхний для клубов»[91].

Идея Соловьева была поддержана другими журналистами[92], и даже Н. И. Костомаров полагал, что перенесение Библиотеки в Инженерный замок не только обезопасит книги от огня, но и предоставит больше удобств для читателей, которые смогут отдыхать от своих занятий в саду, окружающем замок[93].

В. И. Собольщиков со свойственной ему энергией выступил в защиту своих проектов. Решительно отклонив предложение о переходе в неприспособленный для библиотечных нужд и недостаточный по площади Инженерный замок, он еще более детально раскрыл содержание намеченных им мер и показал реальную возможность добиться того, что «все сокровища нашего знаменитого книгохранилища будут сберегаться в каменной, неуязвимой для огня скорлупе»[94]. При этом он исходил не только из тогдашних нужд Библиотеки, но и предвидел перспективы ее развития. Предсказание Собольщикова о том, что «в далеком будущем библиотека увеличится вдвое, и здания ее займут весь квартал до Толмазова переулка»[95], оказалось поистине пророческим: ведь теперешний фасад Публичной библиотеки протянулся от Невского проспекта до переулка Крылова (бывшего Толмазова переулка).

Недоброжелатели Собольщикова весьма откровенно намекали на личную заинтересованность автора проектов в их осуществлении и утверждали, будто «архитектор Собольщиков отвергнул мысль о переносе библиотеки в Инженерный замок, находя более выгодным для себя перестроить здание библиотеки»[96]. На помощь своему другу поспешил В. В. Стасов: в тот же день, когда появилась заметка Собольщикова, опровергавшая клеветнические слухи, в «Санкт-Петербургских ведомостях» увидела свет и статья Стасова, положившая конец затянувшейся полемике.

Говоря о сторонниках переноса Библиотеки в Инженерный замок и доказывая «всю несостоятельность, всю необдуманность» этого проекта, Стасов восклицал: «Велика им нужда знать, что дом библиотеки нарочно для нее строен, что в нем осуществились разные потребности исключительного, специального назначения этого учреждения, велика им нужда помышлять, что бывший замок со своими узкими тесными горницами, кое-как прилаженными для военного училища, не имеет ничего общего с теми залами, которые нужны для Публичной библиотеки! Что им за нужда до того, что из замка

столь же кстати делать библиотеку, как из стола кресло, а из башмака перчатку»[97].

Особенно возмутила Стасова проявленная противниками проекта Собольщикова «какая-то необыкновенная неприязнь, какая-то необъяснимая враждебность к архитектору, которому поручено производить новые работы в библиотеке: что бы ни сказал, что бы ни предложил этот последний, все у него ложно или вредно». Разоблачая беспочвенность обвинений в том, что «не только не нужны, бесполезны, несвоевременны все эти работы, но что придуманы они архитектором собственно для его личной выгоды», Стасов дает достойную оценку роли Собольщикова в благоустройстве Публичной библиотеки: «Если действительно правда то, что нынешний архитектор библиотеки всеми силами старался, чтобы были приняты те меры, которые в высшей степени благодетельны для драгоценного нашего книгохранилища; если он действительно был одним из двигателей дела, о котором думали и настаивали все начальства библиотеки в течение последних 20 лет, но осуществить которое удается лишь теперь; если хоть в какой-нибудь мере будет ему обязана библиотека тем, что закованная в камень и железо она сделается чем-то вроде броненосного судна, над которым бессильны будут впредь все внешние влияния и которое сохранит для будущих поколений все бесценные сокровища нашей Публичной библиотеки — тогда честь и слава ему, тогда он заслуживает, конечно, не змеиного шипения прячущегося за негодные занозы петербургского доброжелателя, а самой горячей благодарности общества, способного ценить важные услуги»[98].

Противопожарные меры, разработанные Собольщиковым, были в конечном счете осуществлены. Поэтому он вправе был написать в своих воспоминаниях: «Теперь, когда библиотека закована в железо, вся покрыта каменным черепом и прошнурована артериями, наполненными сжатою водою, готовой брызнуть вдруг из двадцати отверстий, раскинутых по всем залам, я уже не тревожусь, как прежде, и преемники мои также не будут тревожиться»[99].

Всем ленинградцам и приезжающим в наш город известны большие часы в окне Публичной библиотеки, выходящем на угол Невского проспекта и Садовой улицы. К их истории причастен и Собольщиков. В мае 1865 г. управление телеграфов распорядилось установить в окне Библиотеки часы с двумя циферблатами (вну-

тренним и внешним) и электромагнитным маятником, воспроизводящим движение маятника часов Пулковской астрономической обсерватории. Поставлены они были между двумя большими полированными стеклами. Зимой наружное стекло покрылось сплошной коркой льда, и часы с улицы стали совершенно невидимыми. Выход из положения нашел Собольщиков. По его указанию в нижних филенках наружной двери балкона, на который выходило окно, просверлили отверстия, тем самым была создана хорошая вентиляция, и корка растаяла. Когда же городское управление решило освещать часы в ночное время, Собольщиков и здесь принял необходимые меры безопасности: «К постановке газового фонаря на чугунной балюстраде балкона препятствия быть не может, с тем чтобы зажигание производилось снаружи здания, не выходя на балкон сквозь дверь» [100].

Строительная деятельность Собольщикова не ограничивалась работами в Публичной библиотеке. В 1865 г. он был командирован в Москву для производства перестроек в здании Румянцевского музея [101]. Предложенный Собольщиковым проект предусматривал капитальное переоборудование этого здания, однако реализовать его не удалось. В одном из отзывов на проект указывалось, что автор его «очевидно... имел в виду преимущественно одну только Библиотеку и старался дать помещению ее почти тот же вид, какой придуман им для Императорской Публичной библиотеки; но при этом он упустил из виду, что там Библиотека полный и единственный хозяин здания, потребности же Музея несравненно многосложнее и разнообразней» [102]. Как видим, В. И. Собольщиков слишком поторопился: должно было пройти еще немало времени до той поры, когда не только все здание Румянцевского музея было превращено в библиотеку, но и стало лишь одной из частей огромного архитектурного комплекса Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. А в тот момент замыслы Собольщикова вступили в противоречие с желаниями его заказчиков, стремившихся к удовлетворению «главных потребностей всех частей Музея, а не только одной Библиотеки, которую исключительно имел в виду этот проект» [103].

Более успешно протекала архитектурная деятельность Собольщикова в Петербурге: в 1860-х гг. по его проектам были перестроены здания Академии художеств и нескольких петербургских гимназий. По просьбе «главнозаведующего учреждениями Виленской публичной биб-

лиотеки» Собольщиков помог организовать в ней более совершенное отопление [104].

Отопительное и вентиляционное дело было предметом особого интереса Собольщикова. Модель изобретенной им комнатной печи экспонировалась на Всемирной парижской выставке и была удостоена почетного отзыва. В 1865 г. вышел в свет его труд «Печное мастерство. Книга, научающая, как должен хороший печной мастер работать и как делать такие печи, которые будут греть и в то же время проветривать наши дома». Это пособие, написанное простым языком, доступным для строителей, печников и других мастеровых людей, имело большой успех, и несколько тысяч его экземпляров быстро разошлись [105]. Через несколько лет оно было переиздано в расширенном виде под заглавием «Что надо делать в домах против холода, сырости и духоты» (Спб., 1870) и вызвало многочисленные положительные отклики в печати [106]. Как справедливо говорилось в одной из заметок о Собольщикове, он «популяризировал архитектурные сведения, особенно такие, которые имеют вообще значение для удобства и здоровья» [107].

Занятия строительным делом и архитектурой Собольщиков не прекращал до конца жизни. Лишь несколько недель не дожил он до открытия построенной по его проекту духовной консистории и католической церкви в Петербурге. И нельзя не считать знаменательным, что сообщения о смерти Собольщикова появились одновременно в отчете Публичной библиотеки [108] и в журнале «Зодчий» [109], отражая обе основные сферы его деятельности.

Еще накануне открытия нового читального зала В. И. Собольщиков говорил: «Масса посетителей Имп. Публичной библиотеки, ежегодно возрастающая, служит осязательным доказательством того, что учреждение это приобретает в нашем обществе все большее и большее значение» [110]. А когда поток читателей и масштабы их обслуживания в новом корпусе еще более возросли, стало необходимым пересмотреть основные принципы и организационные формы деятельности Библиотеки. Сбылось предвидение В. И. Собольщикова, что с открытием читального зала «библиотека должна начать деятельность свою на новых основаниях» [111]. Готовясь к этому, он в 1861—1862 гг. представил в дирекцию несколько обширных записок, касающихся различных сторон биб-

лиотечной деятельности («О улучшениях в службе Имп. Публичной библиотеки»[112], «О изменении правил для посетителей Имп. Публичной библиотеки»[113], «О каникулах в Имп. Публичной библиотеке и о некоторых правилах выдачи книг посетителям читальной залы»[114] и др.).

Замысел своих записок Собольщиков охарактеризовал следующим образом: «Занимаясь составлением новых правил, мы должны стараться, по возможности, исправлять старые несовершенства и выразить как можно более стремление наше служить публике»[115]. Это же стремление определяло позицию Собольщикова и при обсуждении сотрудниками Библиотеки проекта нового Устава, которое состоялось в 1863 г.

По главному положению проекта — о цели деятельности Библиотеки — развернулась острая полемика. Критикуя высказывания на этот счет Ф. А. Вальтера, Б. А. Дорна, Р. И. Минцлофа, Э. Г. Муральта, М. Ф. Посельта, В. И. Собольщиков указывал, что, по их мнению, «библиотека есть преимущественно *тека»,* т. е. хранилище, и что «полезность ее должна здесь уступать ученой идее, представляющей бóльшую пользу». Ученая идея, по их убеждению, есть хранение *человеческих знаний всех времен,* и эта идея «далеко превышает ближайшую практическую цель, заключающуюся в распространении полезных знаний. Такой взгляд гг. оппонентов на библиотеку, выражающий, во-первых, полное к ней равнодушие, а во-вторых, стремление к безмятежному покою, не требует пояснений, а тем менее опровержений»[116].

В противовес этому В. И. Собольщиков, А. Ф. Бычков, А. А. Стойкович, К. А. Беккер и другие их коллеги ставили на первое место участие библиотеки в решении насущных общественных задач. Отстаивая эту позицию, Собольщиков говорил, что «возможно легкий и свободный доступ есть действительно одно из первых условий, которого общество наше может желать от Имп. Публичной библиотеки»[117]. Поэтому он никак не мог примириться с тем, что «проект Устава вводит неизвинительное для нас ограничение прав посетителей, тогда как удовлетворение требований их есть первейшая наша обязанность»[118].

Чтобы увеличить возможность использования библиотечных фондов, он предлагал открывать Библиотеку по вечерам в воскресенье и в праздничные дни, в том числе и по большим религиозным праздникам, утверждая, что

чтение книг в церковные праздники не является грехом [119].

По мнению Собольщикова, нельзя было закрывать Библиотеку на июль из-за того, что в этот месяц по традиции всем библиотекарям принято было предоставлять отпуск [120]. Лучше было бы давать отпуск поочередно, оставляя постоянно такое число служащих, «какое требуется для безостановочного течения дел в отношении посетителей» [121], тем более, что именно летом приезжают профессора и учителя из дальних городов для занятий. Ссылки на то, что в течение 50 лет июль был для библиотеки каникулярным месяцем, — неубедительны, ибо «предания старины нельзя безусловно принимать за основание для вновь устанавливаемого закона» [122].

Собольщиков предъявлял своим коллегам строгие требования, не потакая любителям отбывать должность и работать спустя рукава. В ряде случаев меры, предлагаемые им с целью укрепления порядка и дисциплины, определялись традициями тогдашнего чиновничьего обихода: так, по его предложению в Публичной библиотеке были введены денежные штрафы для наказания провинившихся служащих. Будучи человеком практическим, Василий Иванович полагал такое наказание весьма действенным.

Для повышения эффективности деятельности библиотекарей Собольщиков считал нужным дифференцировать их функции. «Во всякой многосложной и при том текущей работе, — писал он, — разделение труда всегда приводит к результатам лучшим, и потому я полагаю, что если бы всю нынешнюю деятельность библиотекарей не соединять на одних и тех же лицах, а разделить между ними, сообразно способностям каждого, то успех дела несомненно выиграл бы, даже с уменьшением числа нынешних деятелей» [123]. Развивая эту мысль, В. И. Собольщиков впервые в истории русского библиотековедения охарактеризовал основные функции библиотечных работников и сделал из этого практические выводы.

«Обязанности библиотекарей, исполняемые ими всеми в настоящее время, разделяются на три главные:

1. Правильное, научное ведение дел приращения библиотеки.

2. Каталогизация всего вступающего.

3. Хранение вступившего.

Для занятий по каждой из сих частей могли бы быть назначены особые лица. Для ясности изложения я на-

зову их: а) библиотекарями, б) каталогизаторами, в) хранителями»[124].

Содержание деятельности каталогизаторов и хранителей казалось Собольщикову очевидным, а об обязанностях «библиотекарей» он счел нужным сказать более подробно. По его мнению, они должны были изучать читательский спрос, регулярно просматривать библиографические указатели, книгопродавческие каталоги, рецензии на книги в газетах и журналах, чтобы заказывать необходимую Библиотеке литературу. Наконец, только им следовало предоставить право давать окончательные ответы читателям о наличии или отсутствии книги в Библиотеке. Для этого надо было знать состав фондов всех отделений, но такими знаниями обладали далеко не все сотрудники, и поэтому, по словам Собольщикова, «не каждый из нас может быть и библиотекарем в том смысле, какой я придаю этому званию»[125].

В. И. Собольщиков не случайно уделял так много внимания вопросам комплектования, так как оно все еще не соответствовало стоящим перед Библиотекой задачам. Много раз он и его товарищи настаивали на более активном пополнении фондов книгами по естественным и прикладным наукам, напоминая, что они «ежедневно во множестве требуются читателями и имеют столь существенную важность при настоящем движении науки, промышленности и торговли в России и при повсеместной разработке ее естественных произведений»[126]. Требовалось улучшить и самый процесс комплектования, ликвидировав порядок, при котором «директор присылал библиотекарям книгопродавческие каталоги, в них каждый библиотекарь отмечал, что ему понравится, и, отметив, забывал об этом»[127]. Библиотекари не вели для себя записи заказов, не знали, что выписывали другие, и это приводило к повторным заказам. Дальнейшую судьбу заказов, точность поступления отдельных выпусков и томов трудно было контролировать, тем более, что регистратор, получивший список заказываемых книг, не знал определенно, кем данная книга заказана, и когда книги поступали, раздавал их в отделения по своему усмотрению.

Выход из этого положения, также как и возможность преодоления многих других трудностей, вызванных «разделением частей библиотеки», представлявшим «очень много важных неудобств»[128], Собольщиков видел в создании коллективного органа, участвующего в управлении

Библиотекой. В записках 1861—1863 гг. встречается ряд проектов такого органа, именуемого то «Собранием служащих», то «Советом библиотеки» и предназначенного для решения наиболее важных вопросов библиотечной деятельности на демократических началах.

К задачам Совета Собольщиков относил «ограждение библиотеки от своеволия лиц больших и малых (и малые бывают влиятельны)» [129], а также обсуждение высказанных сотрудниками мнений, которое «будет служить исходной точкой всех предпринимаемых и совершаемых по библиотеке работ» [130], среди них, например, составление классификационных схем, ибо «систематизация больших отделов... есть предмет такой важности, что обработать систему наук, входящих в целые отделения библиотеки, едва ли совсем легко одному ученому без содействия и критики других» [131].

В компетенцию Совета (или Собрания) должно было входить и решение принципиальных вопросов комплектования. «По поводу одной требуемой книги, — указывал Собольщиков, — мог бы быть поднят вопрос о целой отрасли литературы, или слабой, или вовсе недостающей библиотеке, или, наконец, очень богатой, но дурно помещенной в системе делений библиотеки» [132]. Сохранившиеся протоколы собраний библиотекарей содержат немало его предложений о совершенствовании отбора приобретаемых книг.

Наиболее последовательно свой подход к комплектованию фондов Собольщиков осуществлял в руководимом им Отделении искусств и технологии. Просмотр заполненной им тетради важнейших поступлений в это отделение в 1855—1869 гг. [133] показывает, как энергично пополнялась Библиотека необходимыми для ее читателей сочинениями по современной архитектуре, промышленной технике, сельскому хозяйству, железнодорожному строительству. С 1859 г. было налажено получение иностранных патентов на различные изобретения.

Столь же тщательно отбирались и приобретались книги по искусству. Как вспоминал В. В. Стасов, «в течение двух или трех лет было выписано из-за границы или куплено здесь множество примечательных (все более обширных, роскошных и многоценных) изданий...» [134]

В 1856 г. при Отделении искусств был создан отдел фотографий. Одним из первых приобретений были фотоснимки с гравюр Дюрера и Рембрандта, фотографии памятников древнегреческой архитектуры и др. Собольщи-

ков высоко ценил фотографию, считая, что «как математически выраженное отражение натуры» [135] она занимает особое место среди видов искусства.

По мере роста фондов все более важным становилось хорошо поставленное обслуживание читателей. На Собольщикова, как на заведующего хозяйственной частью Библиотеки, и раньше возлагалось руководство работой читального зала, а с 1870 г. дирекция Библиотеки, «признав нужным усилить надзор за соблюдением порядка в читальной зале и журнальной комнате», назначила Собольщикова, освободившегося от некоторых своих прежних должностей, заведующим читальным залом.

Предметом особой его заботы была подсобная библиотека читального зала, включавшая справочные и наиболее часто спрашиваемые издания: за пять лет, прошедших после открытия нового корпуса, состав ее фонда удвоился и превысил 11 тыс. томов [136], причем возможность пользоваться ею содействовала увеличению числа читателей.

Иногда читатели, обращавшиеся в подсобную библиотеку, подолгу оставляли книги за собой, а действовавшие в Библиотеке правила этому не препятствовали. Собольщиков считал недопустимым, чтобы книги праздно лежали на номерах читателей, ведь в таком случае другие читатели не могут их получить, и Библиотека «не достигает своей цели — общей пользы» [137]. В одной из служебных записок он предложил изменить соответствующее правило «или купить по нескольку экземпляров тех книг, которые посетители требуют по преимуществу» [138].

Он понимал всю важность обязанности заведующего читальным залом вести учет требований на книги подсобной библиотеки для выявления того, «какие книги могут быть переданы в отделения как нетребуемые или требуемые очень редко» [139]. Только такой внимательный контроль за использованием подсобной библиотеки и оперативное изменение ее состава, по мнению Собольщикова, обеспечили бы достижение «главнейшей цели деятельности» заведующего читальным залом: «возможно скорое и точное удовлетворение требований публики, посещающей читальную залу» [140].

Далеко не все предложения Собольщикова получали поддержку библиотечного начальства, особенно после прихода к руководству Библиотекой И. Д. Делянова, снискавшего позднее печальную известность на посту

министра народного просвещения. В письме к В. Ф. Одоевскому В. И. Собольщиков в 1868 г. со злой иронией описывал продвижение Делянова по ступеням служебной лестницы: «Наш почтенный директор вошел в товарищество к Министру нар[одного] Просв[ещения]. Эту промоцию мы чувствуем в том только, что прежде он, приветствуя нас, давал нам всю руку, а теперь употребляет для этого пустого дела один только палец. Я нахожу, что этого действительно очень достаточно... Чтобы с толком употреблять свои пальцы, надо поступить в высший класс по службе, сиречь в школе жизни» [141].

Сохранившиеся архивные материалы показывают, в каком урезанном виде вошли предложенные Собольщиковым нововведения в подписанные Деляновым «Правила для посетителей Императорской Публичной библиотеки» [142]. Исключен, в частности, был пункт, предусматривавший, что посетитель, желающий ознакомиться с новейшими приобретениями по интересующему его предмету, вправе обратиться в служебные часы к библиотекарю и справиться в рукописном каталоге [143]. Лишь в своем Отделении искусств Собольщиков предоставил в распоряжение читателей имеющиеся каталоги, дополняя их в случае необходимости новыми звеньями. Было замечено, например, что многие русские художники, вышедшие из крестьянского и мещанского сословий, не знали иностранных языков и им поэтому не были понятны надписи на эстампах и заглавия иностранных альбомов, включающих богатый иллюстративный материал. Чтобы помочь этим читателям, Собольщиков создал особый каталог, в котором названия альбомов приводились в переводе на русский язык, и в результате художники перестали выписывать названия наугад и стали получать нужные им книги.

Собольщиков требовал от библиотекарей не только «навыка руководить малосведущих посетителей» [144], но и оказывать более серьезную помощь читателям. В записке 1861 г. «О службе читальной залы» он назвал в числе основных «процессов деятельности» для «удовлетворения посетителей» «словесное объяснение с требователями, причем в представителе библиотеки, кроме знания новейших языков, нужны, во-первых, умение обращаться с незнакомыми и, по-преимуществу, образованными людьми, и, во-вторых, сведения, довольно обширные, в литературе» [145]. Сам Василий Иванович обладал

этими качествами, но добиваться того же от всех своих сослуживцев ему не всегда удавалось.

Важной формой ознакомления посетителей с фондами Публичной библиотеки была организация выставок. Собольщиков разделял сложившееся в то время мнение, согласно которому выставки книг, гравюр, рукописей, альбомов «образуют из библиотеки нечто вроде всего открытого и для всех доступного музея, который в одних развивает охоту к занятиям, другим помогает в их изысканиях и всем вообще во многих отношениях небесполезен» [146]. Некоторые из этих выставок рассказывали об истории книжного искусства, другие — об исторических событиях или о замечательных собраниях. Большим успехом пользовалась выставка портретов Петра I, открытию которой предшествовала большая предварительная работа В. В. Стасова [147]. Для многих выставок Собольщиков придумывал специальные витрины или пюпитры с особым механизмом, позволяющим поворачивать их под различными углами, чтобы экспонаты можно было лучше рассмотреть.

Осмотр выставок составлял основное содержание проводимых в стенах Библиотеки экскурсий. «При этих обозрениях особенно имеется в виду, — писал Р. И. Минцлоф, — чтобы посетители не только проходили вдоль непрерывной стены книг и изумлялись ее размерам, но чтобы дать им возможность наглядным образом узнать некоторые из достопримечательностей, находящихся в ряду этих почти бесчисленных, собранных со всех концов земного шара произведений деятельности пера и плодовитости прессы» [148]. В. И. Собольщиков считал важным преимуществом Публичной библиотеки перед другими европейскими книгохранилищами то, что люди, пришедшие осмотреть ее, не предоставлены самим себе, а «для приема их назначен час, в который их принимает и ведет по всем залам не простой проводник, но ученый библиотекарь, беседующий с ними и останавливающий их внимание на предметах, выставленных в витринах». Благодаря этому они «не теряют время понапрасну, но приобретают запас полезных знаний» [149].

Естественно было возмущение Собольщикова развязной газетной заметкой, порочащей экскурсоводов. В заметке утверждалось, что экскурсии по Публичной библиотеке организованы плохо, их ведут немцы, не знающие русский язык, они якобы говорят: «Фи видайт стес фсака книшка писана о России» и т. д. По мнению

автора заметки, на таких экскурсиях не следует «рассказывать историю книгопечатания и историю самой библиотеки», а лучше было бы демонстрировать «интересные для публики картинки в книгах»[150].

В. И. Собольщиков дал достойный отпор фельетонисту и показал истинную цену его «жалкому остроумию». Чтобы верно судить о Библиотеке, «патриотических чувств мало, а нужно еще и знание, что не одно и то же», — писал Собольщиков. Автор заметки в «Голосе» умолчал о том, что библиотечные экскурсии проводят, как правило, ученые русские библиотекари, равно как и о том, что в организации экскурсий и обслуживании читателей Публичная библиотека превосходит библиотеки иностранные. Защищая достоинство своих коллег от нападок бульварного газетчика, Собольщиков с гордостью говорил о заслугах служителей книги: «Быстрым удовлетворением требований публики образованный чиновник библиотеки поддерживает честь учреждения и создает собственную свою репутацию полезного деятеля»[151].

Если мерить этой меркой деяния самого В. И. Собольщикова, станет понятным, почему он заслужил столь высокую репутацию в библиотечном и общественном мире тогдашнего Петербурга.

Глава IV

До последнего дня (1869—1872)

Последние годы работы В. И. Собольщикова в Публичной библиотеке пришлись на рубеж шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия. Возникшие было после крестьянской реформы надежды на либерализацию режима не оправдались. Столь же горестная участь постигла многие попытки демократизировать порядки в общественных учреждениях. Почувствовала это на себе и Публичная библиотека.

В 1870 г. министр народного просвещения утвердил «Правила занятий в Имп. Публичной библиотеке». По сравнению с тем, что предлагалось в 1863 г. при обсуждении проекта нового Устава Библиотеки, «Правила» эти, безусловно, являлись шагом назад. В них ни слова не было сказано об общественном значении Библиотеки, о ее роли в развитии просвещения, зато имевшиеся в

проекте Устава ограничения формального и цензурного порядка были еще более детализированы [1].

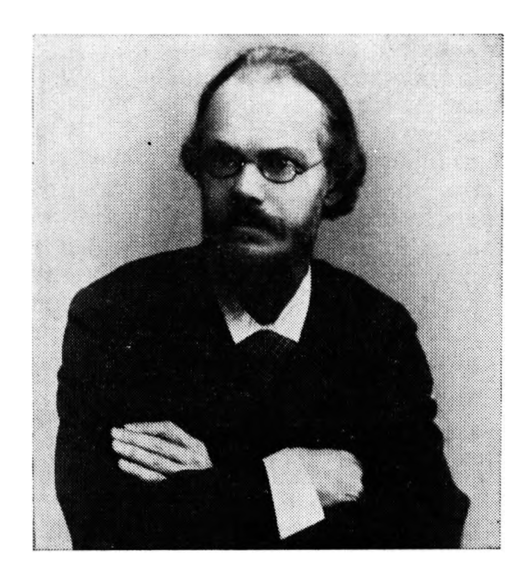
Стесненная рамками «Правил», Библиотека была лишена возможности в полной мере использовать свои богатства. И все же удавалось исподволь осуществлять некоторые нововведения. Было, наконец, удовлетворено высказанное В. И. Собольщиковым и многократно повторявшееся на страницах печати требование о круглогодичной работе читального зала: с 1871 г. его перестали закрывать «на июльские вакации». Продолжало расти число читателей, расширялся круг посещавших Библиотеку категорий населения: во второй половине 1860-х гг. в Библиотеку записалось 4680 мещан, купцов и крестьян, 4500 студентов. В среднем в 1865—1874 гг. Публичную библиотеку посещало 80% студентов Петербургского университета [2].

Большинство посетителей обращалось в Библиотеку за литературой, которая была им необходима для учебы, трудовой деятельности и самообразования. Еще в 1866 г. один из читателей Библиотеки писал об этом так: «Публичная библиотека в Петербурге составляет единственное место, обладающее богатыми материалами для чтения и научных занятий и предоставляющее возможность пользоваться этими богатствами бесплатно каждому» [3].

Хотя к началу 1870-х гг. в Петербурге было уже несколько частных библиотек и кабинетов для чтения, пользоваться ими можно было только за определенную плату, да и фонды их были бедны научной литературой. Поэтому роль Публичной библиотеки как общедоступного бесплатного источника знаний не только сохранилась, но даже возросла.

Из ежегодных отчетов Библиотеки можно узнать о том, какие книги пользовались особым спросом у ее читателей. В числе этих книг в 1871 г. были, например, «Основы химии» Д. И. Менделеева (выдавалась за год 530 раз), «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского (выдана 122 раза) и др. [4] И не случайно не на полку книгохранилища, а в подсобную библиотеку читального зала был направлен в 1872 г. экземпляр первого русского издания первого тома «Капитала» Карла Маркса [5]. Лишь через несколько лет министерские чиновники и библиотечное начальство поймут истинное значение этой книги и ограничат пользование ею.

Среди библиотечных радостей и горестей небольшой штат сотрудников выполнял свои повседневные обязанности, обеспечивая бесперебойную деятельность сложного механизма национального книгохранилища. Продолжал трудиться и В. И. Собольщиков. Чем он занимался в эти последние годы своей службы? В 1867 г. он по собственному желанию был освобожден от заведования хозяйственной частью, которой руководил свыше

В. И. Собольщиков в последние годы жизни. Из фонда Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Публикуется впервые)

20 лет «с примерным усердием и пользою для библиотеки» [6]. Часть работы в Отделении «Россика» перешла к К. Ф. Феттерлейну. Но обязанностей у Собольщикова оставалось предостаточно.

Он сохранил за собой пост архитектора Библиотеки, которым особенно дорожил, считая архитектуру своим главным ремеслом. Деятельность его на этом посту высоко ценилась сослуживцами, отмечавшими «неистощимую находчивость нашего архитектора-библиотекаря, который, не раздвигая стены здания, сумел создать в библиотеке вдвое более противу прежнего помещения на новые приобретения» [7].

Как и прежде, он руководил Отделением искусств, пополняя его и благоустраивая, поддерживая в порядке все каталоги и уделяя особое внимание своему любимому детищу — каталогу портретов. Руководство Отделе-

нием требовало не только обширных знаний, но и больших физических усилий, как об этом можно судить со слов В. В. Стасова, сменившего впоследствии Собольщикова на этом посту: «Возня с ним [Отделением искусств] мне очень-очень приятна, только одна беда (или, точнее сказать, целых две): устаю я порядочно, выходив всякий день, вверх и вниз, по несколько верст, наверное, и порядочно наминаю себе поясницу, возясь постоянно с огромными фолиантами, которые надо таскать и вертеть туда и сюда...» [8]

Наконец, Собольщиков продолжал заведовать читальным залом, внося все новые усовершенствования в обслуживание читателей. С этой целью он составил детальные инструкции для всех сотрудников зала и взял под свой надзор ведение каталогов подсобной библиотеки. По его инициативе эти каталоги были напечатаны, а затем отдельные листы их, наклеенные на картон, вывешивались в зале, чтобы посетители сразу же могли найти нужные им издания. По привычке он считал необходимым заботиться о всех насущных делах Библиотеки, следить за порядком в зале и в книгохранилище и, особенно, за сохранностью фондов.

Охрану книжных богатств от повреждений и хищений В. И. Собольщиков неизменно относил к важнейшей задаче библиотекарей. В одной из своих статей он писал: «Поскольку нам поручено хранить общественное достояние и обеспечивать возможность его использования, мы обязаны соблюдать все предосторожности, которые соответствуют ценности этих сокровищ» [9].

Во время поездки в Западную Европу в 1859 г. он внимательно изучал порядок хранения и выдачи литературы в каждой из посещенных им библиотек, отмечая, например, что в Мюнхенской библиотеке посетители приносят пальто в читальный зал и могут уносить книги в карманах [10]. А когда в 1861 г. один из организаторов Румянцевского музея в Москве Н. В. Исаков обратился за советом относительно устройства новой библиотеки, В. И. Собольщиков ответил ему письмом, в котором перечислил условия, необходимые для того, «чтобы все хранящееся в библиотеке было цело и сохранно» [11].

Собольщиков настойчиво призывал библиотекарей бороться против варварского обращения с книгами и журналами и не допустить их повреждения. «На заглавиях, и вообще на книгах, — указывал он, — никогда не

должно писать чернилами, потому что книга существует не для одного нашего времени, но и для отдаленнейшего потомства; и мы должны уважать ее, как всякий памятник, предназначенный для раскрытия будущим поколениям картины умственной жизни нашей и наших предков»[12]. Его особенно возмущала порча книг: вырывание листов, рисунков, гравюр. «Книга с вырванным чертежом, вырезанною статьею есть вечная рана, которую ничто не залечит, — писал он, — она отзовется болью в самом отдаленном потомке, которому доведется раскрыть изуродованную книгу»[13]. Нарушители библиотечных порядков не думают о том, что «статья эта может быть полезна их правнукам, которые... не найдут ее потому, что прадед их был такой варвар, что для личного своего удобства или из лени списать статью, унес ее из библиотеки и лишил своих потомков возможности почерпнуть нужное сведение»[14].

Столь же настойчиво предостерегал Собольщиков и от проникновения в библиотеку «ученых воров, которые таскают у библиотеки величайшие редкости и отнимают у грядущих поколений важнейшие пособия науки»[15]. К сожалению, и его Библиотеке не удалось избежать посягательств на ее фонды со стороны некоторых читателей и сотрудников, и в ряде случаев именно Собольщикову принадлежала главная заслуга в изобличении злоумышленников.

24 ноября 1860 г. М. А. Корф писал В. Ф. Одоевскому: «Сегодня в шестом часу В. И. Собольщиков прискакал ко мне с известием, что [служитель] Еременко остановил у выхода из библиотеки некоего Калиновского, одного из сотрудников библиотекаря Ивановского, с выносимыми им книгами, которые тотчас отобрал у него и представил Василию Ивановичу. Книг оказалось всего 7, на польском языке и все *чрезвычайно редкие*»[16].

Какова была реакция Корфа на это происшествие, мы не знаем, но упомянутые в письме лица 11 лет спустя снова оказались замешанными в неприятной истории. Весной 1871 г. до сведения прокурорского надзора Петербургского окружного суда дошло, что у бывшего библиотекаря А. Д. Ивановского, уволенного из Библиотеки в 1869 г., находятся принадлежащие Библиотеке книги. На квартире Ивановского был произведен обыск и обнаружено 167 библиотечных книг и брошюр, часть из которых содержала пометы Калиновского. Ивановский объяснил наличие у себя этих книг тем, что боль-

шинство из них он получил от хозяина квартиры, где жил до своего отъезда из Петербурга Калиновский, а остальные он якобы выменял в Библиотеке, так как они имелись там в нескольких экземплярах. Некоторый свет на эту историю пролило сообщение библиотекаря Г. А. Цунка, нашедшего в глубине одного из библиотечных шкафов более 20 книг, на которых рукою Ивановского было написано «дублеты», между тем ни одна из этих редких и ценных книг не была дублетом, а имелась в Библиотеке в единственном экземпляре. Кое-кто (и в том числе В. И. Собольщиков) высказывал предположение, что Ивановский, в ведении которого находился обмен дублетов, под видом этого обмена взял из Библиотеки ценные издания. Но все же прямых улик против Ивановского не было, и поскольку он заявил, что передает все книги в дар Библиотеке, дело оставили без последствий.

Возможно, дирекция поспешила пойти на мировую потому, что именно в эти мартовские дни 1871 г. обнаружилось и стало достоянием гласности самое крупное хищение книг за всю историю Публичной библиотеки. Мы расскажем эту историю, опираясь на несколько достоверных источников: архивное дело, содержащее в числе прочего подробную «Памятную записку» В. И. Собольщикова, сыгравшего главную роль в раскрытии этого хищения [17], статью В. В. Стасова, написанную по свежим следам преступления [18], и стенографический отчет о судебном деле, изданный по предложению Собольщикова на немецком языке, более доступном для зарубежных библиотекарей, которых решено было познакомить с этой необычной книжной кражей [19].

С 1870 г. заведующие несколькими отделениями Публичной библиотеки стали замечать систематические пропажи книг. Исчезали книги по богословию и философии, по истории и правоведению, художественные альбомы и учебники танцев, руководства по парфюмерии и по слесарному делу, издания античных авторов и тексты «Библии» на разных языках. Во многих случаях вор не только уносил книги, но и одновременно вынимал карточки из каталога, чтобы уничтожить всякий след украденного издания. Как писал в своей «Памятной записке» В. И. Собольщиков, «всеми библиотекарями овладел ужас, все чувствовали и понимали, что похититель должен быть свой, библиотечный... Стали подозревать служителей... Запрещено было младшим чиновникам биб-

лиотеки входить в залы.., но книги не переставали исчезать»[20].

В. И. Собольщиков жил в это время в доме Библиотеки и проводил в своем отделении время вплоть до обеда, т. е. до пяти часов, а в зимнюю пору до сумерек. Обходя помещения Библиотеки и внимательно присматриваясь к тому, что там происходит, он обратил внимание на странное поведение и манеры внештатного библиотекаря Богословского отделения Алоиза Пихлера, работавшего в Библиотеке с 1869 г.

Пихлер приходил в Библиотеку и уходил из нее несколько раз в день и часто расхаживал по всем ее отделениям уже после того, как их заведующие расходились по домам. Вызывал подозрение и костюм Пихлера: «Казалось странным, что этот господин и зиму, и лето, и весну, и осень, постоянно бродит по библиотеке в резиновых калошах и кошачьей неслышною походкой вечно двигается по всем этажам библиотеки... [Он] никогда не снимал, ни зиму, ни лето, верхнего длиннополого пальто своего, и карманы этого пальто казались иной раз что-то необыкновенно оттопыренными»[21]. Тем, кто высказывал удивление по поводу его появления в Библиотеке в пальто и калошах, Пихлер заявлял, что он сторонник «Салернской школы», предписывающей быть всегда одинаково одетым — как на улице, так и в помещении — чтобы поддерживать ровную температуру тела[22].

Когда в Библиотеке начались разговоры о пропажах книг, Пихлер не раз старался навлечь подозрение на некоторых читателей и служащих, прибегая к различным формам оговора[23]. Между тем действия самого Пихлера все чаще вызывали подозрения у Собольщикова[24]. Однако директор Библиотеки И. Д. Делянов не обращал внимания на тревожные сигналы Собольщикова, и тому пришлось действовать на свой страх и риск. В статье В. В. Стасова подробно описаны события того дня, когда В. И. Собольщиков «приступил к решительному шагу»: «Швейцару библиотеки поручено было... при выходе Пихлера из библиотеки постараться под каким-нибудь предлогом пощупать платье на богослове. Швейцар исполнил свою обязанность вместе и учтиво и ловко...»[25]

Дальнейшие события описывает В. И. Собольщиков: «Выйдя в вестибюль, я увидел швейцара, держащего г. Пихлера за руку пониже локтя, а г. Пихлера, направляющегося к лестнице, чтобы идти вверх. Я подошел и

сказал г. Пихлеру, что такой скандал невозможен в вестибюле, где проходят посетители читальной залы, попросил перейти в ближайшую залу, куда позвал с собою и швейцара. Там я спросил у швейцара: в чем дело? И когда тот объявил мне, что у г. Пихлера под пиджаком большая книга, я передал слова его г. Пихлеру... Не отрицая показания швейцара, г. Пихлер очень ловко одною рукою, и даже левою, вытащил из-за спины увесистый фолиант сочинений св. Амвросия» [26].

Не теряя времени, В. И. Собольщиков вместе с А. Ф. Бычковым и П. А. Плетневым отправились на квартиру Пихлера. Картина открылась поразительная: в каждой комнате стояли ящики, наполненные книгами. Среди них Собольщиков обнаружил множество томов, о пропаже которых он слышал от своих товарищей. «На всех книгах были стерты, соскоблены, смыты все признаки принадлежности библиотеке. Орлы, бывшие на спинках переплетов, вырезаны и заклеены бумагой, на которой рукою г. Пихлера написано „Ad bibliothecam Pihler"» [27].

Пихлер украл около четырех с половиной тысяч книг, среди них было много дорогих и редких изданий большого формата [28], с нескольких книг были сорваны серебряные оклады. Чтобы вернуть украденные тома в Библиотеку, потребовалось 7 огромных возов.

К началу судебного процесса над Пихлером оставалось еще неясным, все ли пропавшие книги были возвращены и не успел ли Пихлер отправить часть их за границу. Поэтому Собольщиков обратился к директору Мюнхенской библиотеки Хальму с просьбой осмотреть тамошнюю квартиру Пихлера и выяснить, не хранятся ли в ней украденные в Петербурге книги. Вскоре Хальм сообщил, что таких книг не найдено [29]. Тщательная проверка по инвентарям подтвердила, что все исчезнувшие книги встали на свои места.

Директор Библиотеки Делянов относился к Пихлеру чрезвычайно благожелательно. В своих показаниях, данных на суде, он кстати и некстати повторял, что Пихлер был доктором богословия и философии, членом Мюнхенской академии наук и что труды его по церковной истории «написаны беспристрастно и с большой эрудицией» [30].

Из материалов дела видно, что Пихлер поступил в Библиотеку по указанию Министерства внутренних дел, которое пригласило его приехать в Россию и дало ему

«важные поручения»[31]. Можно с достаточной степенью вероятности определить, в чем состояли эти поручения: Пихлер был автором «Истории церковного раскола между Востоком и Западом» и других книг, защищавших позицию православной церкви в споре с римским престолом, он мог быть полезен при осуществлении царской политики в международных церковных делах, да и просто как ученый соглядатай. Недаром, уже будучи на русской службе, он ездил под чужим именем на собор католической церкви в Рим и получил за это большую сумму денег. Как видно, он «находил возможным совмещать деятельность ученого с деятельностью тайного политического агента»[32].

В Библиотеке достаточно хорошо понимали сложившуюся ситуацию, и тем не менее В. И. Собольщиков добился полного разоблачения Пихлера, а В. В. Стасов призвал во что бы то ни стало «подвергнуть суду и уголовному наказанию» книжного вора, «облеченного необыкновенным доверием и поминутно толкущегося в высших наших кругах»[33]. Кстати, эти «высшие круги» удостаивали Пихлера своим вниманием не только до процесса (великая княгиня Елена Павловна часто приглашала его к себе, присылая за ним свою карету)[34], но и явились на суд. Как было сказано в газетной хронике, «заседание удостоили своим присутствием их императорские высочества великие князья Константин Николаевич и Николай Константинович и многие из лиц, занимающих высшие государственные должности»[35].

В ходе процесса выступавший от имени Публичной библиотеки юрист Дмитрий Васильевич Стасов (брат Владимира Васильевича) подробно осветил обстоятельства раскрытого преступления, а его общественное значение было охарактеризовано прокурором А. А. Кобылиным: «Наша Публичная библиотека есть одно из самых замечательных учреждений Петербурга... и может быть названа хранилищем русской науки и просвещения, которое есть достояние всего русского народа. Поэтому виновный в краже книг из этого учреждения посягал на одно из самых дорогих народных достояний»[36]. Общественное возмущение в ходе суда достигло такого накала, что даже Делянов вынужден был изменить свою прежнюю линию и заявить: «Мое глубокое убеждение заключается в том, что если бы не задержали Пихлера вовремя, то вся наша библиотека вскоре была бы отправлена на пароходе за границу»[37].

Вина Пихлера была полностью доказана, но приговор оказался сравнительно мягким: ссылка в Тобольскую губернию сроком на один год с последующим безвыездным поселением в Сибири еще на два года. Однако и это наказание, незначительное по сравнению с масштабами дела, было смягчено. Летом 1873 г. по ходатайству принца Людвига Баварского Пихлер был помилован и уехал на родину. Дирекция Публичной библиотеки, придерживаясь избранного ею курса, постаралась как можно скорее предать это дело забвению: Делянов, правя рукопись отчета Библиотеки за 1872 г., зачеркнул фразу: «В течение истекшего года окончательно исправлены беспорядки, произведенные в разных отделениях библиотеки похищениями Пихлера книг и каталожных карточек» [38].

Но В. И. Собольщиков и после окончания суда продолжал занимать непримиримую позицию по отношению к книжному вору. Он не только настоял на издании немецкого текста отчета о процессе, но и следил за распространением этой книги. Так, во время пребывания в Италии в начале 1872 г. он посетил Флорентийскую библиотеку и поинтересовался, получена ли брошюра о деле Пихлера. А встретив мюнхенских ученых, знавших Пихлера, он рассказал им о петербургских похождениях бывшего их собрата [39].

Через несколько недель после раскрытия преступления Пихлера здоровье Собольщикова серьезно пошатнулось: произошел «прилив крови к мозгу» [40]. Он быстро пришел в себя и вернулся к своей обычной работе. Однако 13 сентября 1871 г. удар повторился [41]. На следующий день Н. И. Собольщикова в тревоге писала Д. В. Стасову: «Василий Иванович снова занемог. В понедельник повторился прилив к мозгу, но с большей силой, чем весною. Несмотря на все средства, употребленные доктором, зрение не приходит в нормальное состояние. Вся сила прилива отразилась на глазных нервах, но память совершенно свежа» [42].

Врачи предложили на время прекратить служебные занятия и переменить климат. Собольщиков стал ходатайствовать о дозволении поехать в южные страны Европы и получить для этой поездки пособие. Просьба его была удовлетворена [43].

С ноября 1871 по май 1872 г. В. И. Собольщиков находился в Италии. О его настроении в первые месяцы

пребывания за границей можно судить по совместному посланию Наталии Ивановны и Василия Ивановича Собольщиковых к Д. В. Стасову от 14 января 1872 г. В начале письма Наталья Ивановна сообщает старому другу их семьи: «Все богатства по художеству в Италии знакомы Василию Ивановичу по книгам, и он всю жизнь мечтал об удовольствии увидеть раз и оригиналы, и вот доехал до них» [44]. А дальше следует приписка, сделанная сильно изменившимся, дрожащим почерком Василия Ивановича: «Пуще всего обидно мне, что я не могу вкусить наслаждения, насмотреться на Фра Беато Анжелико, которого я знаю только по гравюрам...» [45]

Однако теплый климат и хорошее лечение привели к заметному улучшению, и в марте 1872 г. Наталья Ивановна смогла порадовать Д. В. Стасова хорошими известиями: здоровье Василия Ивановича в последние полтора месяца почти уже совсем восстановилось [46]. Он смог наконец осмотреть знаменитые флорентийские музеи — галерею Уфицци и галерею Питти, полюбовавшись на любимых им художников итальянского предвозрождения. Посетил он и Флорентийскую библиотеку, которая, как он сообщил в письме к А. Ф. Бычкову, «численностью книг, и убранством, и освещением, и даже каталогами... неизмеримо ниже нашей» [47]. По пути из Италии в Россию у него хватило сил для того, чтобы заехать в Висбаден и встретиться там с М. А. Корфом. В письме бывшего директора Библиотеки к В. В. Стасову от 8/20 мая 1872 г., в числе прочего, говорится: «Когда вы получите эти строки, наш добрый Василий Иванович и бесподобная, примерная его жена уже будут в Петербурге. Радуюсь вперед той перемене, которую Вы в нем найдете» [48].

Вернувшись в Петербург, Собольщиков снова приступил к своим обычным занятиям, ежедневно бывал в Библиотеке, принимал участие в работе Общества архитекторов и стал одним из инициаторов издания его журнала «Зодчий». На страницах этого журнала были напечатаны последние из написанных Собольщиковым статей: «Загородный дом Бутурлина в Санкт-Петербурге» [49] и «Водосточные трубы в стенах строения» [50].

В нашей книге мы не раз обращались к словам В. В. Стасова, излагая разные события из жизни В. И. Собольщикова. Приведем и его рассказ о кончине его друга:

«Василий Иванович умер совершенно неожиданно в ночь с 18 на 19 октября. Этой смерти невозможно было

предположить: еще всю среду он провел в библиотеке, работая там; вечером гулял с женой, играл с нею в пикет, разговаривал с одним своим помощником и т. д. Не было и тени чего-нибудь похожего не только на близкую смерть, но даже на какую-нибудь боль...» [51]

О смерти Собольщикова искренне скорбели многие его современники: библиотекари и художники, ученые и писатели, архитекторы и строители и сотни читателей Публичной библиотеки, пользовавшиеся его доброжелательной помощью. Даже директор Делянов, отношения которого с Собольщиковым порою бывали весьма натянутыми, счел нужным написать Корфу: «Очень жаль нашего доброго Собольщикова... Одна привычка видеть его ежедневно не дает привыкнуть к отсутствию его» [52].

Первый некролог о Собольщикове написал В. В. Стасов и главное место в нем уделил вкладу Собольщикова в русское библиотечное дело: «Он самым деятельным образом способствовал развитию сил и значения библиотеки и помог ей стать на степень одного из благодетельнейших и влиятельнейших учреждений нашего отечества» [53]. Высоко оценил Стасов и строительные работы Собольщикова, назвав его «одним из лучших архитектурных наших техников» [54]. Мнение широких общественных кругов выразил в журнале «Зодчий» П. Петров: «Все знавшие — а кто не знал его из обычных посетителей Императорской Публичной библиотеки? — потерю полезного деятеля долго будут помнить, сожалея о безвременной утрате» [55]. Отклики на смерть В. И. Собольщикова были помещены и во многих других газетах и журналах [56].

Похоронили Собольщикова на Шуваловском кладбище. На могильной плите было высечено: «Собольщиков Василий Иванович, библиотекарь и архитектор Императорской Санкт-Петербургской Публичной библиотеки, род. в Витебске 13 января 1813 года + в Санкт-Петербурге 19 октября 1872 года».

Заключение

Василий Иванович Собольщиков был счастливым человеком — ему довелось не только воплотить в жизнь большинство своих замыслов, не только увидеть своими глазами результаты многообразных трудов, но и удостоиться признания своих заслуг со стороны благодарных современников. Осуществленные по его инициативе ново-

введения и усовершенствования в библиотечных порядках, благоустройство и расширение библиотечных зданий — все это вызывало уважение и признательность читателей Библиотеки и ее сотрудников. Отзвуки этих чувств пробились даже сквозь официальную фразеологию библиотечного «Отчета», отметившего, что В. И. Собольщиков в продолжение многих лет посвящал «свою деятельность, многосторонние знания и опытность в пользу библиотеки» [1].

Многосторонние знания Собольщиков приобрел упорным трудом, будучи одним из тех замечательных самоучек, которыми так богата история русской культуры. Однако самому ему казалось, что отсутствие университетского образования ограничивало его право на творческое участие в научной деятельности, к которой, по его мнению, относилась и деятельность библиотекаря национального книгохранилища. Свои возможности и свои знания Собольщиков явно склонен был недооценивать. «К библиотечному званию... я не готовился, — писал он, — и, следовательно, присвоить его себе мне не подобает»; «делателем ученым, библиографом, признать себя я никак не могу» [2]; «библиотекарем я себя никогда не считал, а как хранитель я горжусь на то, чтобы научить начинающего библиотекаря, как приняться за дело; горжусь, наконец, на то, чтоб описать и хранить в отличном порядке всякое собрание книг. Ученые спрашивают материалов для своих работ, и я могу давать их без задержки. Вот вся моя заслуга» [3].

Вопреки собственным утверждениям, В. И. Собольщиков был настоящим библиотекарем-универсалом, он принимал практическое участие во всех видах библиотечной деятельности и много сделал для того, чтобы улучшить комплектование библиотеки, организацию хранения книг, каталогизацию, охрану фондов, устройство выставок. Неоднократно он возвращался к разработке документов, определяющих содержание и порядок работы общественных библиотек, причем многие его идеи не утратили своего значения и в наше время. Можно без преувеличения сказать, что В. И. Собольщикову принадлежала большая заслуга в превращении Публичной библиотеки из привилегированного книгохранилища в учреждение значительно более доступное для читателей и ставшее к середине XIX в. одним из крупнейших центров отечественной культуры. О том, как происходило это преобразование, лучше всего было рассказано самим Со-

большиковым. Написанные им в 1867 г. «Воспоминания старого библиотекаря» явились одной из первых и, безусловно, одной из самых ярких страниц в историографии Публичной библиотеки. По словам В. В. Стасова, мемуары В. И. Собольщикова «написаны так живо, даровито и изящно, что заслуживают того, чтобы сделаться известными всей русской публике»[4].

У Собольщикова всегда были неразрывно связаны мысль, слово и дело. Он старался не только довести до практического воплощения свои идеи, но и сделать результаты этого доступными для всех, кому они нужны, обобщая свой практический опыт в статьях и книгах, чтобы распространить его среди современников и донести до потомков.

В советской библиотечной науке уже утвердилось справедливое представление о Собольщикове как о «родоначальнике русского библиотековедения»[5]. В его сочинениях книга, библиотека и ее читатели рассматриваются в тесной взаимосвязи, в единой системе.

По убеждению Собольщикова, книга — это «отражение жизни и мысли»[6], «всякая книга есть очки для жизненных очей»[7]. Когда книга попадает в общественную библиотеку и при этом становится не только хранимой для будущих поколений, но и читаемой, она может оказать большое влияние на развитие общества. «Чтение есть важный симптом общественной жизни... Чтение не есть бесследная забава... За чтением следует непременно работа мозга, вызывающая слова»[8]. Более того, чтение порождает, помимо слова, еще и дела огромной важности. «Если обе эти функции [чтение и пробуждение новых мыслей] совершаются у тысячи особей, то, нет сомнения, что они отразятся на всем, чем общество занимается»[9].

Социальную роль чтения Собольщиков рассматривал не отвлеченно, а применительно к задачам, стоящим перед библиотеками вообще и национальным книгохранилищем в частности. «Библиотека, как место для чтения, есть наиудобнейший инструмент для наблюдения над движением умственной деятельности общества в известный период времени», — говорится в одном из сочинений В. И. Собольщикова[10]. Отсюда следует, что работа библиотеки должна соответствовать тем требованиям, которые в каждый «известный период времени» выдвигает перед нею общество и, прежде всего, его наиболее передовые силы.

Рассуждения Собольщикова об этих передовых силах и об их исторических перспективах могут показаться нам наивными и не особенно четкими. «Всякое настоящее, — писал он, — приходит для того, чтобы уступить место будущему, которое выразит последствия всего, что делается в настоящем, а кто знает, какие будут последствия нашего настоящего? Как бы то ни было, но сидя в библиотеке с 1834 года и наблюдая ее читальную залу, можно убедиться, что интересы читающей публики страшно изменились в 30 с лишком лет, и кто скажет, что наше общество идет назад, тот немножко ошибется, а если кто вздумает проводить в общество что-нибудь из преданий прошлого, тот еще немножко ошибется» [11].

Читая эти строки и оценивая их социальный смысл, надо иметь в виду, что они были впервые опубликованы в сборнике в честь барона Корфа, далекого от симпатий к каким-либо общественным переменам. Либеральный ход мыслей Собольщикова станет с учетом этих обстоятельств еще более заметным.

Считая прогрессивное развитие общества исторической неизбежностью и придавая чтению важную роль в этом развитии, Собольщиков указывал, что общество, заинтересованное в своем прогрессе, должно оказывать содействие развитию науки, обеспечивая ученых не только деньгами и инструментами, но и книгами [12]. Впрочем, в общественных библиотеках книгами следует снабжать не только ученых, но и всех посетителей при условии, что это будет служить «общей пользе» [13].

Многократно повторяемые Собольщиковым слова об «общей пользе», которую должны приносить библиотеки, отражали его представление о социальной функции библиотек, об их месте в общественной жизни и о характере их взаимоотношений с различными общественными силами. «Нам нельзя забывать, — писал В. И. Собольщиков, — что библиотека большая, монументальная не есть собственность одного лица, которое может менять в ней порядок по своему усмотрению, даже продать или променять ее на фабрику или плантацию. Подобные библиотеки принадлежат обществу, целой нации, они предназначены существовать ряды веков и постепенно расти, делаться вдвое, втрое, вдесятеро больше» [14]. Наряду с большими национальными библиотеками, он считал необходимыми и библиотеки меньшего масштаба, содержащиеся не на государственные, а на общественные средства. Встретив такие библиотеки за границей, он стал

пропагандировать их опыт в России. «Если бы охотники [читать книги] собрались да сложили те безделицы, которых они не пожалели бы за чтение хороших книг, то и у нас можно было бы основать общую библиотеку; но множество разнообразных общественных условий затрудняет у нас образование подобных обществ, а в Англии эти условия таковы, что если один человек высказал хорошую мысль, то общество, не разделенное по званиям и чинам на множество степеней, оценяет эту мысль»[15]. Структура тогдашнего русского общества не способствовала широкому освоению подобного опыта, и развитие общественных библиотек в России еще только начиналось.

Мысль о том, что библиотеки существуют, «чтобы снабжать книгами людей, ищущих сведения», проходит через все труды Собольщикова и определяет его мнение об обязанностях библиотекаря по отношению к читателю. Так, в ответе фельетонисту, изобразившему в неприглядном свете читателей и сотрудников Публичной библиотеки, Собольщиков заявил, что читатели «действительно хозяева библиотеки, а все служащие в ней не более, как охранители книжных сокровищ, приготовленных на пользу общества»[16].

Впрочем, библиотекари должны не только хранить эти сокровища, но и умело распоряжаться ими, создавая наилучшие возможности для использования библиотечных фондов. Вот почему Собольщиков считал, что обязанности библиотекаря «заключаются не в том только, чтобы отыскивать те книги, которые у него спрашивают; он должен стремиться к тому, чтобы библиотеку его можно было рассматривать, как одну книгу, и видеть все, что в ней есть по каждому предмету знаний»[17].

Это может быть достигнуто лишь при условии строгого порядка в фондах библиотеки и полного раскрытия содержания ее фондов с помощью комплекса взаимодополняющих каталогов. Одна из важнейших заслуг В. И. Собольщикова состояла именно в том, что он впервые в русском библиотековедении изложил и обосновал систему, объединявшую фонды и каталоги в единое целое и придавшую библиотечной работе четкий и организованный характер. Вся деятельность библиотеки, по его мнению, должна была создавать максимальные удобства для занятий читателей и вместе с тем обеспечивать творческое соучастие библиотекарей в процессе работы читателя с книгой. Только в этом случае все составные

части системы «книга — библиотека — читатель» могли успешно и плодотворно взаимодействовать.

На протяжении большей части своей жизни В. И. Собольщиков совмещал профессии библиотекаря и архитектора. Поскольку его архитектурной деятельности предшествовало получение академического диплома, а успехам на библиотечном поприще он был обязан лишь себе самому, Собольщиков был склонен считать себя в первую очередь архитектором, а уж потом — библиотекарем. Однако история расставила акценты по-другому. Нельзя не согласиться с мнением биографа Собольщикова, писавшего, что «Собольщиков-библиотекарь стоял несравненно выше Собольщикова-архитектора... Ни в одном учебнике по архитектуре не встретить вообще его имени, тогда как в области библиотечного дела он произвел целый переворот, оставивший по себе глубокий след, и в руководстве по библиотековедению он никак не может быть обойден молчанием, как автор первого подобного в России труда, до сих пор не утратившего своего значения» [18].

Видимо, не случайно самые важные строительные работы Собольщикова были связаны с Публичной библиотекой и имели целью ее благоустройство [19]. Мы вправе на основании этого сделать вывод, что Собольщиков-библиотекарь определял содержание деятельности Собольщикова-архитектора.

В трудах В. И. Собольщикова сравнительно редко встречаются высказывания, выходящие за пределы его профессиональных занятий. Тем более значительными представляются его суждения, высказанные после посещения Всемирной выставки, на которой, среди прочего, демонстрировались новейшие виды тогдашней военной техники. Под впечатлением увиденного В. И. Собольщиков счел нужным сказать, что, по его мнению, люди, которые хотят истинного процветания своему народу, «не сушат свой мозг над изобретением разрушительных снарядов, дающих перевес в бою с менее искусным врагом, но приготавливаются всю жизнь свою к тому, чтобы завещать своим потомкам источники силы нравственной, перед которою умолкает всякое оружие, стихают всякие буйные нравы» [20].

Мысли В. И. Собольщикова, изложенные в его статьях и книгах, плоды его трудов, дошедшие до нас в виде образцово организованных книжных коллекций и благоустроенных библиотечных зал, пережили их создателя.

Его деяния позволяют нам воссоздать его духовный облик, понять, чем он дышал и жил. Это был патриот и демократ, человек непостижимой работоспособности, необычайной изобретательности, неиссякаемой энергии. Движущей силой его деятельности на протяжении всей жизни была искренняя преданность Публичной библиотеке, которую он поэтически уподобил «великолепному цветку из венка, украшающего чело нравственно развивающейся России» [21]. Все эти качества позволили ему, по словам В. В. Стасова, оказать «самые значительные услуги не только библиотеке, но и огромной массе русской публики» [22].

Один из директоров Публичной библиотеки — Николай Яковлевич Марр — как нельзя лучше сказал: «Человек живет в тех, кто остается в живых, если он жил при жизни. Коллектив живой воскрешает мертвых». Собольщиков жив в Публичной библиотеке — работая в ней, он честно и самоотверженно исполнял свой человеческий и служебный долг.

Примечания *

К ВВЕДЕНИЮ

[1] Стасов В. В. [Предисловие к «Воспоминаниям старого библиотекаря» В. И. Собольщикова]. — Ист. вестн., 1889, № 10, с. 73.

[2] Стасов В. В. Некролог В. И. Собольщикова. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 2, отд. 4. Очерки жизни и деятельности художников, стб. 121—124.

[3] Петров П. Биография В. И. Собольщикова. — Зодчий, 1872, № 12, с. 206—208.

[4] Иваск У. Жизнь и труды В. И. Собольщикова, старшего библиотекаря и архитектора Имп. Публичной библиотеки. М., 1914. 59 с.

[5] Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу в России. — Б-ки СССР, 1961, вып. 16, с. 113—127.

[6] Володин Б. Ф. Взгляды В. И. Собольщикова на работу библиотек Западной Европы. — Сов. библиотековедение, 1978, вып. 6, с. 68—76; Rudomino M. Die königliche Bibliothek zu München aus der Sicht eines russischen Bibliothekars des 19. Jahrhunderts. — In: Bibliothek und Kulturgeschichte. München, 1977, S. 221—228.

К ГЛАВЕ I

[1] Петров П. Биография В. И. Собольщикова, с. 207.

[2] Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 114 об., 171 об.; 1872, ед. хр. 68, л. 3 и др.

[3] Там же, 1852, ед. хр. 26, л. 158.

[4] Album Academicum der Kais. Universität Dorpat. Dorpat, 1880, S. 181.

[5] Арх. ГПБ, 1835, ед. хр. 16, л. 17 об.; 1836, ед. хр. 9, л. 11 об.

[6] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914, с. 151.

[7] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря. — Ист. вестн., 1889, № 10, с. 74. В дальнейшем ссылка на этот номер журнала дана по форме: «Воспоминания старого библиотекаря, [I]».

[8] Арх. ГПБ, 1841, ед. хр. 6, л. 1 об.

[9] Стасов В. В. Некролог В. И. Собольщикова.., стб. 121.

---

* Принятые сокращения: АН СССР — Академия наук СССР; ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина; ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом); ОРиРК — Отдел рукописей и редких книг; ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции; ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

[10] Стасов В. В. [Предисловие к «Воспоминаниям...» В. И. Собольщикова], с. 71.
[11] Иваск У. Жизнь и труды В. И. Собольщикова.., с. 5; Русский биографический словарь. Спб., 1909, с. 40; История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963, с. 39. Эта же ошибка повторена и в недавно вышедшей книге К. И. Абрамова, содержащей к тому же неточные данные о службе В. И. Собольщикова в Публичной библитеке (Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1980, с. 74).
[12] Семенов Д. Д. Из школьных воспоминаний старого педагога. — Рус. школа, 1890, № 10, с. 46.
[13] А. С. [Пинкертон Р.] Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века. Витебск, 1901, с. 17.
[14] Семенов Д. Д. Из школьных воспоминаний.., с. 45.
[15] Арх. ГПБ, 1834, ед. хр. 21, л. 2.
[16] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 73.
[17] Стасов В. В. [Предисловие к «Воспоминаниям...» В. И. Собольщикова], с. 71—72.
[18] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 73—74.
[19] История Гос. Публичной библиотеки.., с. 22—23.
[20] Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. Л., 1955, т. 1, с. 143.
[21] Арх. ГПБ, 1834, ед. хр. 21, л. 3.
[22] Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки и организация их обслуживания в 1814—1917 гг. — Тр./ГПБ, 1958, т. 6 (9), с. 16.
[23] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 82.
[24] Там же, с. 74.
[25] Там же, с. 74—75.
[26] Там же, с. 80. Ср. там же, с. 82: «Обстоятельства сложились так, что мне, писцу при казначейских делах, пришлось быть главным деятелем по удовлетворению читателей иностранными книгами».
[27] Там же, с. 74.
[28] Арх. ГПБ, 1834, ед. хр. 21, л. 5.
[29] ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 2, 1838, ед. хр. 2234, л. 10.
[30] Там же, 1839, ед. хр. 2234, л. 10.
[31] Там же, 1849, ед. хр. 2610, л. 36.
[32] Библиографические сведения о членах Академии Художеств, умерших в 1870—1873 гг. Спб., 1877, с. 38.
[33] Арх. ГПБ, 1834, ед. хр. 21, л. 72.
[34] Там же, 1812, ед. хр. 8, л. 27.
[35] Там же, 1844, ед. хр. 17, л. 8 об.
[36] Там же, 1843, ед. хр. 19, л. 22 об.
[37] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 3, стб. 1514.
[38] Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 35, л. 2—3.
[39] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. Спб., 1860, с. 32—35, 79.
[40] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 84—85.
[41] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 143, л. 18 об.
[42] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 год. Спб., 1853, с. 82.

[43] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 83.
[44] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1514—1515.
[45] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 83.
[46] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 100, л. 119—120.
[47] Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 51, л. 17.
[48] Там же, 1843, ед. хр. 28, л. 1, 3.
[49] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1513.
[50] Там же, стб. 1514—1515.
[51] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 87—88.
[52] Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 51, л. 18.
[53] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 41, л. 3.
[54] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1513.
[55] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 41, л. 3 об.
[56] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 79.
[57] Арх. АН СССР, ф. 764, оп. 2, ед. хр. 713, л. 11.
[58] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря. — Ист. вестн., 1889, № 11, с. 303. В дальнейшем ссылка на этот номер журнала дана по форме: «Воспоминания старого библиотекаря, [II]».

К ГЛАВЕ II

[1] Заметки ген.-лейт. Л. В. Дубельта. — Голос минувшего, 1913, № 3, с. 133.
[2] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1949, т. 14, с. 199.
[3] Соловьев С. М. Записки. Пг., 1915, с. 122.
[4] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 9 (53), 1857, ед. хр. 138/29, л. 18.
[5] Там же, оп. 9 (51), 1855, ед. хр. 13, л. 1 об.
[6] [Корф М. А., Стасов В. В.] Десятилетие имп. Публичной библиотеки (1849—1859). Спб., 1859, с. 10.
[7] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1516.
[8] Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки.., с. 153.
[9] Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 10.
[10] П-ский Н. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1856 год. — Отеч. зап., 1857, т. 113, № 7, отд. II, с. 17.
[11] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 9 (51), 1855, ед. хр. 13, л. 2.
[12] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М., 1941, т. 5, с. 391.
[13] [Корф М. А., Стасов В. В.] Десятилетие имп. Публичной библиотеки.., с. 44.
[14] Арх. ГПБ, 1850, ед. хр. 34, л. 6 об. — 7.
[15] Там же, 1856, ед. хр. 12, л. 11—11 об.
[16] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1853 год. Спб., 1854, с. 67.
[17] Арх. ГПБ, 1851, ед. хр. 12, л. 1.
[18] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 300, л. 2 об.
[19] Арх. ГПБ, 1849—1850, ед. хр. 30, л. 9.
[20] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 300.
[21] Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 20.
[22] Там же, л. 20 об.
[23] Там же, л. 21.
[24] Там же, л. 15.

[25] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 300.
[26] Там же.
[27] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 143, л. 322.
[28] Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 1 об. Ср.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1851 год. Спб., 1852, с. 12.
[29] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 143, л. 345.
[30] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения: Крат. очерк ее прошедшего и настоящего. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1863, ч. 120, № 10, отд. II, с. 205. То же. Отд. отт. Спб., 1863, с. 18.
[31] Минцлоф Р. Книжная келья XV века. (Сон на яву). — Библиогр. зап., 1858, № 5, стб. 145—147.
[32] Маркиз де Креки [Ивановский А. Д.]. Воскресное обозрение имп. Публичной библиотеки. Спб., 1869, с. 32—33. Отт. из газ.: Деятельность, 1869, 21, 25, 26 нояб.
[33] Стасов В. В. И. И. Горностаев. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 2, отд. 4. Очерки жизни и деятельности художников, стб. 143.
[34] Там же, стб. 143—144.
[35] Арх. ГПБ, 1855, ед. хр. 53, л. 3.
[36] Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для Санктпетербургской имп. библиотеки. Спб., 1809. 109 с.
[37] История Гос. Публичной библиотеки.., с. 16—17.
[38] Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 года. Спб., 1813, с. 17.
[39] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 143, л. 92.
[40] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода.., с. 44.
[41] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 143, л. 94.
[42] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 83.
[43] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1858, ч. 100, № 10, отд. II, с. 105. То же. Отд. отт. Спб., 1859, с. 9.
[44] Арх. ГПБ, 1849—1850, ед. хр. 30, л. 30—32.
[45] В. И. Собольщикову было поручено отделение «Свободные и изящные художества. Математика и прикладные естественные науки» (там же, л. 38 об.). Впоследствии название отделения не раз менялось («Отделение искусств и технологии», «Отделение изящных искусств», «Художественное отделение» и т. д.).
[46] Путеводитель по имп. Публичной библиотеке. Спб., 1852, с. 56—57.
[47] Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу.., с. 116.
[48] Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 169.
[49] Арх. ГПБ, 1849—1850, ед. хр. 30, л. 31 об.
[50] Коновалова М. Н. К вопросу о систематической расстановке книг в крупнейших книгохранилищах. — Тр. / ГПБ, 1957, т. 3 (6), с. 12.
[51] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 88. Неэкономное использование библиотечной площади при подобной расстановке В. И. Собольщиков отмечал и во время посещения Берлинской королевской библиотеки (Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 81).
[52] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 88—89.

[53] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода.., с. 47.
[54] Арх. ГПБ, 1854, ед. хр. 36, л. 43.
[55] Лукашевич Я. Имп. Публичная библиотека. Ист. очерк и современное ее положение. — Библиотекарь, 1914, № 3, с. 328.
[56] Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 51, л. 22 об.
[57] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 17.
[58] Schrettinger M. Versuch eines vollständiges Lehrbuches des Bibliotheks — Wissenschaft. Bd. 1—2. München, 1829.
[59] Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб., 1878, с. 538.
[60] В письме М. А. Корфу от 8 сент. 1856 г. В. И. Собольщиков сообщал: «Господин Срезневский очень желает поместить в „Известиях" мое возражение, и таким образом возбудить состязание о важном и еще не тронутом у нас вопросе. Возражение мое написано без подобострастия к старому ученому моему антагонисту... Если возражение мое будет напечатано, то я увижу себя в печати почти через 20 лет после первых моих опытов [т. е. после публикации перевода французской повести]». (Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 26 об. — 27).
[61] Собольщиков В. И. Некоторые замечания по поводу статьи П. М. Строева о простом и удобном способе располагать библиотеки большого размера. — Изв. II Отд-ния АН, 1856, т. 5, вып. 5, стб. 286. То же. Отд. отт. Спб., 1856, с. 2.
[62] Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева.., с. 533.
[63] Суслова И. М. Формирование библиотечной терминологии в дореволюционный период. — В кн.: Терминология библиотечного дела. М., 1976, вып. 2, с. 12.
[64] Коновалова М. Н. К вопросу о систематической расстановке книг.., с. 15. Лишь в некоторых частях фонда Публичной библиотеки использовалась или используется систематическо-форматно-порядковая расстановка.
[65] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 18. Ср. там же, с. 13: «Скорое отыскивание книг есть вовсе не формальность, а действительно первое условие порядка библиотеки — условие, которого посетители библиотек всегда требуют и имеют полное право требовать от библиотекарей».
[66] Там же, с. 18.
[67] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 303—304.
[68] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 83.
[69] Арх. ГПБ, 1856, ед. хр. 6, л. 4.
[70] Собольщиков В. И. Британский музеум в Лондоне и имп. Публичная библиотека в С.-Петербурге. — Спб. ведомости, 1864, 24 янв., с. 1.
[71] Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 31, л. 21 об.
[72] Там же, л. 79—79 об.
[73] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 304.
[74] Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 31, л. 79 об.
[75] Собольщиков В. И. Британский музеум.., с. 1. Собольщиков рекомендовал «по первому вопросу ученого» предложить ему «известную часть систематического каталога» и тогда «ученый по каталогу сам увидел бы всю библиотеку в миниатюре и, при помощи каталога, пересмотрел бы все, что ему нужно до малейшей брошюры» («Об устройстве общественных библиотек...», с. 16).

[76] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 51.
[77] Там же, с. 52—53.
[78] Рапорт В. И. Собольщикова и К. Беккера в дирекцию Публичной библиотеки 28 июня 1857 г. (Арх. ГПБ, 1857, ед. хр. 55, л. 4 об. — 5).
[79] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 52.
[80] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 45.
[81] Там же.
[82] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 30.
[83] Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 3 об.
[84] Там же, 1849, ед. хр. 31, л. 79 об. Ср.: Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 36: на карточках алфавитного каталога «означается кратко одно только заглавие книги, с годом, местом печати, форматом и числом томов, и никаких более замечаний не делается».
[85] «Для систематического каталога заглавия выписываются подробно, объясняется на карточке состояние экземпляра, количество страниц, род переплета книги, пишутся даже разного рода заметки, выражающие какие-нибудь особенности сочинения или библиографическое достоинство экземпляра, или издания и т. п.» (Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 35).
[86] Арх. ГПБ, 1864, ед. хр. 47, л. 17—17 об.
[87] ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8), 1850, ед. хр. 57, л. 1—2.
[88] Там же, л. 4.
[89] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 88.
[90] Там же, с. 21.
[91] Там же, с. 89.
[92] Собольщиков В. И. Некоторые замечания по поводу статьи П. Строева.., с. 6.
[93] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 49.
[94] Там же.
[95] Там же.
[96] В. И. Собольщиков предложил довольно жесткие нормы для ведения каталогизационных работ: «С самым небольшим усердием библиотекарь при помощи хорошего писца может в течение утра внести во все каталоги не менее 25 книг, что составит в год около 8000 заглавий» (там же, с. 48).
[97] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 2.
[98] Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 89 об.
[99] Путеводитель по имп. Публичной библиотеке. Спб., 1852, с. 60.
[100] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 308.
[101] Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу.., с. 121.
[102] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода.., с. 47.
[103] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 303. В кн.: Brugsch H. Reise der K. Preussischen Gesandschaft nach Persien 1860 und 1861. Leipzig, 1862, Bd. 1, S. 93 — рассказывается о необычной расстановке книг в библиотеке Кавказского наместника князя Барятинского и дается иронический со-

вет послать туда «ученых господ из петербургской Публичной библиотеки», умудрившихся расставить книги по форматам.

104 V. Sobolshchikov, Russian librarien and his English critic. Spb., 1864, p. 14.

105 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 308.

106 Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 1.

107 Там же, с. 54.

108 Там же, с. 19—20.

109 ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 9.

110 Библиогр. зап., 1859, № 13, стб. 415—416.

111 Bulletin du bibliophile et du bibliothecaire. P., 1980, vol. 2, p. 1008.

112 Кн. вестн., 1860, № 19/20, с. 229.

113 Там же, с. 230.

114 Там же, с. 229.

115 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 308—309.

116 Neuer Anzeiger für Bibliothekwissenschaft, 1859, S. 386.

117 Grimm W. von. Studien zue Geschichte der Kaiserlichen Offentlichen Bibliothek zu St. Petersburg (Leningrad). Leipzig, 1933, S. 37.

118 Богданов П. М. Обзор русской литературы по теории библиотековедения. — Библиотекарь, 1910, вып. 1, с. 68—69.

119 Там же, с. 70.

120 ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 9 (53), 1857, ед. хр. 138/29, л. 1.

121 Там же, л. 18 об.

122 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 11 об.

123 Там же, л. 27 об. — 28.

124 Там же, 1858, ед. хр. 51, л. 1.

125 Там же, л. 1—1 об. Ср.: Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода.., с. 59: «Предметы, которыми преимущественно занимаются посетители читальной залы, выясняют как нельзя больше преобладающее стремление современного нам общества: науки естественные и камеральные [прикладные] находятся в наибольшем ходу».

126 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1850 год. Спб., 1851, с. 17.

127 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1528.

128 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 687.

129 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки, стб. 1531.

130 ГПБ, ОРиРК, Общ. собр. иностр. автографов.

131 ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 1113, л. 1.

132 Арх. ГПБ, 1854, ед. хр. 7, л. 26 об.

133 Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979, с. 98.

134 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 9 об.

135 Там же, л. 6 об.

136 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. Спб., 1887, с. 3.

137 Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 46.

138 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 12.

139 Путеводитель по имп. Публичной библиотеке. Спб., 1860, с. 10—11.

140 Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 51, л. 7.

141 Там же, 1851, ед. хр. 42, л. 25 об. — 26.

142 Там же, 1854, ед. хр. 7, л. 11.

143 Там же, 1858, ед. хр. 51, л. 5 об.—6.

144 Ныне Научный читальный зал литературы и искусств ГПБ.

145 Арх. ГПБ, 1857, ед. хр. 6, л. 31.

146 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1857 год. Спб., 1858, с. 115.
147 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1514.
148 Там же, стб. 1517—1518.
149 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 307.
150 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 20.
151 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1520.
152 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 8—8 об.
153 Каренин В. В. Стасов: Очерк его жизни. Л., 1927, ч. 2, с. 642.
154 Там же, ч. 1, с. 277, 344.
155 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1522.
156 ГПБ, ОРиРК, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 1210, л. 1.
157 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1518.
158 Там же.
159 Арх. АН СССР, ф. 764, оп. 2, ед. хр. 713, л. 10.
160 Арх. ГПБ, 1849—1850, ед. хр. 30, л. 47 об.
161 Там же, 1815, ед. хр. 11, л. 7.
162 Аделунг Ф. Предложение об учреждении Русского исторического музея. — Сын Отечества, 1817, ч. 37, с. 60.
163 Вихман Г. Российский отечественный музей. — Там же, 1821, ч. 38, с. 298.
164 [Чертков А. Д.] Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. [Вып. 1—2]. М., 1838—1845.
165 ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1817, л. 284.
166 Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. 16, с. 168.
167 Там же. М.; Л., 1948, т. 15, с. 94.
168 Арх. ГПБ, 1860, ед. хр. 36, л. 33 об.
169 Там же.
170 Стасов В. В. Некролог В. И. Собольщикова.., стб. 122.
171 Собольщиков В. И. Чертковская библиотека в Москве и имп. Публичная библиотека в Санкт-Петербурге. — Голос, 1864, 13 апр., с. 2.
172 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 302.
173 Материалы к проекту полного каталога сочинений о России, на всех иностранных языках изданных. Спб., 1851, с. 1.
174 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1851 год. Спб., 1852, с. 21.
175 Арх. ГПБ, 1850, ед. хр. 54, л. 147 об.
176 Там же, л. 28—95.
177 Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 281.
178 Путеводитель по имп. Публичной библиотеке. Спб., 1852, с. 106.
179 ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 18 (105), 1852, ед. хр. 65, л. 2 об.
180 Гольдберг А. Л., Яковлева И. Г. Коллекция «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — История СССР, 1964, № 5, с. 92—93.
181 Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры, с. 112.
182 ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 21.
183 Там же.
184 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 24.
185 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1863 год. Спб., 1864, с. 21.
186 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1853 год. Спб., 1854, с. 34.
187 Собольщиков В. И. Чертковская библиотека.., с. 2.
188 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 302.
189 Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 89 об.

[190] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 305—306.
[191] Там же, с. 306.
[192] Там же.
[193] Арх. АН СССР, ф. 764, оп. 3, ед. хр. 30, л. 64—65.
[194] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 306.
[195] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1519.
[196] Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 19.
[197] Стасов В. В. Письма к родным. М., 1953, т. 1, ч. 1, с. 267.
[198] Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1519.
[199] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 307.
[200] История Гос. Публичной библиотеки.., с. 67.
[201] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 688; Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1941, т. 5, с. 374; [Пыпин А. Н. Рец. на:] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1856 год. Спб., 1857. — Современник, 1857, № 5. Новые книги, с. 23.
[202] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 304.
[203] Арх. ГПБ, 1864, ед. хр. 47, л. 21 об.
[204] Там же, 1866, ед. хр. 1, л. 3 об.
[205] Там же, 1864, ед. хр. 47, л. 17 об.
[206] Там же, л. 18 об.
[207] Там же, л. 5 об. — 6.
[208] Правила и вопросы относительно алфавитного каталога Отделения иноязычных сочинений о России, предлагаемые на обсуждение гг. библиотекарей в общем их собрании. Спб., 1865. 12 с.
[209] Арх. ГПБ, 1864, ед. хр. 47, л. 26—28 об.
[210] Там же, 1865, ед. хр. 6, л. 46 об.
[211] «Главное основание напечатанному впоследствии каталогу отделения „Россика" было положено Собольщиковым». (Стасов В. В. [Предисловие к «Воспоминаниям...» В. И. Собольщикова], с. 72.)
[212] Bibliotheque impériale publique de St. Petersbourg: Catalogue de la section des Russica ou ecrits sur la Russie en langue étrangéres. T. 1-2. Spb., 1873.
[213] Congres bibliographique international tenu à Paris. Compte—rendu des travaux. P., 1879, p. 210, 482, 545.
[214] Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки.., с. 164—167, 177.
[215] Гольдберг А. Л., Яковлева И. Г. Коллекция „Россика".., с. 101.
[216] Арх. ГПБ, 1866, ед. хр. 63, л. 28.
[217] Стасов В. В. Граф М. А. Корф: Биогр. очерк. — Собр. соч. Спб., 1894, т 3, стб. 1551.

К ГЛАВЕ III

[1] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 626, л. 11 об.
[2] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1960, т. 19, с. 128.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.
[4] Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Пг., 1923, с. 27.
[5] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода.., с. 59.
[6] Современник, 1860, № 1, с. 115.
[7] Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 27.
[8] Там же, 1858, ед. хр 51, л. 21 об. — 25 об.
[9] Там же, л. 3.

[10] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 131.
[11] Арх. ГПБ, 1859, ед. хр. 59, л. 1 об.
[12] [Корф М. А., Стасов В. В.] Десятилетие имп. Публичной библиотеки.., с. 41.
[13] Sobolstchikoff V. Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques. P., 1859. 72 p.
[14] Собольщиков В. И. Ответ английскому журналу «Athenaeum»: (К издателю «Сев. пчелы»). — Сев. пчела, 1861, 7 апр., с. 311.
[15] Арх. ГПБ, 1859, ед. хр. 25, л. 3.
[16] В одном из них Собольщиков признавался Стасову: «Наши [семья Горностаевых] имеют полное право ожидать, чтобы это письмо шло к ним, но я пишу к Вам, потому что мне как-то удобнее Вам докладывать» (ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 14).
[17] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 5.
[18] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 295, оп. 1, ед. хр. 479, л. 4.
[19] Там же, л. 4 об.
[20] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 5.
[21] Мыльников А. С. Книжное собрание чешского просветителя Й. Юнгмана в фондах Государственной Публичной библиотеки. — Тр./ГПБ, 1957, т. 3 (6), с. 233.
[22] Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 9 об., 16.
[23] Там же, л. 16.
[24] ИРЛИ, Рукоп. отд., 14.313 XXX б. 57, л. 40.
[25] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 9.
[26] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 6 об.
[27] Там же, л. 6.
[28] Там же, л. 5.
[29] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 31.
[30] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 11 об.
[31] Там же, л. 12 об.
[32] Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. М.; Л., 1965, с. 84.
[33] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 46.
[34] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 9.
[35] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 14.
[36] Петров П. Биография В. И. Собольщикова.., с. 208.
[37] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 23.
[38] Там же, с. 24.
[39] Rudomino M. Die königliche Bibliothek zu München.., S. 221—226.
[40] Krause F. Die slawischen Verbindungen der Königlichen Bibliothek zu Berlin und der Aufbau ihres Slavica — Bestands seit ihrer Gründung bis 1871. Leipzig, 1976, S. 136, 252.
[41] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 19 об.
[42] В одной из служебных записок 1860-х гг. он указывал, что эта библиотека «по деятельности своей и по развитию занимает в Европе первое место» (Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 277).
[43] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 14 об.
[44] Там же, л. 16.
[45] Впоследствии Собольщиков вернулся к системе обслуживания читателей в Британском музее, отметив, что во всех европейских библиотеках «сами библиотекари принимают участие в удовлетворении требований посетителей, в Лондоне же эта важная функция отправляется простыми служителями» (Собольщиков В. И. Британский музеум в Лондоне.., с. 1).

[46] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 63.
[47] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 18 об.
[48] Там же, л. 8.
[49] Там же, л. 17.
[50] Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 60, л. 43 об.
[51] Там же, л. 45 об.
[52] Там же, л. 46 об. — 47.
[53] Там же, л. 51.
[54] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 314.
[55] Журн. М-ва нар. просвещения, 1859, № 10, отд. IV, с. 1—52; № 11, отд. IV, с. 53—90. То же. Отд. отт. Спб., 1860. 89 с.
[56] В ответ на похвалы Стасова Собольщиков писал: «Это привязывает мне крылья» (ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 479, л. 10 об.).
[57] Там же, л. 9.
[58] Володин Б. Ф. Взгляды В. И. Собольщикова на работу библиотек.., с. 68.
[59] Каневский Б. П. К вопросу о применении сравнительного метода в библиотековедении. — Сов. библиотековедение, 1975, вып. 5, с. 65.
[60] «Посетители наши пользуются такою либеральностью, какая не допускается в наиболее развитых странах... Право входа в читальную залу, процесс требования и получения книг упрощены у нас до возможности» (Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 85).
[61] В более поздних работах Собольщиков тоже не упускал случая сопоставить Публичную библиотеку с зарубежными. Так, в статье 1869 г. он указывал, что в Публичной библиотеке на три четверти книг есть систематические каталоги, а «в иностранных же библиотеках систематических каталогов нет решительно нигде» (Натальин [Собольщиков В. И.]. Публичная библиотека и «Голос». — Спб. ведомости, 1869, 19 мая, с. 2).
[62] Собольщиков В. Ответ английскому журналу «Athenacum».., с. 311.
[63] V. Sobolshchikov, Russian librarian.., p. 14.
[64] Ibid, p. 5—6.
[65] Ibid, p. 6.
[66] Собольщиков В. Фотолитография нашего времени. — Голос, 1864, 23 дек., с. 2.
[67] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 309.
[68] Собольщиков В. И. Взгляд на Всемирную выставку две недели спустя ее открытия. — Сев. почта, 1867, 12 (24) апр., с. 1. То же. Отд. отт. Спб., 1867, с. 13.
[69] Собольщиков В. И. Взгляд на Всемирную выставку в день ее открытия. — Сев. почта, 1867, 30 марта (11 апр.), с. 1. То же. Отд. отт. Спб., 1867, с. 10.
[70] Там же, с. 9.
[71] Собольщиков В. И. Взгляд на Всемирную выставку две недели спустя ее открытия, с. 12—13.
[72] Собольщиков В. И. Воспоминания о Всемирной выставке. — Сев. почта, 1867, 13 (24 мая), с. 1—2. То же. Отд. отт. Спб., 1867. 24 с.
[73] Арх. ГПБ, 1859, ед хр. 59, л. 95,
[74] Там же, л. 41—42,

[75] Там же, л. 42.
[76] Там же, л. 20.
[77] ЦГИА СССР, ф. 480, оп. 1, 1861, ед. хр. 347, л. 5.
[78] Там же, ед. хр. 32, л. 135.
[79] Там же, л. 169.
[80] Там же, л. 168.
[81] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 346, л. 36.
[82] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 314.
[83] Стасов В. В. И. И. Горностаев.., стб. 142.
[84] ЦГИА СССР, ф. 480, оп. 1, 1861, ед. хр. 32, л. 136.
[85] Минцлоф Р. И. Прогулка по имп. Публичной библиотеке. Спб., 1872, с. 31.
[86] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 315.
[87] Открытие новой читальной залы в имп. Публичной библиотеке. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1862, ч. 116, № 10, отд. IV, с. 280.
[88] Собольщиков В. И. Перестройки, предпринимаемые в здании имп. Публичной библиотеки с 1864 г. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1864, ч. 122, № 10, отд. IV, с. 100.
[89] ЦГИА СССР, ф. 480, оп. 1, 1862, № 35, л. 137.
[90] Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения. Крат. очерк ее прошедшего и настоящего. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1863, ч. 120, № 10, отд. II, с. 188—259. То же. Отд. отт. Спб., 1863. 72 с. Статья была опубликована анонимно, и в литературе высказывались предположения, что она принадлежала перу Собольщикова (сводка мнений на этот счет приведена в книге У. Иваска «Жизнь и труды В. И. Собольщикова...», с. 25—26). Действительно, содержание статьи в ряде случаев совпадает с высказываниями Собольщикова в других публикациях и архивных документах. Однако в статье использованы также и высказывания А. Ф. Бычкова, М. А. Корфа и других сослуживцев Собольщикова. К тому же о деятельности Собольщикова здесь говорится в таких восторженных тонах, что это исключает его авторство. Если учесть, что при упоминании в статье о «превосходных монографиях» Собольщикова подчеркивается, что они были опубликованы «в нашем журнале», можно предположить, что эта статья была подготовлена кем-то из сотрудников журнала или Министерства народного просвещения на основании материалов, полученных из библиотеки.
[91] Соловьев И. Два слова о будущности имп. Публичной библиотеки. — Спб. ведомости, 1864, 6 марта, с. 1—2; Соловьев И. По поводу перестроек в имп. Публичной библиотеке. — Там же, 1864, 27 июня, с. 1—2.
[92] Биржевые ведомости, 1864, 12 июня, с. 1; Заноза, 1864, № 21, с. 220—221.
[93] Костомаров Н. И. Слово о перенесении Публичной библиотеки.— Голос, 1864, 17 апр., с. 2.
[94] Собольщиков В. Перестройки, предпринимаемые в здании имп. Публичной библиотеки.., с. 102.
[95] Собольщиков В. И. Счастливая мысль, объявленная г. Соловьевым по поводу имп. Публичной библиотеки. — Голос, 1864, 21 марта, с. 2.

96 Собольщиков В. И. Весть о перестройке здания имп. Публичной библиотеки. — Биржевые ведомости, 1864, 27 июня, с. 1.
97 Стасов В. В. По поводу перестроек в Имп. Публичной библиотеке. — Спб. ведомости, 1864, 27 июня, с. 1.
98 Там же.
99 Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 301.
100 Арх. ГПБ, 1865, ед. хр. 5, л. 13.
101 Там же, 1852, ед. хр. 26, л. 126.
102 Арх. ГБЛ СССР, оп. 1, ед. хр. 59, л. 14—14 об.
103 Там же, л. 16.
104 Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 145.
105 Иваск У. Жизнь и труды В. И. Собольщикова.., с. 52.
106 Отеч. зап., 1871, т. 194, № 1, отд. II, с. 73—75; Рус. летопись, 1871, № 3, с. 107 и др.
107 Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1900, т. 30, стб. 647.
108 Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1872 год. Спб., 1874, с. 4—5.
109 Петров П. Биография В. И. Собольщикова.., с. 206—208.
110 Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 27.
111 Там же, л. 2.
112 Там же, л. 1—26.
113 Там же, л. 27—32.
114 Там же, л. 276—282.
115 Там же, л. 281—281 об.
116 Там же, л. 2.
117 Там же, л. 27.
118 Собольщиков В. И. Мнение по проекту Устава имп. Публичной библиотеки: Прил. к проекту Устава. Спб., 1863, с. 8.
119 Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 31 об.
120 Там же, л. 277 об. — 278.
121 ГПБ, ОРиРК, ф. 738, ед. хр. 360, л. 7.
122 Собольщиков В. И. Мнение по проекту Устава.., с. 5.
123 Арх. ГПБ, 1862, ед. хр. 22, л. 4.
124 Там же, л. 4 об. — 5.
125 Там же, л. 5.
126 Там же, 1859, ед. хр. 21, л. 4.
127 Там же, 1858, ед. хр. 60, л. 74.
128 Там же, 1862, ед. хр. 22, л. 256.
129 Там же, л. 12.
130 Там же, л. 257.
131 Там же, л. 12.
132 Там же, л. 12 об.
133 Там же, 1855, ед. хр. 56.
134 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1530.
135 Арх. ГПБ, оп. 1а, 1841, ед. хр. 6, л. 21 об.
136 Там же, 1868, ед. хр. 1, л. 124.
137 Там же, 1863, ед. хр. 23, л. 10 об.
138 Там же.
139 Там же, 1870, ед. хр. 36, л. 22 об.
140 Там же, л. 22.
141 Арх. АН СССР, ф. 764, оп. 2, ед. хр. 713, л. 1 об.
142 Там же, ед. хр. 28, л. 93—100.
143 Там же, л. 100.
144 Арх. ГПБ, 1870, ед. хр. 36, л. 53.
145 Там же, 1860, ед. хр. 66, л. 37.

146 [Корф М. А., Стасов В. В.] Десятилетие имп. Публичной библиотеки.., с. 17—18.
147 Стасов В. В. Воспоминания гостя библиотеки.., стб. 1526.
148 Минцлоф Р. И. Прогулка по имп. Публичной библиотеке.., с. 17.
149 Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 32.
150 Нил Адмирари [Панютин Л. К.]. Листок. — Голос, 1869, 13 (25) апр., с. 1—2; 25 мая (6 июня), с. 1—2.
151 Натальин [Собольщиков В. И.]. Публичная библиотека и «Голос».., с. 2—3.

К ГЛАВЕ IV

1 История Гос. Публичной библиотеки, с. 80.
2 Там же, с. 80—81.
3 Кутейников Н. Практическая заметка читателя Публичной библиотеки. — Кн. вестн., 1866, № 9/10, с. 229.
4 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1871 год. Спб., 1872, с. 73—77.
5 История Гос. Публичной библиотеки.., с. 100.
6 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1867 год. Спб., 1868, с. 10.
7 Арх. ГПБ, 1866, ед. хр. 20, л. 12 об.
8 Стасов В. В. Письма к родным. М., 1962, т. 3, ч. 1, с. 93—94.
9 V. Sobolshchikov, Russian librarian.., p. 22.
10 Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 19.
11 Арх. ГБЛ, оп. 1, ед. хр. А—11, л. 4—5.
12 Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 28.
13 Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 87.
14 Там же, с. 59—60.
15 Там же, с. 27.
16 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 298, л. 46.
17 Арх. ГПБ, 1871, ед. хр. 19. Памятная записка В. И. Собольщикова от 15 марта 1871 г. и другие документы из этой архивной папки изданы в публикации Н. Черникова «Дело Пихлера» (Человек и закон, 1974, № 1, с. 84—95; № 2, с. 120—131).
18 Стасов В. В. Странный библиоман. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 3, стб. 1531—1537. Вероятно, В. И. Собольщиков помогал В. В. Стасову в подготовке этой статьи, так как некоторые места ее дословно совпадают с упомянутой выше «Памятной запиской» Собольщикова.
19 Dr. Alois Pichler und der Bücherdiebstahl aus der Kaiserlichen Offentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Spb, 1871. 98 S.
20 Арх. ГПБ, 1871, ед. хр. 19, л. 13.
21 Стасов В. В. Странный библиоман, стб. 1533.
22 Dr. Alois Pichler und der Bücherdiebstahl.., S. 17, 94.
23 Арх. ГПБ, 1871, ед. хр. 19, л. 12—12 об., 13 об.
24 Там же, л. 14—14 об.
25 Стасов В. В. Странный библиоман, стб. 1535.
26 Арх. ГПБ, 1871, ед. хр. 19, л. 16 об. — 17.
27 Там же, л. 19—19 об.
28 Пихлер украл 4478 книг и 427 гравюр, вырезанных из разных изданий (Арх. ГПБ, 1871, ед. хр. 19, л. 29).
29 Там же, л. 37—38.
30 Dr. Alois Pichler und der Bücherdiebstahl.., S. 12.

[31] Dr. Alois Pichler und Bücherdiebstahl., S. 22, 86. Ср.: Стасов В. В. Странный библиоман, стб. 1532: «Пихлер поступил на службу в библиотеку, но без жалования и без обязательных занятий (так как главная служба его была по Министерству внутренних дел, и оттуда же он получал жалованье)». Кстати, жалованье это было в три раза выше, чем у штатных сотрудников Публичной библиотеки.
[32] Столпянский П. Кража книг из Публичной библиотеки А. Пихлером. — Рус. библиофил, 1911, № 4, с. 67.
[33] Стасов В. В. Странный библиоман, стб. 1534, 1537.
[34] Соловьев Н. А. Дело о краже книг из имп. Публичной библиотеки А. Пихлером. — Рус. старина, 1916, т. 46, № 4, с. 69—70.
[35] Сын Отечества, 1871, 25 июня.
[36] Судеб. вестн., 1871, 29 июня.
[37] Там же, 27 июня.
[38] Арх. ГПБ, 1873, ед. хр. 1, л. 19.
[39] ГПБ, ОРиРК, ф. 120, ед. хр. 1254, л. 13 об.
[40] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 4, ед. хр. 247, л. 22.
[41] Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 159—159 об.
[42] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 4, ед. хр. 247, л. 22.
[43] Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 26, л. 162.
[44] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 4, ед. хр. 247, л. 24.
[45] Там же, л. 25.
[46] Там же, л. 28 об.
[47] ГПБ, ОРиРК, ф. 120, ед. хр. 1254, л. 13 об.
[48] ИРЛИ, Рукоп. отд., ф. 294, оп. 1, ед. хр. 347, л. 88.
[49] Зодчий, 1872, № 10, с. 174—175.
[50] Там же, № 11, с. 184—186.
[51] Письмо В. В. Стасова к С. В. Медведевой от 29 ноября 1872 г.— В кн.: Стасов В. В. Письма к родным. М., 1954, т. 1, ч. 2, с. 93.
[52] ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 2862, л. 7.
[53] [Стасов В. В.]. В. И. Собольщиков. — Спб. ведомости, 1872, 21 окт., с. 2.
[54] Там же.
[55] Петров П. Биография В. И. Собольщикова.., с. 208.
[56] Некрологи о Собольщикове опубликовали: «Моск. ведомости», 1872, 25 окт.; «Иллюстрир. газ.», 1872, 26 окт.; «Всемир. ил.», 1872, 28 окт.; «Рус. мир», 1872, 23 окт.; «Крестный календарь Гатцука на 1873 год», с. 264; «Рус. арх.», 1874, № 12, стб. 1115—1117 и др.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

[1] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1872 год. Спб., 1873, с. 4.
[2] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [II], с. 298.
[3] Там же, с. 309.
[4] Стасов В. В. [Предисловие к «Воспоминаниям...» В. И. Собольщикова], с. 71.
[5] Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу.., с. 127.
[6] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 12.
[7] Арх. ГПБ, 1863, ед. хр. 23, л. 15.
[8] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря, [I], с. 81.

[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, с. 82.
[12] Собольщиков В. И. Воспоминания о Всемирной выставке.., с. 4.
[13] Арх. ГПБ, 1863, ед. хр. 23, л. 10 об.
[14] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 10.
[15] Собольщиков В. И. Обзор больших библиотек Европы.., с. 76.
[16] Натальин [Собольщиков В. И.]. Публичная библиотека и «Голос».., с. 3.
[17] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек.., с. 2.
[18] Иваск У. Жизнь и труды В. И. Собольщикова, с. 19.
[19] «Устройство библиотек у нас дело новое, и В. И. Собольщиков в этой специальности достиг полного уважения» (Петров П. Биография В. И. Собольщикова.., с. 208).
[20] Собольщиков В. И. Воспоминания о Всемирной выставке.., с. 13.
[21] Собольщиков В. И. Письмо к А. Ф. Бычкову от 22 февраля 1872 г. — ГПБ, ОРиРК, ф. 120, ед. хр. 1254, л. 17.
[22] Стасов В .В. [Предисловие к «Воспоминаниям...» В. И. Собольщикова], с. 72.

Список трудов В. И. Собольщикова

1. Гуард и Вердюрон. [Пер. В. И. С.]. Спб., 1838. 52 с.

2. Некоторые замечания по поводу статьи П. М. Строева о простом и удобном способе располагать библиотеки большого размера. — Изв. II Отд-ния АН, 1856, т. 5, вып. 5, с. 285—288. То же. Отд. отт. Спб., 1856. 7 с.

3. Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1858, ч. 100, № 10, отд. II, с. 97—126; № 11, отд. II, с. 129—155. То же. Отд. отт. Спб., 1859. 56 с.

4. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1859, ч. 104, № 10, отд. IV, с. 1—52; № 11, отд. IV, с. 53—90. То же. Отд. отт. Спб., 1860. 89 с.

5. Ответ английскому журналу «Athenacum»: (К издателю «Сев. пчелы»). — Сев. пчела, 1861, № 78, 7 апр., с. 311.

6. Мнение по проекту Устава имп. Публичной библиотеки: Прил. к проекту Устава. Спб., 1863. 8 с.

7. Простейшие способы вентиляции, примененные в обширном размере в VII С. Петербургской гимназии. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1863, ч. 118, № 10, отд. IV, с. 76—99. То же. Отд. отт. Спб., 1863. 26 с.

8. Британский музеум в Лондоне и имп. Публичная библиотека в С.-Петербурге. — Спб. ведомости, 1864, 24 янв., с. 1.

9. Перестройки, предпринимаемые в здании имп. Публичной библиотеки с 1864 г. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1864, ч. 122, отд. VI, с. 99—105.

10. Счастливая мысль, объявленная г. Соловьевым по поводу имп. Публичной библиотеки. — Голос, 1864, 21 марта, с. 2.

11. Чертковская библиотека в Москве и имп. Публичная библиотека в Санкт-Петербурге. — Голос, 1864, 13 апр., с. 2.

12. Весть о перестройке здания имп. Публичной библиотеки. — Биржевые ведомости, 1864, 27 июня, с. 1.

13. Фотолитография нашего времени. — Голос, 1864, 23 дек., с. 2.

14. Как следует делать комнатные печи? — Сев. почта, 1865, 29 янв., с. 89—90.

15. Печное мастерство. Книга, научающая, как должен хороший печной мастер работать и как делать такие печи, которые будут греть и то же время проветривать наши дома. Спб., 1865. 84 с.

16. Важные меры общественной безопасности. — Сев. почта, 1866, 23 дек., с. 2. То же. Отд. отт. Спб., 1866. 9 с.

17. Взгляд на Всемирную выставку в день ее открытия. — Сев. почта, 1867, 30 марта (11 апр.), с. 1. То же. Отд. отт. Спб., 1867. 12 с.

18. Взгляд на Всемирную выставку две недели спустя ее открытия. — Сев. почта, 1867, 12 (24) апр., с. 1—2. То же. Отд. отт. Спб., 1867. 21 с.

19. Воспоминания о Всемирной выставке. — Сев. почта, 1867, 13 (25) мая, с. 1—2. То же. Отд. отт. Спб., 1867. 24 с.
20. Воспоминания старого библиотекаря. — В кн.: Барону М. А. Корфу в день 50-летия его службы. Спб., 1867, с. 73—157. То же. — Ист. Вестн., 1889, № 10, с. 70—92; № 11, с. 296—315.
21. Еще важная мера общественной безопасности. — Сев. почта, 1867, 3 марта, с. 2. То же. Отд. отт. Спб., 1867. 16 с.
22. Обретение не есть изобретение. — Голос, 1869, 7 апр., с. 1—2.
23. Публичная библиотека и «Голос». — Спб. ведомости, 1869, 19 мая, с. 2—3.
24. Что надо делать в домах против холода, сырости и духоты. Спб., 1870. 208 с. То же. 2-е изд. Спб., 1872. 165 с.
25. Загородный дом Бутурлина в Санкт-Петербурге. — Зодчий, 1872, № 10, с. 174—175.
26. Водосточные трубы в стенах строения. — Там же, 1872, № 11, с. 184—186.
27. Principer pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques. P., 1859. 72 p.
28. V. Sobolshchikov, Russian librarian and his English critic. Spb., 1864. 24 p.
29. Notice sur le chauffage des habitations en Russie. P., 1867. 8 p. (Extrait de la Gazette des architectes et du batiment, 1867»).

О. Д. Голубева

Владимир Федорович Одоевский

(1804–1869)

...Труды и личность этого человека заслуживают и пристального внимания, и глубокого, благодарного уважения [1]

А. Ф. Кони

Нет деятельности без самозаклания

В. Ф. Одоевский

Предисловие

Как ни парадоксально на первый взгляд, но только будущее приносит новое знание прошлого.

Воспринимая минувшее сквозь призму познания всего фактического материала, проникаем в суть вещей и отношений. Знакомство с письмами, дневниками, деловыми бумагами, воспоминаниями современников, словом, со всем тем, что принято обозначать личным архивом, помогает с большой достоверностью и надежностью воссоздать облик человека и время, в которое он жил.

Немногим более 15 лет проработал Владимир Федорович Одоевский помощником директора Публичной библиотеки в Петербурге (1846—1861), активно участвуя в преобразовании Библиотеки, которая в эти годы, по словам В. В. Стасова, «с каждым днем все более и более хорошела и расцветала, с каждым днем становилась все блестящее, полнее и привлекательнее» [2] *.

Но как библиотечный деятель Одоевский, к сожалению, незаслуженно забыт. Современниками и потомками отмечены другие грани деятельности этого человека. О библиотечной же его работе сказано несколько строчек в книгах, посвященных столетию [3] и стопятидесятилетию [4] Публичной библиотеки, и в статье В. И. Собольщикова «Воспоминания старого библиотекаря», опубликованной в книге «Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы 9 июня 1867 года», изданной только в двух экземплярах [5].

11 декабря 1868 г. Владимир Федорович Одоевский записал в своем дневнике: «Получил от Соболевского и прочел двухэкземплярную книгу: „На память 9 июня 1867 года“ — по юбилею бар. Мод[еста] Андр[еевича] Корфа. Собольщиков отзывается обо мне весьма сочувственно и весьма неполно. Деятельность моя в Библиотеке была и шире, и положительнее: всякая в ней работа, не исключая и отчетов годовых, проходила через мою переделку. А в казначейской части я завел порядок

* Здесь и далее цифры отсылают к Примечаниям на с. 217—227.

и точность, каких и не было, хотя залог, внесенный Собольщиковым и находившийся постоянно под моей печатью, обеспечивал сохранение суммы вполне. Mon histoire est encore á faire (Моя история еще не написана)»[6].

«История» библиотечной деятельности В. Ф. Одоевского так долго не писалась, вероятно, потому, что полагали, подобно составителям книги «Имп. Публичная библиотека за сто лет», что «его служба по Библиотеке представляла лишь весьма незначительную часть его замечательной общественной, литературной и благотворительной деятельности»[7]. Мы не можем согласиться с такой характеристикой.

Главное — в существе библиотечной деятельности В. Ф. Одоевского. При этом справедливости ради следует подчеркнуть, что многие библиотечные нововведения, приписываемые другим людям, впервые были предложены Одоевским. Он щедро дарил свои идеи другим, высказывая их только в служебных записках, письмах. Это вообще было весьма характерно для Одоевского. Он как-то со скорбью признался: «С летами я замечаю, что сделал в жизни большую глупость: я старался на сем свете кое-что делать и учился искусству кое-что делать, но забыл искусство рассказывать о том, что я делаю. Обращаясь на жизнь протекшую, вижу, что довольно таки дел пошло с моей легкой руки, не считая неудавшихся.

...Не одно мое сочинение бродит под именем других, смешнее всего то, что ими иногда мне же глаза колют, как бы говоря: „вот тебе что сделать"... Право-таки, 20 лет жизни прошли недаром, прежней деятельности не считаю. Однако же, где тот добрый человек, который сказал бы мне спасибо? Не из того я хлопотал — хлопотал я, чтобы заморить червяка, который сидит у меня в груди, — но все-таки глупо, и тем более глупо, что многие разве нитку в иголку вдели в продолжении жизни — ce sempre bene! — bênet! (И превосходно! — о глупец!). Все, что выстрадано было тобою, все, что взято с боя, с другими и с самим собой, все это не пролило ни капли внешней утехи в твою труженическую жизнь»[8].

Показать значение библиотечной деятельности Одоевского помогут материалы, письма из архивов В. Ф. Одоевского, М. А. Корфа, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ее ведомст-

венный архив, служебные документы, извлеченные из Центрального государственного исторического архива СССР, публикации в журналах «Русский архив», «Русская старина» и др.

К сожалению, Одоевский не вел постоянного дневника. Его записи случайны, прерываются на многие месяцы. Сам он объяснял это отсутствием времени. «Нет — на роду мне не написано вести дневник, — отмечает он 2 апреля 1854 г. — Это хорошо тому, кому есть время и писать и думать, но не нашему брату чернорабочему, днем некогда и думать, а думать ночью, рад, что кончил день — некогда его описывать, да и так день наполнен, что к вечеру всего и не вспомнишь» [9].

В его архиве сохранились переплетенные папки — книги, в которых множество рассыпанных записей, заметок, отдельных мыслей, набросков, часто не связанных друг с другом ни по смыслу, ни даже по хронологии написания. Примером этому может служить хотя бы книга-папка № 35. Она содержит записи о науке, Америке, Финляндии, любви, о постройке глиноземных строений (с рисунками), о лени, иезуитах, суеверии, о законе больших чисел, о пище человека, пищеварении и диете, о России, роскоши, дикости и просвещении, о составных словах, наказании и награждении, о химии, о народонаселении России за 1851 г., о магнетизме и пр. [10]

Эту особенность своей творческой лаборатории Одоевский объясняет тем, что он не мог «читать книги без того, чтобы она не порождала в голове моей тысячи мыслей, часто весьма далеких от предмета книги и потому обыкновенно, читая, я пишу что мне приходит в голову, и в этих обрывках находится наиболее оригинального, нежели в других моих трудах» [11].

Именно в таких папках-книгах мы нашли немало материалов, характеризующих Одоевского как библиотечного деятеля.

Писем же сравнительно с его многочисленными записями сохранилось немного. Он не любил их писать. «Недаром я имею инстинктивное отвращение к письмам, — они всегда *предают* нас, или не доскажешь или перескажешь» [12], — признавался Одоевский Корфу в 1860 г. И тем не менее в его письмах, «набросках и отрывках», сделанных в тиши кабинета, сохранился богатейший материал для представления о жизни и деятельности этого примечательного человека.

Глава I

«...В совершенстве развитый человек»

Так определил особенность личности В. Ф. Одоевского советский исследователь О. В. Цехновицер [1].

Поражает разносторонность дарований этого человека. Он известен как писатель, музыковед, музыкант, популяризатор науки. Но мало кто знает, что из 43 лет служебной карьеры свыше 25 лет отданы библиотечной работе. Двадцатичетырехлетним молодым человеком приобщился В. Ф. Одоевский к библиотечной специальности, работая библиотекарем в Комитете цензуры иностранной. В полном расцвете творческих сил он начал свою деятельность в Публичной библиотеке и в течение 15 лет сумел сделать многое для улучшения всех сторон ее деятельности.

Родился Владимир Федорович Одоевский в 1804 г. в Москве. Происходил он из старинного княжеского рода: его отец, Федор Сергеевич Одоевский, вел свою родословную от легендарного варяга Рюрика. Владимир Федорович Одоевский был последним представителем знаменитого рода Одоевских [2]. Отец после окончания военной службы был директором Московского ассигнационного банка. Владимиру Одоевскому не исполнилось еще и пяти лет, когда он лишился отца, не получив почти никакого наследства. Мать вышла замуж за поручика Сеченова, а мальчик остался на попечении деда, а потом двоюродного дяди Д. А. Закревского [3]. Двенадцати лет его отдали в Московский университетский благородный пансион. Это учебное заведение отличалось многообразием изучаемых наук и высоким уровнем преподавания, но по сути своей было подготовительным факультетом университета.

В 1822 г. Одоевский закончил пансион с золотой медалью, и его имя значилось на почетной доске среди имен лучших питомцев пансиона.

Знания, приобретенные за годы учебы, были не очень глубоки, и любознательный Одоевский всю жизнь занимался самообразованием. В 1826 г. Одоевский переезжает из Москвы в Петербург, женится на О. С. Ланской и поступает на службу в Комитет цензуры иностранной при Министерстве внутренних дел.

В 20—40-х гг. В. Ф. Одоевский, писатель-романтик, находился в центре литературной жизни России. Он был дружен с Грибоедовым, Гоголем, Лермонтовым. К его творчеству с интересом относился Пушкин. Кстати, знаменитый некролог на смерть Пушкина — «Солнце русской поэзии закатилось» — принадлежит перу В. Ф. Одоевского [4], а не А. А. Краевскому.

Художественные произведения В. Ф. Одоевского высоко оценил В. Г. Белинский. В статье, написанной после выхода в свет трехтомного собрания сочинений Одоевского (1844 г.), великий критик отметил: «Таких писателей у нас немного... нельзя не признать замечательного таланта, самобытного взгляда на вещи, оригинального слога... человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевным убеждением, — человека, которого волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли» [5].

Одоевский писал и для детей. Его сказки переиздаются до сих пор, представляют интерес и педагогические работы. Веря в великую силу и могущество знаний, он одной из самых важных задач современности считал народное образование. Как член комиссии при Министерстве государственных имуществ Одоевский хлопочет об учреждении в деревнях школ (1838 г.). «У народа нет книг» [6], — писал Одоевский. И поставил перед собой задачу — дать народу книги.

В 1840 г. им было задумано акционерное «Общество для издания русских книг», цель которого — распространение книг, «полезных для наук, искусств и ремесел, или занимательных для легкого чтения по самой дешевой цене» [7].

Анализируя состояние издательского дела в стране, Одоевский пришел к выводу, что «по всем отраслям наук, торговой и земледельческой промышленности и домоводства ощущается недостаток в хороших книгах» [8]. Причин тому множество. Среди них и то, что «люди истинно ученые и даровитые» не имеют средств для издания книг, издатели же — большей частью книготорговцы, малосведущие люди и преследуют лишь одну цель — наживу.

Новое общество, по замыслу Одоевского, будет иметь «судей для оценки представленных творений» из числа «известнейших ученых и литераторов». «Общество для издания русских книг» гарантировало «сочинителям доставить ручательство, что труды их не останутся без

вознаграждения. Книготорговцам, что книга, ими приобретенная, достойна внимания публики. Читателям, что предпринятое раз издание будет окончено и что для улучшения употреблены все по возможности способы»[9]. Проект не был поддержан начальством, и обществу не суждено было возникнуть.

Много вложено Одоевским в совершенно новое для того времени дело — популяризацию науки для народа. В увлекательной и доступной форме он написал учебники грамматики, арифметики, истории, физики, химии и географии. Вместе с другом своим — публицистом А. П. Заблоцким-Десятовским он издавал для народного чтения журнал-сборник под названием «Сельское чтение» (1843—1848), в котором публиковались статьи, содержащие сведения из самых различных областей знания.

Одоевскому принадлежало 18 статей по самым разнообразным вопросам: гигиене («Что такое чистота и к чему она пригодна»), о вреде пьянства, суеверия, лени, о разведении картофеля, о барометре, газе, порохе, пароходе, о физике («Что вокруг человека и что в нем самом»), географии, музыке, литературе («Кто такой дедушка Крылов»). Сборник имел необыкновенный успех, неоднократно переиздавался, крестьяне раскупали его нарасхват. Как подчеркивал В. Г. Белинский, в России нет «литературы для простого народа», издаваемые в большом количестве «серобумажные» книжонки вроде «Похождений Георга, аглицкого милорда», «Похождений Ваньки Каина» и тому подобное, приносят только вред. А журнал «Сельское чтение» и по форме, и по содержанию именно то, что нужно народу. Колоссальный успех «Сельского чтения» В. Г. Белинский объяснял глубоким знанием быта, потребностей и «самой натуры русского крестьянина», а также талантом, «с каким умели издатели воспользоваться этим знанием»[10]. «Сельское чтение», — писал В. Г. Белинский, — весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм»[11] и «...составит собою эпоху в истории едва начинающегося у нас образования низших классов»[11а].

Придавая своей просветительской деятельности важное общественное значение, Одоевский подчеркивал, что «...писал для мужиков и именно о химических и физических предметах и писал *один во всей русской литературе*»[12].

Как отмечают исследователи, популяризаторская

деятельность Одоевского была «чем-то феноменальным для 30-х годов прошлого столетия, когда большинство интеллигентных людей, в особенности дворяне, имели весьма скудное представление о народе» [13].

Одоевский известен и как философ, один из организаторов кружка русских философов — «любомудров» («Общество любомудрия») (1823 г.). Он и его друзья увлекались немецкой философией Канта, Фихте, Шеллинга. Цель общества — на основе немецкой философии создать оригинальную отечественную философию. Члены кружка были далеки от политики и от социальных проблем, считая, что единственный путь развития общества — просветительство, постепенные культурные преобразования.

В. Ф. Одоевский был не только сверстником декабристов, но и близким другом Кюхельбекера, совместно с ним издавал альманах «Мнемозина» (1824—1825). Он дружил и с А. И. Одоевским, своим двоюродным братом, известным декабристом-поэтом. Владимир Федорович не стал единомышленником декабристов, восстание он не одобрял [14], хотя самим декабристам сочувствовал, хлопотал о смягчении участи своих друзей-декабристов, и в своих записках так писал о декабрьском восстании: «В нем участвовали представители всего талантливого, образованного, знатного, благородного, блестящего в России, — им не удалось, но успех не был безусловно невозможен» [15].

И сами декабристы с теплотой относились к В. Ф. Одоевскому. Не случайно В. К. Кюхельбекер писал ему из ссылки в 1845 г.: «Ты... *наш:* тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего *бескорыстного* стремления к художественной красоте и к истине безусловной» [16].

По своим общественно-политическим взглядам он был просветителем и гуманистом. Он постоянно высказывал свои высокие теории о равенстве и братстве. Одоевский видел царившие в России произвол и насилие. Он выступал против крепостного права, восторженно принял крестьянскую реформу 1861 г. и гласное судопроизводство, осуждал реакционную теорию «православия, самодержавия и народности», но вместе с тем он верил только в мирные «комитетские» преобразования, в благодетельность правительственных реформ и не при-

нимал иного политического устройства России, кроме самодержавия [17].

«...Не переймем у иностранцев ни их гражданского безумия, ни смут, ни раздора, — но переймем и усвоим себе Смалевс плуг и Жаккардову машину, и Макадамову дорогу, и Уатов паровик», — заносит Одоевский в свою записную книжку в 1849 г. [18].

По глубокому убеждению В. Ф. Одоевского, в России есть все для развития промышленности и сельского хозяйства — огромные естественные богатства, разнообразие климата. «В России все есть, а нужны только три вещи: *наука, наука и наука»,* — писал Одоевский [19]. Он мечтал и верил во времена, когда «во всех концах нашей великой земли раздадутся всенародно и общедоступно умные речи ученых людей... учредятся библиотеки, физические кабинеты, химические лаборатории для всех открытые и в уровень науки... русский работник с прояснившею головой придумает многое...» [20]. Но тогда для осуществления мечты необходимо было преодолеть ужасное зло — невежество и неграмотность русского народа. Одоевский верил в русский народ, в его ум, понятливость, восприимчивость к учению. «Чудная понятливость русского народа, возвышенная умозрительными науками, могла бы произвести чудеса», — писал он в своих заметках [21]. «Нет способнее русского человека по всей Европе... Немец ученьем берет, а у русского ученья не хватает» [22]. И делал все, что мог, для просвещения народа. Одоевский не жалел и своих небольших средств во имя достижения желанной мечты — всеобщего просвещения как главного средства всеобщего благосостояния.

Современники не раз видели, как Одоевский заезжал в университет, записывал фамилии студентов, не внесших плату за обучение, и сам вносил за них деньги [23]. А в дневнике (21 мая 1861 г.) он записал заветные мысли после встречи с Н. А. Мухановым [24] и разговора с ним об университете: «...да растворите настежь двери — как в Библиотеке: приходи всякий, читай или слушай» [25].

Одоевский не уставал повторять, что только наука «покорит человеку природу, она раскроет законы общественной жизни» [26]. Его возмущали люди, которые «толкуют, что надобно укоротить просвещение», ибо благодаря ему возникают революционные идеи. «Они не заметили, — отмечал Одоевский, — что главными элементами этого состояния были: ...бедность... А между

тем и у нас растут государственные потребности — кто же удовлетворит их, если не наука; как облегчить действия науки, если не распространением ее на многих людей? Неужели опять звать иностранцев?» — спрашивал Одоевский [27].

Воздействие науки на человека и в целом на общество Одоевский ставил выше и считал сильнее всех политических и социальных рычагов, утверждая, что только развитие науки приведет к социальным преобразованиям. «Все мы — дети одной матери — науки, — писал Одоевский, — она ведет нас по пути жизни и спасает нас от пропастей и обрывов...» [28] Но и в то же время он замечал зарождение каких-то новых сил в России, где, по мнению Одоевского, из-за неграмотности и низкого культурного уровня из 75-миллионного населения читающих — всего 100 тысяч человек, из которых 90 тысяч читают единственно Календарь и «Сенатские ведомости» [29], а вот «Колокол» и «другие подобные листы, несмотря на все предосторожности... *прочитываются* во всех концах России, даже теми, которые обыкновенно ничего не читают» [30].

Беспредельно веря в силу просвещения и науки, Одоевский желал своему народу образования, а стране — развития науки. Такая позиция вызывала недоверие к нему и высших кругов и передовой оппозиционно настроенной интеллигенции. Первые видели в этом стремление пробудить в народе «бунтарские» чувства, а у вторых «чистое» просветительство в рамках монархии вызывало иронию и подозрительность. И это чувствовал сам Одоевский. Очень красноречивы две дневниковые записи. 9 марта 1862 г. он записал: «Я нечаянно узнал, чего мне в голову не приходило, что император Николай Павлович считал меня самым рьяным демагогом, весьма опасным, и в каждой истории (напр. Петрашевского) полагал, что я должен быть тут замешан. Кто это мне так поусердствовал? И как меня не согнули в бараний рог?» [31] Спустя немногим более месяца (21 апреля) он пишет: «Псевдолибералы называют меня царедворцем, монархистом и проч., а остальные считают меня в числе *красных!*» [32].

В. Ф. Одоевский был большим патриотом. Дороже России ничего для него не было. Его возмущало невежество профессоров Иенского университета относительно России. Эти ученые не могли понять разницы между

Публичной библиотекой, Эрмитажем и личной библиотекой императора.

«...Они кажется никогда и не подозревали, — писал Одоевский, — что русский язык может быть нужен в России. Я постарался им объяснить, что Россия в их понятии лишь Остзейская провинция и С. Петербург и что между тем — это капля в море; что не даром существуют у нас шесть университетов и другие заведения... Непостижимо медленно соображение этих господ, даже самых образованных. Россия для них непонятная задача» [33].

В этом он отчасти винил и русских интеллигентов. «Мы мало пишем. Необходимо писать больше для Европы, совершенно необходимо», — подчеркивал Одоевский (в августе 1858 г.) [34]. Сам Одоевский издал за границей в 1857 г. брошюру на французском языке в опровержение ложных мнений о России. Он гордился тем, что «русский человек все-таки первый в Европе» [35], и высоко ценил чувство патриотизма русского человека, который «чует свою мощь — а это чувство весьма важно. Кажется каждый готов на драку с врагами, хоть будут рады миру» [36].

В. Ф. Одоевский чрезвычайно важное значение придавал искусству в жизни отдельного человека и общества. Немало он сделал в музыкальном просвещении русского общества. Он издал «Музыкальную грамоту для не-музыкантов» и «Музыкальную азбуку для народных школ», выступил с рядом статей о русских песнях, заботился об их собирании, изучении, сохранении. Владимир Федорович Одоевский объяснял русскому читателю величие Баха, Моцарта, Бетховена, Берлиоза, Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Серова. Одоевский был глубоким знатоком музыки и одним из первых ее теоретиков в России. Он участвовал в создании Русского музыкального общества и Московской консерватории. В конце своей жизни организовал у себя на дому лекции по теории русской музыки.

Одоевский хорошо играл на фортепьяно, писал романсы, вальсы, колыбельные. Он даже изобрел новый орга́н, названный им в память Себастьяна Баха «Себастияном». Чтобы его завести, нужно было влезть внутрь органа, что и делал за добавочную плату сторож Сидор. Этот эпизод описан известным библиографом и острословом другом Одоевского С. А. Соболевским в экспромте под названием:

Кн. В. Ф. Одоевский Сидору

С тобою, милый Исидор,
Сиамские мы точно братья,
Как буду музыкальный вздор
Без помощи твоей играть я?
    Для ут, ре, ми, фа, соль, ля, си
    Уход твой от меня ужасен:
    Какой прибавки ни проси,
    Вперед я на нее согласен [37].

Одоевский неплохо знал математику, физику, химию, физиологию, психологию, анатомию, досконально изучил логику, юриспруденцию, археологию, эстетику.

Его друг Ф. И. Тимирязев вспоминал: «Пытливость его ума, жажда знания, вера в науку и во всеобщую силу ума человеческого были поистине непостижимы; все его интересовало, заботило и увлекало... Книги, рукописи, органы, инструменты, насекомые в банках, растения, все... свидетельствовало о бессонных ночах, о годах, проведенных в непрестанном труде и занятиях» [38].

Любое дело он изучал тщательно и дотошно. Эта черта его характера не раз служила предметом острых шуток С. А. Соболевского. Как-то Одоевскому в качестве члена Ученого совета при Министерстве государственных имуществ поручили составить записку о вредных насекомых. Увлекшись порученным делом, он перечитал множество книг, даже имевших весьма отдаленное отношение к изучаемому вопросу. Так уж случилось, что в это время он почему-то сбрил волосы и носил парик. Все это послужило темой для экспромта Соболевского.

Случилось раз во время оно,
Что с дерева упал комар:
Запиской в комитет ученый
Тебя зовут, князь Вольдемар.
    Приняв в соображенье казус,
    Ты, рывшись в книгах, рассудил,
    Что в Роттердаме жил Эразмус,
    Который в парике ходил.
Одушевлен его примером,
Ты сбрил власы, надел парик
И свойственным тебе манером
Таинственно главой поник.
    «Комар, без всякого сомненья», —
    Ты провещал, — «есть божья тварь,
    Но в музыкальном отношеньи
    Меж насекомых он — звонарь!
И так как он паденьем в поле
Не причинил лесам вреда,
Предать сей случай божьей воле,
А тварь избавить от суда!» [39]

Или другой случай. Когда обратились к Одоевскому с просьбою помочь А. А. Фету разрешить его спор с соседом относительно мельницы, через некоторое время он прочитал «целую лекцию о падении воды, и размерил вершками, что жалоба на Фета была несправедлива»[40].

Свой универсализм, энциклопедизм Одоевский объяснял свойством характера. В его записках читаем: «На меня нападают за мой энциклопедизм, смеются даже над ним. Но не приходилось еще ни разу сожалеть о каком-либо приобретенном познании. Мне советуют удариться в какую-либо специальность; но это противно моей природе; каждый раз, когда я принимался за какую-нибудь специальность, предо мною восставали целые горы разных вопросов, которым ответ я мог найти лишь в другой специальности... Конечно, такое разнообразие направлений осложняет жизнь, но доставляет и много не всем доступных наслаждений...»[41]

Многочисленные пометы, сделанные Одоевским на книгах его огромной библиотеки, — свидетельство необычайно широких интересов хозяина, не было такой отрасли знания, к которой он не проявил бы внимания. Этот талантливый человек все время что-то изобретал, придумывал: как увеличить силу звука, как лучше топить печки, жарить кофе, как приготовить питательный взвар из соломенной муки, как бороться с «рожками» на колосьях хлеба и пр. и пр. Его кабинет был наполнен различными черепами и какими-то необыкновенными склянками и химическими ретортами. А сам хозяин, одетый в черный шелковый длинный до пят сюртук, в остром колпаке на голове, походил на какого-нибудь средневекового астролога или алхимика[42].

Даровитому, самобытному Одоевскому не всегда было по душе то дело, каким ему приходилось заниматься. Но он был прежде всего человеком долга, превыше которого для него ничего не было. И выполнял он свой долг с полной отдачей сил и знаний. В письме к композитору В. Н. Кашперову (22 мая 1861 г.) Одоевский признавался: «Я тяну служебную мою лямку, которая поглощает значительную часть моей жизни, конечно, не без горя о других, более мне сродных занятиях; но что поделать! в России еще нет ни отдельного пространства, ни отдельного времени для искусств... отказываться от скучного, сухого дела для труда более привлекательного было бы при известной личной обстановке до некоторой степени эгоизмом, особливо теперь, когда Россия зажила

новой жизнью, когда кипит в ней сильное благодетельное движение...» [43]

В письме к одному из сотрудников Публичной библиотеки С. И. Лапшину (2 сент. 1861 г.) Одоевский еще более четко сформулировал свое жизненное кредо: «..все мы в жизни люди *законтрактованные;* контракт может быть прескверный, пренелепый, но мы его *приняли,* родясь, женясь, вступая в службу и т. д., следственно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таковых контрактов не было» [44].

Одоевский был отличным чиновником не только изза сильно развитого у него чувства долга, но из-за глубокого убеждения, что если чиновничество будет относиться к своему делу добросовестно и честно, это будет способствовать процветанию России [45].

Раздумывая над путями помощи бедному и обездоленному петербургскому люду, В. Ф. Одоевский пришел к выводу, что в тех условиях русской жизни единственный путь — организованная благотворительность. Одоевский не понимал, что отдельные «подачки» не искоренят нищеты и бедности, главные причины которых коренились в социальном устройстве общества.

9 мая 1846 г. его избрали председателем созданного им «Общества посещения бедных просителей» (1846—1855). Как вспоминают современники, «благотворительность для князя Одоевского... была... потребностью — наслаждением жизни» [46]. Общество давало нуждающимся ссуды, устраивало женские рукодельни, общие квартиры для старых одиноких женщин, семейные квартиры для бедных, переселяя их из сырых и холодных подвалов, организовало ночлежки для девочек и мальчиков, Максимилиановскую больницу и прочие благотворительные учреждения. Филантропическая деятельность так захватила Одоевского, что он почти забрасывает свою литературную работу, но руководимое им благотворительное «Общество посещения бедных просителей» было закрыто правительством, усмотревшим в нем крамолу. В своих заметках Одоевский записал реакцию представителей правящих кругов на Общество: «„Ну уж вы что там ни говорите, а уж тут коммунизм“ — да почему же? Что вы нашли сходного? — „Да хотите знать, — сказал мне один господин, — в существе всякая милостыня есть коммунизм, ибо всякая милостыня имеет целью равнять богатого с бедным“. Положим что

так; но вот разница: коммунизм говорит: „богатый, отдай бедному, потому что ты богат, а он беден“. Общество посещения бедных напротив кричит во всеуслышание: богатый! не давай бедному, потому только, что он беден, остерегись, посмотри, не тунеядец ли он, достоин ли он пособия, не поощрил ли ты свою милостыню к тунеядству и бродяжничеству». Далее Одоевский делает вывод, показывающий всю его политическую наивность: «Следственно, Общество посещения бедных в корень подкашивает коммунистическую теорию и доказывает это самим делом, ибо из 10 т. семейств оно отказало 2 т. ...» [47]

В середине XIX в. слово коммунизм воспринималось большинством вульгарно-примитивно: уравнение всех членов общества, уничтожение всякой личной собственности, общее пользование имуществом [48]. Как иронически замечал Одоевский, напуганные революционным движением в Европе, правительственные круги «готовы заподозрить самое солнце, оно светит на всех, следственно, оно коммунист» [49].

В. Ф. Одоевский тяжело переживал закрытие «Общества посещения бедных просителей». В его записях есть такое признание: «Я начинаю убеждаться, что в мире люди делятся в отношении ко мне на два рода: а) на тех, что меня продали и оклеветали и б) на тех, что меня не продали и не оклеветали — *покуда*» [50].

Глубоко обиделся В. Ф. Одоевский и на стихотворение Н. А. Некрасова «Филантроп», усмотрев в нем иронию и насмешку поэта над своей благотворительной деятельностью [51].

Все чаще и чаще охватывала В. Ф. Одоевского тоска, и причины этому, с одной стороны, непонимание его окружающими, а с другой — сознание собственного бессилия изменить существующую жизнь, уничтожить произвол и несправедливость. В дневниковых записях, в записных книжках Одоевского много свидетельств резко отрицательного отношения к среде, его окружающей. «Ложь, многословие и взятки, — вот те три пиявицы, которые сосут Россию» [52], — так лаконично и убийственно определил он действительность. «Уважение без подобострастия, верность долгу без холопства, предусмотрительность без козней — где вы? Как устаешь жить на сем свете!» [53] — сетовал В. Ф. Одоевский.

И даже труд, в который он вкладывал все свои силы, не приносил утешения и ощущения полноты жизни.

«Как ни убивать трудом время — *неизглаголанные* страдания берут свое... Жизнь не полна»[54], — с горечью признавался В. Ф. Одоевский. И объяснял он свое состояние тем, что хочет «дышать чистою совестью в гнилой атмосфере»[55]. Усугубляли пессимистическое настроение еще и безденежье, и частые болезни. Примечательно его признание: «Nessun maggior dolore che d'essera un èccelenza nella miseria (Нет больше несчастья, чем быть сиятельством в нищете)»[56].

О своих материальных нуждах он оставил много записей, но бедность переносил философски. «Скудны мои средства, — писал он 2 мая 1850 г. Корфу, — но есть люди беднее меня, я же легче другого вынесу недостаток, нежели кто другой, — мне не привыкать, жена умудрится перешить старое платье на новое, я куплю несколькими книгами меньше... вот и все тут»[57].

И тем не менее он не гонялся за денежными местами. «Денежные выгоды, Вы знаете, меня и привлечь не могут, — писал он Корфу в 1859 г., — я беден, правда, но пока у меня есть голова и руки, то с божиею помощью, ни я, ни моя жена с голода не умрем, что бы ни случилось, а к роскоши мы не приучили себя»[58].

В конце своей службы в Публичной библиотеке в мае 1861 г. Одоевский записал в дневнике: «Дан четырехмесячный отпуск и годовое жалованье — по крайней мере долги уплачу»[59]. Этому предшествовало ходатайство Корфа министру, в котором он, между прочим, писал: «Высокие правила и чувства, отличные дарования и примечательное образование» делают Одоевского «столь же полезным для службы и в настоящем и в будущем, сколько издавна уже стяжали ему общее уважение, поставив его вместе на весьма почетное место и в деле нашей науки и литературы... Между тем при блестящем имени и при таком общественном положении, которое делает его рабом разных житейских условий, он, едва имея средство к самому скромному или, чтобы выразиться прямо, даже скудному существованию, обречен на вечную нужду и естественно должен был впасть в долги»[60].

Поражаясь скудости и скромности жизни Одоевского, британский посол лорд Непир воскликнул: «Не таким бы он был у нас в Лондоне»[61].

Судя по многочисленным записям и автобиографическим заметкам, с детских лет Одоевский был человеком болезненным. В наброске «Мои записки» он писал: «Я,

говорят, родился недоноском, 7 или 8 месяцев, и потом мне сказывали, что... по рождении завертывали в горячую шкурку, снятую с едва убитого барана, и что моя жизнь стоила жизни по крайней мере 30 баранов... В 18—20 лет мне пророчили чахотку...»[62]. Он часто болел.

В письмах, докладных записках нередки такие признания: «Болезнь ожесточается зимою, особенно при усиленном труде и, отнимая у меня сон, постепенно расстраивает вконец мое здоровье»[63]; «...кашель усиливался, а теперь из рук вон; и говорить трудно; хочешь что-нибудь сказать, а выговариваешь: кахи! кахи...»[64] и т. п.

Во врачебном свидетельстве (1856 г.) сказано: «Имеет слабое телосложение, перенес многократно воспаления дыхательных органов, страдает хроническим катаром легких»[65].

Современники отмечали, что он был «видом из слабеньких»[66], среднего роста, с голубыми выразительными глазами, бледным лицом и черными волосами[67], всегда ходил несколько сгорбленно, с поникшей, словно от усталости, головой. «В плавной, но несколько торопливой речи его звучала все какая-то нотка нерешительности, несамоуверенности. Тембр его тенорового голоса сам по себе был приятный, ласкающий <...> Боязливо-беспокойные взгляды, нерешительная речь вовсе не шли к его всегда ровному характеру, основными чертами которого были редкая примерная честность и прямота души, неограниченная сердечная доброта и огромное терпение»[68].

Несмотря на слабость своего здоровья, Одоевский обладал большой работоспособностью. «Имею способность долго работать, даже, случалось, целые ночи, сохраняя всю свежесть головы, — записывает Одоевский в своих заметках. — Умственный мой элемент очень силен и всегда покоряет плоть. Что значит: умираю спать хочу — я никогда не понимал. Когда я углубляюсь в дело, — сон для меня не существует... Эта способность была для меня весьма важна в жизни тревожной и чернорабочей, которую до сих пор веду»[69].

Личное обаяние, даровитость, высочайшая культура, огромнейшие познания, кротость, доброта, незлобивость привлекали к В. Ф. Одоевскому многих.

По воспоминаниям Ф. И. Тимирязева, «в отношениях служебных, в кругу друзей и товарищей по литературе, он вносил с собою такой умиротворяющий элемент, что

побеждал этим всякую возможность неудовольствия и несогласия»[70]. А лично знавший В. Ф. Одоевского А. П. Пятковский писал: «Все талантливое, образованное и нравственно-порядочное, все, что выдвигалось так или иначе над уровнем обыденной пошлости и мелких житейских страстишек, — все это охотно появлялось в

В. Ф. Одоевский в 1840-е годы. (Литография К. Поля с оригинала К. Горбунова)

скромной квартире князя Одоевского, блиставшей не роскошью, но необыкновенною симпатичностью и приветливостью своего хозяина»[71].

По субботам с 9 часов вечера до 2 часов ночи в квартире Одоевского был открытый прием. Таких приветливых домов петербуржцы знали четыре: Олениных, Карамзиных, Виельгорских и Одоевских. Частыми гостями суббот Одоевского в разное время были Пушкин, Жуковский, Крылов, Лермонтов, Гоголь, Даргомыжский, Глинка, Вяземский, Соболевский. Одоевский широко открывал двери своего «салона» всем чем-либо замечательным людям. Одоевский был дружен или знаком чуть ли не со всеми известными людьми Петербурга. Как вспоминал В. А. Соллогуб, «каждый шел к нему, как к родственнику, к другу, к наперснику, к покровителю, и каждый находил приветливое слово, добрый совет, а в случае надобности, и горячее заступничество»[72],

...Увлекаясь кулинарным искусством, Одоевский любил удивить гостей необыкновенными блюдами, приготовленными на основании длительных химических опытов. По воспоминаниям И. И. Панаева, «ни у кого в мире нет таких фантастических обедов, как у Одоевского: у него пулярка начиняется бузиной или ромашкой; соусы перегоняются в химической реторте и составляются из неслыханных смешений; у него все варится, жарится, солится и маринуется ученым образом» [73]. Как-то он пригласил Соболевского на приготовленную особым образом утку. Соболевский тут же откликнулся акростихом из названий нот в гамме.

Кн. В. Ф. Одоевскому

(Заказ кушанья снизу наверх)
Утку изжарить
Редко удастся
Милый кухмистер!
Фаршу не резать,
Солью не брызгать, —
Лакомо будет
Сице творящу [74].

На специальные обеды Одоевский приглашал и сотрудников по Публичной библиотеке. К сожалению, мы не знаем подробностей «библиографического обеда», на который были приглашены Лапшин, Собольщиков, Бычков и Полторацкий. «Menù, — писал Одоевский Корфу 4 мая 1860 г., — будет составлено в виде каталога raisonnè» (систематического — *О. Г.*) [75].

«Наши субботы очень любят, — писал Одоевский матери, — ибо у нас нет никаких претензий, все чисто, но просто; с 9 часов вечера до 2 часов ночи, это как китайский фонарь: модный свет, и литераторы, и музыканты, и деловые люди...» [76]

Служба, общественная благотворительная работа, выполнение придворного этикета с его частыми балами и приемами — все это зачастую утомляло и сковывало. «Когда же отдых? Когда я буду читать что хочу, писать что хочу, думать что хочу? — За одним трудом выглядывает другой, за другим третий — как снежные сугробы все выше и выше... когда же отдых?» — писал Одоевский и добавлял: «О, как бы я посоветовал господам, которые не понимают, что можно делать в жизни, и скучают от безделья, окунуться хотя на минуту в принужденной деятельности — где действуешь беспрестанно, но не там, куда душа просится!..» [77].

И ему приходилось в качестве чиновника при Министерстве внутренних дел наблюдать за очисткой сомовьего клея, производимой новоизобретенным способом, участвовать в усовершенствовании пожарной части Петербурга, работать в особом комитете по рассмотрению устройства водопровода, заниматься литографией, изучением финского языка... Работал он в сутки постоянно не менее 18 часов. Его глубоким жизненным убеждением было, что «нет деятельности без самозаклания» [78].

В записной книжке В. Одоевского сохранилась запись: «Смеются надо мной, что я всегда занят! Вы не знаете, господа, сколько дела на сем свете... у народа нет книг, — у нас нет своей музыки, своей архитектуры; медицина в целой Европе еще в детстве... наши народные сказания теряются... надобно двигать вперед науку... я исполнил только тысячную часть...» [79].

Писатель, детский писатель, журналист, публицист, редактор, философ, популяризатор, исследователь, педагог, историк науки, музыкальный теоретик, музыкант, композитор, изобретатель, юрист, кулинар, общественный деятель и, наконец, библиотекарь — все это позволило одному из советских исследователей сказать, что Владимир Федорович Одоевский — «небывалое явление в истории человеческой культуры» [80].

Глава II

Публичная библиотека

12 июля 1846 г. Министерством народного просвещения Владимир Федорович Одоевский, старший чиновник II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, был утвержден помощником директора Публичной библиотеки [1].

Приход в Библиотеку В. Ф. Одоевского не был случайным. Он был книжный человек до мозга костей не только потому, что всю жизнь тщательно собирал свою библиотеку, но и потому, что без чтения книги он не жил ни одного дня. Более того, его занимали судьбы книги как таковой.

Одоевский считал, что книга связывает поколения, объединяет человечество. «...Наше пристрастие к старым и редким книгам, — писал он в статье „Воспоминания помощника директора", — не есть пустая прихоть,

бессознательная мания, роскошь науки; оно основано на сознании той непрерывной связи, которая существует между проявлениями человеческой деятельности всех веков и у всех народов...»[2]

Раздумывая над силой воздействия книг на общество, Одоевский полагал, что мысли, выраженные в книгах, воспринимаются обществом лишь тогда, когда становятся нужными ему. «Обыкновенно думают, что от книг переходят мысли в общество, — пишет Одоевский. — Так! Но только те, которые нравятся обществу; не нравящиеся обществу мысли падают незамеченными. Большею частью книги (кроме книг гениальных, весьма редко появляющихся) суть лишь термометр идей, уже находящихся в обществе»[3]. Но в то же время он был убежден, что высказанная идея, часто не находящая поддержки в настоящем, в будущем может быть подхвачена, взята на вооружение обществом. «...Работа, сегодня беспредметная, чрез несколько десятков лет вызывается к жизни насущною, настоятельною потребностью и служит не только исходною точкою, но и опорою новым работам, предпринимаемым для удовлетворения этой нежданной потребности»[4]. Книга может и опережать время.

Эти взгляды на роль книги в жизни общества логически привели его к определению, что же такое библиотека. «Библиотека, — писал Одоевский, — великолепное кладбище человеческих мыслей... На иной могиле люди приходят в беснование; из других исходит свет, днем для глаза нестерпимый; но сколько забытых могил, сколько истин под спудом...»[5] Такое мрачно-поэтическое сравнение библиотеки с «кладбищем человеческих мыслей», свойственное романтико-фантастическому образу мышления Одоевского, необычно и неточно. Библиотека — это своеобразная эстафета человеческих знаний и чувств, передаваемая не только от прошлого к настоящему, но и от настоящего к будущему. Библиотечные книги — это не столько «могилы» коллективного разума человечества, сколько неиссякаемые источники новых идей, преобразующих жизнь. И в какой-то мере Одоевский понимал это, ибо подчеркивал, что от иных «могил» «исходит свет, днем для глаза нестерпимый». Более того, Одоевский считал, что библиотека должна не только хранить идеи, заложенные в книгах, но и активно раскрывать их современникам, ибо только тогда мысли автора станут достоянием общества и «могут по-

лучить особенное развитие и породить новые наблюдения и открытия» [6].

Одоевский глубоко убежден, что книги служат просвещению. Дикарями он считал людей, которые мало читают. «Дикарем бывает и человек, который прочтет в жизни одну лишь книжку и ничего не хочет знать, кроме этой книжки», — записал Одоевский в своем дневнике [7].

Весьма примечательны рассуждения о будущем развитии книги. Он был уверен, что непрочность такого материала, как бумага, лишает возможности сохранить книгу в современном виде. «...Едва ли через 1000 [лет] останется что-либо от наших нынешних книг» [8]. Одоевский многое предугадал: «Переписка заменится электрическим разговором» [9], т. е. современным нашим телефоном. Он предвидел и изобретение аппаратов для чтения книг (современные микрофиши), писал об «изобретении книги, в которой посредством машины изменяются буквы» [10], о том, что «будет приискана математическая формула для того, чтобы в огромной книге нападать именно на ту страницу, которая нужна, и быстро расчислить, сколько затем страниц можно пропустить без изъяна» [11].

Он мечтал о времени, когда совершенно исчезнет из человеческого обихода бюрократическая «литература» в форме рапортов, ведомостей, отношений и пр. Стиль письма станет лаконичным до предела: слова будут заменяться значками, «книги будут писаться слогом телеграфических депешей» [12].

Понимая значение книги для самообразования, для расширения культурного кругозора, он возмущался ограниченными людьми, которые читают только по необходимости и дальше своего носа ничего не видят и не знают [13].

Определенная часть общества, или, как называл ее Одоевский, «камарилья», выступала против просвещения, считая, что от «него происходят такие и такие мысли» [14], не видя, что основная причина «крамольных» мыслей — социальная: бедность и бесправие. «Когда она [«камарилья»], — писал Одоевский, — притеснениями и отсутствием официального правосудия и частной справедливости, выведет народ из терпения, тогда камарилья начинает утверждать, что виновата не она, а *книги* и *журналы, пропитанные революционным духом*; против которого все средства позволены» [15].

Одоевский настолько высоко ставил развитие просвещения и науки, что, как уже отмечалось, ошибочно считал, что лишь они в состоянии решить многие, если не все, социальные проблемы. В его записях есть характерная заметка: «Одна наука спасает Англию от подобных явлений (недостаток земли и бедность — *О. Г.*), что в Ирландии причина волнений — нищета и невежество». Удовлетворить растущие потребности государства, ускорить развитие промышленности может только наука, которой овладевают многие люди [16]. Наука для Одоевского — панацея от всех социальных бед.

Он был одним из участников составления цензурного закона 1828 г. и вместе с тем в одном из писем к Корфу утверждал, что царская цензура, «ограничивающаяся одними запретительными, а тем более карательными мерами не только бесполезна, но и в высшей степени губительна» [17].

Он глубоко верил, что настанет время, «когда силы ума и тела не будут тратиться на взаимноистребление, но на взаимносохранение; данные, выработанные наукою, проникнут во все слои общества, и вопрос о продовольствии действительно уподобится вопросу о пользовании водою и воздухом» [18].

Библиотеку он считал одним из учреждений, от которого в значительной степени зависит развитие науки в России.

О Публичной библиотеке Одоевский был осведомлен, хотя бы уж потому, что хорошо знал ее директоров А. Н. Оленина и Д. П. Бутурлина. В одном из писем к Г. П. Волконскому в 1831 г., когда в Петербурге свирепствовала холера, он писал: «...из всех живых существ я видел почти одного Оленина — в огромной шинели на плечах, в калошах на ногах, с портвейном в руках, с сигарой в зубах, с холерою на языке и между тем с спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохраняли присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и со всеусердием помогал больным, я его вдвое больше полюбил с сего времени» [19].

Вместе с Олениным Одоевский принимал самое активное участие в подготовке празднования пятидесятилетия творческой деятельности Крылова. На юбилее (2 февр. 1838 г.) Одоевский, по словам Оленина, произнес поздравительную речь «коротко, ясно и прилично!» [20]

Внешним толчком для перехода в Библиотеку послужило стремление выделить больше времени на благотворительную работу, которой, как мы знаем, Одоевский придавал большое значение. Служба во II Отделении собственной его императорского величества канцелярии, составляющей свод законов Российской империи, была настолько изнурительна, что при слабом его здоровье отнимала все силы и время.

В автобиографических набросках «Мои записки» он вспоминал подготовку к печати 10-го тома Свода законов (1842 г.), корректуру которого приносили через каждые два часа и ночью и днем в течение 40 суток. Но начальство, обнаружив типографские опечатки, заставило вновь прочитать весь том. «После этого, — записал Одоевский, — опротивело мне II Отд[еление] и я очень рад был, когда Бутурлин[21] предложил мне быть помощником по Имп. Пуб[личной] Библиотеке и завед[ующим] Музеумом в 1846 году»[22].

Просьбу свою о переводе на службу в Публичную библиотеку Одоевский мотивировал «расстроенным» от рождения здоровьем, что заставляет «искать... занятий более по моим силам для меня доступным»[23]. Далее он сообщал, что Д. П. Бутурлин предложил ему должность своего помощника или вице-директора. «Сего рода служба неблагодарна, но и не требует никаких, как называют *састросильных* занятий, совершенно бы соответствовала и моим желаниям»[24].

Просьбу Одоевского начальство удовлетворило.

Библиотечная работа была знакома Одоевскому. С ноября 1828 г. по май 1839 г. он служил библиотекарем Комитета цензуры иностранной. Как позднее вспоминал Одоевский, «это была весьма любопытная коллекция всего, что было написано pro и contra иезуитов»[25], «много наблюдений вынес я из этой эпохи»[26]. Освобожден он был от этой работы по собственному желанию[27].

До Одоевского должность помощника директора была вакантной. В «Начертании подробных правил 1812 г.» круг занятий директора-помощника не имел четкого определения. С присоединением Румянцевского музея к Библиотеке (сентябрь 1845 г.) Бутурлин стал хлопотать о платной должности помощника директора.

Когда в Библиотеку пришел Одоевский, общее состояние ее было далеко не блестящим. Из-за скудости бюджета она почти не комплектовалась новыми иностран-

ными книгами, не покупались и недостающие русские издания. Большинство их не было разобрано и лежало на полу, «пыль с книг никогда сбиваема не была, отчего, — писал сам Бутурлин в донесении министру народного просвещения, — неминуемо должны портиться переплеты и даже могут заводиться черви и другие для книг вредные насекомые»[28]. Читальный зал работал только до наступления сумерек, которые осенью и зимою наставали в Петербурге очень рано. Меблировка зал и других помещений пришла в крайнюю ветхость, полы сгнили. В конструкции здания было очень много дерева, что создавало большую опасность в пожарном отношении.

При Бутурлине Одоевский занимался главным образом делами Румянцевского музея. Отношения между руководителями были чисто деловые. Как писал Одоевский, Бутурлин «не сделал мне ни зла, ни добра»[29].

Пробуждение Библиотеки от «зимней спячки» совпало с приходом нового директора, члена Государственного совета М. А. Корфа.

Корф начал с того, что в 1850 г. ввел «Дополнительное Положение об имп. Публичной библиотеке и Румянцевском Музеуме», в нем впервые были сформулированы функциональные обязанности помощника директора. Ему вменялись ближайший надзор за хозяйственною и казначейскою частью Библиотеки и непосредственное управление канцелярией, председательство в Хозяйственном комитете, состоявшем из сотрудников Библиотеки; заведование под руководством директора Румянцевским музеем, а также «исполнение тех особенных обязанностей, которые могут быть возложены на него директором», а в отсутствие директора — исполнение всех его обязанностей[30]. Казалось бы, что должность имела определенный круг обязанностей, а фактически она была всеобъемлющей.

Особенно активно библиотечная деятельность Одоевского проявилась в 50-х гг. при М. А. Корфе, когда, по словам В. В. Стасова, «Публичная Библиотека сделалась одним из самых популярных, самых общеизвестных и общелюбимых мест русской публики, желающей и нуждающейся заниматься делом»[31].

Архивные материалы свидетельствуют, что все практическое руководство Библиотекой при Корфе лежало на Одоевском. Обремененный занятиями в Сенате, в разных комитетах и комиссиях, поручениями императо-

6 Зак. 1093

ра, Корф не всегда бывал в Библиотеке. Кроме того, он часто находился в длительных поездках. Нередко он сообщал Одоевскому: «Я решительно не знаю, когда на этой неделе удосужусь побывать в Библиотеке...» [32]

Будучи в Петербурге, директор каждый день посылал Одоевскому записки с разнообразными поручениями[33]. То он просил решить кадровый вопрос — отказать в работе вольнотрудящемуся Штукенбергу, так как тот «надоел своею путаницею и своими, просто, гнусностями» [34], подготовить диплом для почетных членов и корреспондентов Библиотеки, то проконтролировать работу всех сотрудников и т. д. и т. п. Обычно требовалось незамедлительное исполнение всех заданий, указаний и просьб: «не задержать», «возвратить сегодня», «в течение завтрашнего утра» [35] и т. п.

В опубликованных дневниках очень мало сведений о работе Одоевского в Библиотеке. В неопубликованной же его части много лаконичных заметок, касающихся ее. В записях «Всячина мимоходом» за март 1859 г., например, расписаны занятия каждого дня и не было почти ни одного дня, когда бы Одоевский не работал в Библиотеке[36]. «Я каждый день бываю в Библиотеке от часа до трех и далее, особенно по вторникам, исключая лишь пятницу и иногда среду», — сообщал он в одном письме[37]. Часты такие записи: «в Библиотеке на ревизии книг», «в Библиотеке на ревизии кассы» [38]. Даже больной, со сломанной рукой, он приезжал на работу в Библиотеку. Вся ее повседневная жизнь проходила под наблюдением Одоевского.

Особенно широко пользовался Корф литературным даром В. Ф. Одоевского. В его письмах и записках к помощнику много таких просьб и замечаний: статейку — «попринарядить... на Ваш манер» [39], письма написать «с княжеским сладкоречием» [40], «под Вашим пером это все примет совсем другой вид» [41], «прекрасно, бесподобно» [42], «при помощи Вашего умного интересного пера» [43], придать статьям «подобающий фасон» [44], пройтись «в отношении части эстетической» [45].

Посылая статью о покупке коллекции старопечатных книг у купца Каратаева, директор просил: «Благоволите взглянуть на прилагаемую газетную статейку о Каратаевской покупке. Я не слишком доволен ни тем, что написал Бычков, ни тем, что поправил Корф; может быть князь Одоевский удачнее пройдет по этому своим пером» [46].

Почти все Отчеты Библиотеки не избежали правки Владимира Федоровича. «Фактически он [отчет] проверен и Бычковым и Собольщиковым; но потрудитесь украсить и оживить его умным и литературным Вашим пером и расцветить несколько блестками Вашей фантазии», — просил Корф в одном из писем к Одоевскому [47].

Окончательную «путевку в жизнь» всем Отчетам давал Одоевский. «Вот, любезный князь, первые листы нашего Отчета, уже просмотренные А. Ф. Бычковым и мною и потом снова перебеленные сочинителем В. В. Стасовым. Благоволите и Вы, — просил Корф, — их пройти Вашим карандашиком...» [48]

Иногда Одоевский заново писал целые части Отчета. «Вот, любезный князь, продолжение Отчета и — проекта введения к нему. Последний есть только мысль, которой обработку я предоставляю Вашему, более искусному перу», — просил Корф [49].

Очень часто использовался помощник и для редактирования личных литературных трудов директора [50].

Составление всех ответственных документов, ходатайств не обходилось без активного участия помощника директора. Не случайно в первом письменном распоряжении (24 февр. 1850 г.) Корф вменял своему помощнику наряду с другими обязанностями «пещись о произведении внутреннего по Библиотеке письмоводства» [51]. Иными словами, ни один документ, поступающий на подпись или на рассмотрение директора, не миновал Одоевского.

Многие бумаги препровождались к Одоевскому с просьбою «посмотреть и поправить», «должно быть и коротко, и ясно, и убедительно» [52].

В одном из писем Корф благодарит «за приведение в порядок» [53] материалов Собольщикова, которым не хватало «краткости, сжатости и рельефности, а оттого и убедительности» [54].

В замечаниях и предложениях Одоевского, по словам Корфа, было «действительно много дельного» [55], «записка Ваша... так умна, отчетлива и хорошо легла на бумагу» [56], «чрезвычайно благодарен... за прекрасную мысль» [57] и т. п.

Одоевский много нового внес в организацию управления Библиотекой. Не случайно в письмах Корф благодарил Одоевского за всякие новшества. «Прочитав с живым удовольствием доставленные мне Вами обозрение действий и. п. [имп. публичной] Библиотеки во вре-

мя моего отсутствия... приятным себе долгом поставляю искренно и сердечно благодарить Вас за подъятые по общему нашему делу труды... почтенные... с нетерпением буду ожидать обещанных Вами соображений относительно порядка работ по Библиотеке, надзора за ними и сокращения делопроизводства» [58].

При создании «Книги приношений», которая была отпечатана в 50 экземплярах и предназначалась для подарка известным дарителям, именно Одоевский придал ей «более удобный, единообразный и приличный вид» [59].

Корф в полной мере использовал Одоевского, давая ему всевозможные задания и поручения. Когда решили для увеличения средств Библиотеки продавать дублеты, он просил Одоевского «призвать в этом деле на помощь обыкновенную Вашу деятельность, опытность и изобретательность. Предначертайте мне полное его устройство... и сообщите мне Ваши предложения» [60]. И Одоевским были составлены «Правила комиссии для продажи дублетов» [61].

Если Одоевский сам не составлял каких-либо инструкций, то обязательно их рецензировал и редактировал. Основной его принцип при составлении инструктивных материалов — тесная связь с практикой. Его рецензии пестрят такими указаниями: «Не подождать ли указаний опыта первых дней», «Может быть употребляема впредь до новых указаний опыта» [62].

По его глубокому убеждению, основное правило управления — организовать дело так, чтобы каждый, в том числе и руководитель, хорошо исполнял свои обязанности, не подменяя ни друг друга, ни своих подчиненных. «Когда начальник хочет не только все делать сам, но даже все знать — толка не будет, — писал Одоевский. — Он никак не должен думать, что он построит дом лучше архитектора, сосчитает лучше считчика и проч.» [63]

Одоевский постоянно предлагал нововведения, которые, по его мнению, будут способствовать улучшению положения и деятельности Публичной библиотеки.

Он предложил премиальную систему «для произведения *наград* (или пособий) наиболее трудившимся...», полагая, что она будет сильным рычагом для развития инициативы и усердия библиотекарей. Для увеличения средств Библиотеки рекомендовал создать оборотный капитал, составленный из денег, полученных от прода-

жи дублетов и изданий Библиотеки, а также частных пожертвований. Он мечтал об устройстве «когда-либо» при Библиотеке типографии, «которую при добром хозяйстве я считаю одним из лучших источников дохода...» Более того, он хотел учредить запасный капитал, который давал возможность застраховать Библиотеку «не только от огня, но от всех родов случайностей, постоянных — от обветшания, и временных, неожиданных» [64].

Занимаясь, применяя современную терминологию, библиотечной техникой, Одоевский внимательно следил за состоянием ее в зарубежных библиотеках, выписывая используемые там бланки. Из Гамбурга он получил бланки, употребляемые в местной библиотеке, которые «давно хотелось иметь» [65].

Составляя должностную инструкцию наемного писца, он считал, что нужно исходить из основной посылки — «писец должен быть продолжением *руки* библиотекаря, но не головы» [66], иными словами, он упорно проводил мысль о разграничении функций между сотрудниками.

Любое поручение Одоевский выполнял тщательно, с полной отдачей сил и знаний. Его склонность к порядку вошла в пословицу [67].

Руководя работой Хозяйственного комитета Библиотеки, Одоевский ввел ряд мер, улучшающих организацию обсуждения рассматриваемых на нем вопросов. Например, членам комитета заранее раздавались вопросы, на которые предварительно каждому нужно было ответить, чтобы на совещании шло деловое, конкретное обсуждение вопроса [68]. Метод обсуждения был демократический: к протоколу заседания каждый мог приложить особое мнение для принятия директором окончательного решения.

Хозяйственный комитет обсуждал и выносил свои предложения абсолютно по всем направлениям деятельности Библиотеки. Кроме Одоевского по указанию директора в комитет входили ведущие сотрудники Библиотеки, такие как Д. П. Попов, В. И. Собольщиков, А. Ф. Бычков. Обсуждения обычно проходили бурно, и очень важна была умиротворяющая роль Одоевского. «Мой авторитет нужен для пользы дела посреди разных страстей, волнующих наш кружок, которые вспыхивают при каждом вопросе и которые... я стараюсь успокоить любыми способами», — писал Одоевский Корфу, прося

его не вмешиваться в дела Хозяйственного комитета до завершения обсуждения [69].

Скрупулезность Одоевского в решении библиотечных дел ярко иллюстрирует его служебная записка об учреждниии публичной библиотеки в Москве.

Летом 1850 г. Бычков и Одоевский, каждый в отдельности, по предложению Корфа представили свои аргументы о необходимости создания в Москве публичной библиотеки [70]. Записка Бычкова по объему была небольшая (4 тетрадные странички). В ней автор писал о том, что публичные библиотеки относятся к числу учреждений, распространяющих просвещение. «Заключая в себе все умственное достояние, завещанное нам предками», они дают «необходимые пособия людям ученым» [71], а также способствуют развитию и распространению технических и промышленных сведений. А поэтому правительство должно быть заинтересовано в создании публичных библиотек во всех крупных городах и особенно в столицах [72].

«У нас, — писал Бычков, — находится только одна Публичная библиотека в Петербурге. Учрежденные же по губернским городам носят только название Библиотек и существуют скорее в идее, чем на самом деле. Они составились из присылки в них журналов и книг, изданных министерствами и учеными обществами, не имеют правильной организации и лишены даже скудных средств для приобретения вновь выходящих сочинений» [73].

Далее Бычков высказывался за учреждение в Москве публичной библиотеки, основанием которой стали бы пожертвования организаций и учреждений, издающих книги и журналы, а также дублеты петербургской Публичной библиотеки. Здание для библиотеки могло бы принести в дар московское купечество или сам император, ибо основание библиотеки связывалось с 25-летним юбилеем царствования Николая I. На содержание предполагаемой библиотеки ежегодно должна выделяться сумма в 7 тыс. рублей из государственной казны и 7 тыс. из сумм московского генерал-губернатора. Дальнейшее комплектование библиотеки должно осуществляться обязательным экземпляром всех вновь выходящих книг на территории России.

Штат библиотеки предполагался из одного библиотекаря и двух почетных директоров без жалованья, один из которых из купечества. «Вообще нормою для

числа чиновников в библиотеке можно принимать количество книг, — писал Бычков, — именно один чиновник на 25 000 книг» [74]. И последнее, о чем писал Бычков, — определение профиля фондов: «Исторический и технический. Расширение отделов богословского и философского не должно быть допускаемо» [75].

Одоевский же представил объемный труд в 39 больших (двойных) листов. Свою записку он озаглавил: «Об учреждении в Москве Николаевского Московского Музеума». Начиналась она с характеристики социально-экономического положения Москвы, в которой, с одной стороны, отмечалось внимание «образованного класса» «к разработке археологической науки», с другой — сосредоточение в Москве «мануфактурной промышленности», в разработке которой «участвуют все классы московских жителей» [76]. Свое утверждение Одоевский обосновывает не числом заводов и фабрик, ибо это число еще ни о чем не говорит. Увеличение фабричной производительности находится в прямой зависимости от потребления сырья, в особенности серы, деревянного масла и других москательных товаров, используемых почти всеми «мануфактурными производствами» [77].

Проанализировав справочник «Государственная внешняя торговля в различных ее видах», издаваемый Министерством финансов, Одоевский приводит цифры, подтверждающие увеличение потребления перечисленных продуктов, но этими цифровыми выкладками не ограничивается. Он приходит еще к одному выводу, а именно: эти цифры доказывают не только усиление мануфактурной производительности «*высших степеней*», но вместе с тем и «недостаточность разработки *первоначальных* материалов», которые добываются в России. Серу и селитру вынуждены привозить главным образом из-за границы. Это происходит «от незнания местных жителей как испытывать и как пользоваться теми сокровищами, которые у них, так сказать, под ногами». И далее Одоевский утверждал: «Нет сомнения, что при большем распространении физических и химических, вообще положительных знаний в народе, серы и селитры, находящейся в России, было бы достаточно не только для внутреннего потребления, но для всей Европы» [78] и что «до путешествия Мурчисона по России каменный уголь был тайною для местных жителей» [79]. Одоевский ссылается и на пример из другой области: незнание русскими скотопромышленниками способа солки мяса,

«составляющей ныне целую науку», приводит к потере европейских рынков. То же относится и к другим продуктам: льну, железу, коже. Все сказанное подтверждается цифрами. И вывод — все это связано с тем, «что в то время, когда физические и химические знания получили столь сильное распространение в других странах Европы, — в России они сосредоточиваются лишь в нескольких фабрикантах и заводчиках, большею частию иностранцах, которые, пользуясь для своей частной выгоды невежеством исполнителей, хранят от своих русских работников под названием *секретов* — самые простые основания химии, находящиеся в каждом хорошем учебнике» [80].

«Наконец, должно здесь упомянуть, — писал Одоевский, — о простонародных любителях механики, науки, которая вместе с другими положительными знаниями так сродна русскому человеку, половину жизни они проводят в чудных изобретениях, приводящих в полное изумление, по труду для них употребленному, — но, к сожалению, 99 на сто таких изобретений принадлежит к числу уже давно изобретенных и о чем не знали русские изобретатели» [81].

Помочь русскому человеку, по мысли Одоевского, могут только книга, учебник, чертеж и прочие материалы. Но «для простолюдина по дороговизне» они недоступны.

Всеми этими рассуждениями и цифровыми данными Одоевский подводил к основному выводу: «Облегчить доступ к сим книгам, чертежам и проч. может лишь учреждение Публичной библиотеки, доныне в Москве не существующей» [82].

Одоевский считал, что основание в Москве публичной библиотеки, с одной стороны, способствовало бы «сохранению памятников русской старины», и, с другой — «давало бы пищу положительному направлению, к коему русский ум имеет сильную склонность, и устранило бы, до некоторой степени, то празднословие по разным учреждениям, к которому также склонен русский человек» [83].

Одоевский предложил назвать новое учреждение «Николаевским Московским Музеумом или Книгохранилищем» по образцу Румянцевского музеума, так как основание его, по мнению Одоевского, зависело от «монарших щедрот» и от добровольных приношений. Понимая, что источники эти слишком неопределенные, он

предлагает поручить первоначальное устройство Музеума «человеку, по своему знанию и по любви к наукам историческим, могущему иметь влияние на Московское общество во всех классах. Князь Оболенский, начальник Московского Отделения Архива Иностранных дел соединяет в себе сии условия»[84]. Одоевский делает тут же примечание: «Он, если не ошибаюсь, женат на купчихе, по крайней мере, находится в постоянных сношениях с купеческим классом». Помощником ему Одоевский предложил химика Геймана, пользующегося «большим уважением в фабричном московском сословии»[85].

Имея уже опыт работы в Публичной библиотеке, Одоевский понимал, что бессмысленно рассчитывать на монаршие щедроты, а нужно во всех имущих слоях общества возбудить к новому учреждению интерес и привлечь их средства.

В примечании Одоевский объясняет, почему он предложил назвать будущее учреждение «Николаевский Московский Музеум». Ему казалось, что это название соединяет в себе имя основателя — Николая I и сущность нового учреждения. Он хотел, чтобы предполагаемое учреждение кроме книг имело бы и учебные экспонаты, которые более действенно и наглядно учили бы «простонародных любителей механики и науки». Слово «музеум» он считал более подходящим по двум причинам: во-первых, оно давало возможность иметь «коллекции моделей», которые будут подарены населением. Во-вторых, такое название дает возможность избежать тавтологии, ибо в представленном проекте Положения о новом учреждении, разработанном Одоевским же, везде указывается, что это учреждение является Московским отделением имп. Публичной библиотеки, тем самым подчеркивается связь и зависимость двух учреждений.

Проект давал альтернативные названия: «Положение о Московском Отделении Императорской Публичной Библиотеки, или Императорского Московского Музеума, или Николаевского Московского Музеума». В первом же параграфе этого Положения (или Устава) подчеркивалась особенность библиотеки, ее технический, естественнонаучный уклон[86]. Второй параграф несколько расширял профиль библиотеки, но тоже с определенными оговорками: «предназначается для собрания, на пользу читателей, книг и рукописей, историчес-

кого, этнографического, географического и статистического содержания, в особенности относящихся до России и народов ей соплеменных»[87]. Ни художественной литературы, ни литературы философского и богословского содержания в фондах будущей библиотеки сознательно не предполагалось.

Понимая, что на содержание этого учреждения нельзя ожидать поступления значительных сумм, Одоевский считал возможным несколько ограничить часы работы библиотеки: «От 9 часов утра до заката солнечного, кроме праздничных и воскресных дней и всего июля месяца, определенного для вакаций»[88].

При назначении людей на руководство библиотекой Одоевский предлагал особое внимание обращать на то, что «никто не соединяет в себе любви к историческим изысканиям и вместе к естественным наукам, напротив, в их направлениях есть что-то враждебное. При одном начальнике одно из отделений непременно получит перевес на счет другого; влияние помощника-физика будет модифицировать влияние начальника-историка и наоборот»[89].

Одоевский предлагал иметь в штате кроме начальника и его помощника трех библиотекарей и трех помощников библиотекарей, смотрителя за домом и писца. Но «на первое время определяется лишь один библиотекарь с одним помощником»[90].

Изыскивая все возможные пути привлечения частных средств к организации московской публичной библиотеки, Одоевский придумал почетное управление — из трех почетных старшин, избираемых от дворянского, купеческого и мещанского сословий. Более того, он тщательно разработал в Положении права и обязанности этих старшин[91].

Далее Одоевский подробнейшим образом определил обязанности всех служащих, создав своего рода должностные инструкции, начиная от начальника библиотеки и кончая писцом[92].

В управлении Одоевский предлагал *«смешанный* коллегиальный порядок», который заключался в том, что при ученых и хозяйственных совещаниях любой мог представить особое мнение, которое доводилось до сведения директора Публичной библиотеки, «не останавливая, однако ж, исполнение по принятому решению»[93]. Такой порядок, по мнению Одоевского, не замедляя «административных распоряжений, дозволяет начальст-

ву исполнить правило: audeatur et altera pars (следует выслушать и другую сторону — *О. Г.*), что очень важно, особенно в деле заглазном»[94].

В своем документе Одоевский предусматривал и создание системы каталогов. Одоевский считал необходимым в этой библиотеке, подобно петербургской Публичной, иметь три вида каталогов: перечневые (инвентарь), алфавитные и систематические на отдельные части фонда.

В правах и обязанностях посетителей и читателей предусмотрены, например, такие детали, как: (§ 57) «Для выписок или копий посетитель или читатель должен приносить бумагу с собою; чернила и перья даются от отделения»[95]; (§ 58) «Посетители и читатели обязаны соблюдать должное благопристоние и пользоваться книгами и другими предметами со всевозможною бережливостью, не позволяя себе загибать листов, писать на полях, даже и карандашом, марать переплеты, а тем менее драть листы...»[96] Особый параграф (§ 61) определял характер даров: «деньгами, книгами, преимущественно по части физико-математической, химической и исторической, наконец, моделями машин...»[97]

В Положении оговаривались условия получения книг на дом (постоянная мечта Одоевского!). Параграф 64 гласил, что для увеличения средств с желающих получить книги на дом взимается плата: за книгу на один месяц — один рубль серебром, на два месяца — два рубля серебром, на три месяца — три рубля серебром и так далее, прибавляя по рублю за каждый месяц использования книги. В конце года взятая книга должна быть возвращена в отделение. Для «обеспечения исправного возвращения» в специальном параграфе оговаривался залог в 30 рублей серебром «за каждое отдельное сочинение», взятое на дом[98].

Для пополнения фондов Московское отделение должно было получать обязательный экземпляр всех книг, напечатанных в России. Здесь явное несоответствие с ранее провозглашенным профилем фондов — «положительные» науки, история, статистика.

Но созданию библиотеки не суждено было осуществиться. Князь Волконский[99] в ответном письме Корфу писал, что он разделяет саму идею создания подобного учреждения «в городе, столь обширном и просвещенном, какова Москва», и что это «было бы полезно и прилично», но совершенно не уверен «в пособии и под-

держке сему предприятию со стороны частных лиц», а главное — «наперед желательно привести в надлежащее благоустройство здешнюю Публичную библиотеку», а по сему не может «приступить к осуществлению» этой идеи [100].

Тщательная разработка Одоевским статута предполагаемой публичной библиотеки в Москве в то время осталась втуне. И все же Одоевский, как мы увидим позже, будет причастен к созданию публичной библиотеки в Москве.

Привычку В. Ф. Одоевского к тщательности, порядку и точности очень умело использовал директор, давая без конца своему помощнику указания, подобные этому: «Наши библиотекари преученые и прекрасные люди, но их нелегко приучить к формам и практическому порядку службы... Потрудитесь... привести их к порядку» [101]. Или: «Предоставляю *все совершенно* в Ваше усмотрение и в Ваши руки и прошу никого не щадить, лишь бы были сбережены интересы Библиотеки. Перед ними исчезают все личные отношения и уважения, а что errare est humanum (людям свойственно ошибаться — *О. Г.*)» [102].

Корфу весьма импонировала «несносная привычка» Одоевского «не подписывать ничего, не прочитав» [103].

Корф очень высоко ценил работу Одоевского и во многих письмах это подчеркивал. «...Я не боюсь повторений и чего могу довольно часто повторять, это уверения в искренней моей к Вам дружбе и уважении и вместе в благодарности за то ярмо, которое Вы так великодушно несете за душевно Вам преданного» [104], — писал Корф 21 июня (9 июля) 1851 г. Или в 1855 г.: «Примите вновь мою искреннюю благодарность за этот труд, как за все прежние и будущие» [105]. То же и в последующие годы (1859): «Приношу Вам... искреннюю и глубокую благодарность за огромный труд» [106].

И в то же время это не мешало директору «распекать» своего помощника за любое промедление или оплошность. «...Если б прочие занятия Ваши позволяли Вам иногда удосужиться минут на 10 лично в канцелярию, — ехидно писал Корф, — в такое время, когда там сидят еще наши чиновники: ибо требовать от людей, приходящих в 10 часов, чтобы они сидели более 3-х, Вы едва ли признаете справедливым» [107]. Или в другом письме: «За Вами все еще три недоимки, любезный

князь: 1, дело о торфе, 2, дело о нашей отчетности, и 3, смета на исходящий год» [108].

В. Ф. Одоевский работал с такими известными библиотечными деятелями, как В. И. Собольщиков, А. Ф. Бычков, В. В. Стасов. Отношения с ними складывались по-разному.

По роду своих занятий Одоевский очень тесно соприкасался с Собольщиковым, который кроме библиотечных обязанностей исполнял должность эконома и казначея, а в качестве архитектора библиотеки входил в состав Хозяйственного комитета. Отношения между ними, особенно поначалу, складывались непросто. Казначейская должность требовала аккуратности в ведении записей отчетных сумм, что не всегда выполнялось Собольщиковым и что, в свою очередь, вызывало замечания ревизоров и раздражение Одоевского. Поэтому в его письмах к Корфу часты жалобы на Собольщикова, которому он был «одолжен» «несколькими желчными болезнями». «...С полным сознанием смысла моих слов, — писал Одоевский, — я смею Вас уверить, что Собольщиков (несмотря на свою денежную честность — о которой и речи нет) — есть самый опасный счетчик, какой только может запутать и себя и начальство... Дядька за ним необходим и дядька с характером» [109]. А несколькими месяцами ранее Одоевский писал: «Собольщиков при всех его достоинствах не имеет понятия о стороне формальной, которую требует закон» [110]. Он был уверен, что Собольщиков не способен к «щепетильной счетной работе» и не имеет достаточно для этого времени [111]. Дело дошло до того, что тишайший и добрейший Одоевский раздраженно написал в марте 1852 г. директору: «Вы пригреваете змею за пазухой. Это Вам мое об нем последнее слово и никогда более я об этой личности упоминать не буду. Желаю, тысячу раз желаю ошибиться, — и повторяю еще раз, что это голос моего чутья» [112].

В подобных недоразумениях Корф брал Собольщикова под свою защиту.

Не получив поддержки начальства, Одоевский подготовил в 1853 г. инструкцию о счетоводстве в Публичной библиотеке с подробной объяснительной запиской [113], а также должностную инструкцию бухгалтера [114]. Тем не менее это не обезопасило Собольщикова от дальнейших ошибок, что постоянно фиксировалось ревизорами министерства. В 1857 г. в Библиотеку по-

ступило гневное письмо министра, в котором отмечались ежегодно повторяющиеся замечания и предлагалось исправить все недостатки и впредь их не допускать. На письме надпись Собольщикова: «Читал и копию получил» [115].

Несмотря на грозные предписания начальства, ошибки повторялись. Так, в январе 1861 г. Одоевский записал в своем дневнике: «Отдал Собольщикову Счетную выписку за 1860-й год, в которой ошибок, что блох. Беда с этим господином да и только...» [116] Но не только неумение считать, небрежность в счетном деле Собольщикова приводили в негодование Одоевского. Его, человека деликатного, скромного, возмущала излишняя самоуверенность Собольщикова во всех делах, которые в Библиотеке приходилось последнему делать. Одоевский подчеркивал в одном из писем к Корфу: «Он (Собольщиков — *О. Г.*) удобоподвижный чиновник — при ежеминутных надзорах, в нем есть сметливость и изобретательность, но они тонут в его самолюбии и самонадеянности...» [117] В дневнике Одоевский записал: «25 пон[едельник] апр. 1860. В Библиотеке — толковал с Собольщиковым о невозможности его системы вентиляции. 26 вт[орник] апр. 1860. В Библиотеке — ходил смотреть вентилятор Соб[ольщикова], будто бы действующий противно законам природы, чего, однако ж, не заметил; холодный рукав не вытягивал, разве изрядным движением ветра, исполненный таким образом в Библиотеке, будет нести в ночи, но очищает воздух плохо» [118].

Одоевского приводила в шоковое состояние способность Собольщикова «вывертываться» при нежелании делать дело так, как предписывалось инструкцией [119].

Столкнулись два характера: самоуверенный, обласканный директором Собольщиков и педантичный Одоевский. Во имя дела Одоевский готов был поступиться своим самолюбием и выполнить все указания директора в отношении Собольщикова. «Вы мой начальник, — писал он Корфу в марте 1852 г., — мой долг подделать мои действия с Вашими убеждениями, заключениями и этот долг я исполню честно, в каких условиях Вы не поставите мои сношения с этим человеком, я их выдержу, забывая всякое личное чувство...» [120]

В то же время Одоевский отдавал должное и достоинствам Собольщикова. Не случайно, в отсутствие директора, занятый придворными поручениями, он просил

именно Собольщикова «присмотреть» за Музеем, «не только за работами, но и вообще» [121].

Хотя общие взаимоотношения между Одоевским и Собольщиковым нормализовались, все же несходство характеров сказывалось в работе. Энциклопедически образованный человек, Одоевский понимал и разбирался во многих делах Собольщикова и давал последнему указания, не всегда безропотно их воспринимавшему, особенно в делах строительных [122]. Достаточно привести хотя бы одну запись Одоевского: «15 мая 1859. Спор мой с Собольщиковым о мостовой и о бабе, он утверждал. что все равно, легкая та или тяжелая» [123].

Во время строительства нового читального зала Одоевскому, по его выражению, приходилось выступать в роли Кассандры, т. е. предсказательницы несчастий, которую никто не слушал. Собольщиков весьма болезненно реагировал на всякие замечания, «специфические рассуждения» [124] по архитектурной или строительной части, от кого бы они не исходили. «Что за ребенок! — писал Одоевский о Собольщикове.—Я думаю, что он видит во мне жесточайшего врага, завистника его славы и проч. т. п. Если бы он знал, как я тревожусь за него и как бы хотел охранить его против него самого, — то верно бросился целовать меня» [125].

Но работать им приходилось в тесном контакте, и работа шла успешно.

Из рапорта Корфа министру имп. двора (от 25 марта 1852 г.) явствует, что Одоевский наряду с Собольщиковым принимал активное участие в 1852 г. в «обновлении» Библиотеки «внутри и извне, от фундамента до крыши». «Князь Одоевский, на труды, достоинства и дарования которого я неоднократно уже имел честь обращать Ваше внимание, при совершенно расстроенном здоровье, необходимо требовавшем отдыха и лечения, пожертвовал собою для управления и производства всеми работами во время четырехмесячного моего отпуска...» [126] и «доказал тут вновь всю свойственную ему заботливость, ревность и распорядительность» [127].

Дотошность Одоевского в делах не вызывала восторга у окружающих. Не случайно Одоевский объяснял одному из сотрудников Библиотеки: «Я знаю, что обо мне ходят самые противоречащие слухи: одни говорят, что я чрезмерно податлив на убеждения, другие, что я несносно упрям; говорят, что я только в комитетах и других местах, где могу говорить во всеуслышание,

нападаю на формализм, но что на деле в моем служебном кругу, я отъявленный формалист и педант. И все это правда, но объясняется очень просто. Мое убеждение... в администрации то же, что в деле судебном: судья должен прилагать самый нелепый закон, пока этот закон существует... В том условие всякого государственного, общественного, семейного и прочих устройств»[128].

Здесь особенно четко выражена позиция Одоевского как чиновника, государственного служащего, долг которого — свято выполнять свои служебные обязанности.

Но, как правило, отношения Одоевского с сотрудниками были очень хорошие. В. В. Стасов и В. Ф. Одоевский бывали друг у друга в домах[129]. В письме к брату В. В. Стасов пишет об Одоевском, что он «действительно хороший человек»[130].

О взаимной симпатии свидетельствовало посвящение Одоевским А. Ф. Бычкову своей работы «Новая догадка относительно глаголицы» (20 марта 1856 г.)[131]. Расположение сотрудников к Одоевскому особенно проявилось при уходе его из Библиотеки. Весть эту многие встретили с огорчением[132].

Даже Собольщиков очень скорбел об уходе Одоевского. 11 августа 1861 г. он писал Одоевскому: «В течение почти 11 лет Ваше сиятельство вели дела этой части (хозяйственной — *О. Г.*) так, что чиновничья лямка мне не была знакома. Может быть, я не всегда был *аккуратен* в исполнении моих служебных обязанностей, но, при Вас, неаккуратность эта не нарушала той миролюбивой тишины, которою все мы наслаждались. Как пойдут дела дальше, я еще ничего не знаю, но что лучше они идти не могут, в том я убежден, а что мне, может быть, не будет так хорошо, как было до сих пор, того я побаиваюсь... Мне очень жаль, что Вы нас оставили... Судьба привела нас к тому, что мы будем вспоминать время Вашего управления как хорошее былое...»[133]

Через несколько лет (22 сентября 1868 г.) именно Одоевскому пишет Собольщиков весьма доверительное письмо о новом директоре Публичной библиотеки И. Д. Делянове, о чем уже говорилось в очерке о В. И. Собольщикове[134].

Немалый вклад внес Одоевский в решение кардинальных вопросов деятельности Библиотеки — комплек-

тования, организации фондов и каталогов, совершенствования обслуживания читателей.

Как помощник директора, Одоевский первостепенное значение придавал вопросам комплектования, в том числе и изысканию средств на пополнение фондов. Исходя из убеждения, что нет «жизни без науки...» и «науки без приложения к жизни» [135], а также понимая, что Россия становится на капиталистический путь развития, а для формирования промышленности необходимо иметь своих специалистов-техников, инженеров, строителей, Одоевский стремился все свободные денежные средства обратить на закупку книг по физике, химии, естественной истории, математике.

Занимаясь по поручению Корфа подготовкой материалов для ходатайства об увеличении окладов служащим Библиотеки (янв. 1851 г.), Одоевский, хотя и понимал справедливость поставленной задачи, ибо «их жалование ничтожно в сравнении с другими чиновниками, а работы не меньше», тем не менее счел нужным открыто высказать свое мнение о необходимости обратить «усилившиеся средства» в первую очередь на пополнение фондов [136].

В этом отношении показательна история с приобретением коллекции немецкого статистика Редена. На эту коллекцию, рекомендованную к покупке вел. кн. Константином Николаевичем, Одоевский дал отрицательное заключение. В своей рецензии он отмечал, что коллекция не представляет никакой ценности для Публичной библиотеки, что для нее более важно пополнение современными книгами, «в особенности по части медицины, физики, химии, математики, наук юридических и камеральных (административное устройство, экономика, финансы — *О. Г.*), инженерного искусства, военного дела и т. п.», которые требуются читателям и имеют большое значение «при настоящем движении науки, промышленности и торговли в России и при повсеместной разработке ее естественных произведений» [137].

Будучи хорошим знатоком научной литературы. Одоевский указывал конкретные книги, которые следовало бы приобрести для Библиотеки: произведения И. Кеплера, И. Ньютона, Л. Эйлера, В. Гершеля, К. Линнея, Ж. Кювье, П.-С. Лапласа, Ю. Либиха, С.-Д. Пуассона, О.-Л. Коши [138].

В своем дневнике Одоевский записал (7 дек. 1853 г.): «Благодарил барона М. А. Корфа за усиление

Естественного отделения Библиотеки, *но все оно еще слабо»* [139] (выделено мною — *О. Г.*).

Именно Одоевским была выдвинута задача собрать в фондах Библиотеки все книги, посвященные паровым машинам и железным дорогам. Насколько это было прогрессивным решением, можно судить по характеристике этого времени, данной В. И. Лениным: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [140].

Причину отставания России в добыче полезных ископаемых и развитии промышленности Одоевский видел прежде всего в косности некоторых правительственных учреждений. Он возмущался невежеством царской цензуры, которая запрещала книги по геологии. Заметим, что эта наука не преподавалась в училищах. «Цензоры, — писал Одоевский, — отыскивали в трудной номенклатуре сей науки, в разных формациях, согласны и несогласны ли они с тем, что говорится у Моисея о сотворении мира. Одно полное, невероятное невежество в положительных науках могло допустить нелепое предположение о том, что будто бы геология может поколебать истину Св[ященного] Писания...» [141].

Понимая, что геология играет важную роль в разработке природных богатств страны и ее знание необходимо при строительстве железных дорог и рациональном ведении сельского хозяйства, Одоевский считал, что в крупнейшей библиотеке страны должны быть книги по этой науке, чтобы прекратить «посылать в чужие края людей учиться геологии» [142].

В России 40—50-х гг. XIX в. происходил исторически прогрессивный и закономерный процесс вызревания и развития в недрах феодального строя новых, капиталистических отношений.

«Этот экономический процесс, — писал В. И. Ленин, — отразился в социальной области „общим подъемом чувства личности“, вытеснением из „общества“ помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п.» [143] Вся Россия зачитывается обличительными стихами Некрасова. Достигает своего расцвета талант Тургенева. Русская литература ведет страстную пропаганду отмены крепостнических порядков.

Петербург тогдашнего времени был центром культурной, научной и общественной жизни России. В нем трудились великие русские революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, химик Н. Н. Зинин, биолог К. М. Бэр, физик Э. Х. Ленц, электротехник Б. С. Якоби, математики М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев, В. Я. Буняковский, историки С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, М. С. Куторга, хирург Н. И. Пирогов. Усиливается тяга к просвещению, расширяется круг грамотной, читающей публики, формируется разночинная интеллигенция и намечается некоторая демократизация культуры. В своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов так характеризовал настроения дворянской и разночинной интеллигенции, учащейся молодежи: «Это было удивительное время — время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный и задачи громадные. Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России, ставившиеся в зависимость от того или другого разрешения реформ» [144].

Политика царизма в области просвещения в 50-е гг. XIX в. была особенно противоречивой. С одной стороны, открывались новые учебные заведения, библиотеки, но с другой, цензурой беспощадно преследовалось все сколько-нибудь прогрессивное и оппозиционное. 2 апреля 1848 г. был образован «Негласный комитет по делам печати», получивший в обществе название «Бутурлинский комитет» по фамилии своего первого председателя, директора Публичной библиотеки Д. П. Бутурлина. Это был верховный цензурный орган, наблюдавший за действиями цензуры, в состав которого входил и будущий директор Библиотеки М. А. Корф. «Ужас навел на цензоров Бутурлин с братией, т. е. Корфом и Дегаем», — записал в свой дневник профессор русской словесности, цензор А. В. Никитенко [145].

Всякие гонители просвещения и противники развития науки вызывали у Одоевского резкое негодование. «А наши умники, — писал Одоевский, — кто вовсе считает и грамоту делом бесполезным, кто хочет держать наших умных, но вполне невежественных поселян на Часовнике!.. Но какой неуч будет считать их достаточными (Часовник и Псалтырь — *О. Г.*) для геологичес-

ких, минералогических, ботанических, вообще, для физических сведений, но даже для содействия их к наблюдению природы, к уразумению промышленных выгод, к предметам, от коих... зависит благосостояние, даже безопасность страны»[146].

На последнем замечании следует остановиться. Одоевский считал, что процветание России, ее великое будущее целиком зависит от развития точных и естественных наук («положительных») и всеобщего образования.

Исходя из этих убеждений, Одоевский все делал, чтобы насыщать Публичную библиотеку новейшей научной литературой.

Когда в 1856 г., после закрытия «Негласного комитета», расположенного в помещении Публичной библиотеки, цензура стала присылать в Библиотеку иностранные книги с вымаранными страницами, это вызвало горячий протест Одоевского. Министр имп. двора В. Ф. Адлерберг вынужден был дать указание главному цензору впредь высылать в Библиотеку чистые книги, ограничиваясь отметками, чтобы «эти номера не ходили по рукам»[147].

Будучи за границей, Одоевский стремился достать книги, «необходимые большею частью в торговле, документы относительно воспитания, канцелярского устройства и счетной части»[148], сумел собрать в Германии, Франции «ненаходимые у книготорговцев и вообще с трудом добываемые коллекции разных уставов, положений, инструкций и самих форм, употребляемых там в практике по части делопроизводства вообще, счетоводства, училищного устройства, городского управления и пр.»[149]

Вопросы комплектования были в поле зрения и Хозяйственного комитета, которым руководил Одоевский. Хозяйственный комитет обсуждал (5 февр. 1858 г.) вопрос о лучшей организации исполнения цензурными комитетами закона об обязательном экземпляре. Было решено обратиться в Министерство народного просвещения с ходатайством о введении закона, обязывающего все типографии высылать в Публичную библиотеку типографские ведомости о всем ими напечатанном. Это «единственное средство следить за присылкою в Публичную библиотеку всего у нас печатаемого, литографируемого и гравируемого, а впоследствии времени могли бы служить богатым материалом даже и для разного

рода библиографических и историко-литературных наведений и изысканий», — писалось в решениях Хозяйственного комитета [150].

Хозяйственный комитет составил проект правил заказов на иностранные книги, где указывалась ответственность заведующих отделениями за выписку иностранных книг, вплоть до денежной (чтобы не приобретались дублеты!), уточнялись источники заказов и процедура оформления документов [151]. С точки зрения внутренней организации работы это было очень важное решение.

Более того, Хозяйственный комитет рассматривал итоги заграничных командировок директора Библиотеки, связанных с приобретением книг (22 дек. 1856 г.) [152].

Как и многие ее сотрудники, Одоевский почти каждый год дарил Библиотеке книги и рукописи. Заслуживает специального упоминания, что Одоевский принес в дар Библиотеке (1857 г.) величайшую драгоценность — записную книжку М. Ю. Лермонтова с двенадцатью лирическими стихами, написанными поэтом в последние три месяца его жизни. Этот подарок послужил началом собирания рукописей М. Ю. Лермонтова в Публичной библиотеке [153].

Популярность и авторитет Публичной библиотеки в 50-е гг. были так широки, что, по выражению В. В. Стасова, «пожертвования частных лиц книгами и рукописями сыпались со всех сторон» [154]. Порой «дары» доставляли Управлению Библиотеки и немалые хлопоты. Так, в 1855 г. Библиотека получила в дар от Н. И. Тарасенко-Отрешкова, одного из членов опеки, учрежденной над детьми и имуществом А. С. Пушкина, собственноручную черновую тетрадь поэта, в которой были записаны несколько неизданных его стихотворений и поэма «Кавказский пленник», а также приходно-расходные записи 1834 и 1835 гг. и доверенность А. С. Пушкина, выданная Н. И. Тарасенко-Отрешкову на ведение его дел (1832 г.) [155].

В конце 1855 г. на имя директора Библиотеки поступило письмо от вдовы поэта — Наталии Николаевны Ланской, где она писала: «В недавнее время я и дети мои — Пушкины были изумлены странною нечаянностью. Императорская Публичная Библиотека напечатала в газетах и журналах, что г. Тарасенко-Отрешков принес ей в дар автографы покойного моего мужа — Александра Сергеевича Пушкина». Далее она указыва-

ла на существующее авторское право, по которому все сочинения переходят в собственность прямых наследников и уверяла, что дарованные рукописи были похищены Тарасенко-Отрешковым. «Этот дар Публичной Библиотеке может быть принесен только Пушкиными — законными наследниками поэта, а не похитителем чужой собственности — Тарасенко-Отрешковым, — писала она. — Мои сыновья, люди еще молодые, кипя негодованием, желают разоблачить действия Тарасенко-Отрешкова... возвратить свою фамильную драгоценность... Не благоугодно ли будет возвратить похищенные рукописи законным наследникам и публиковать о том в тех же газетах и журналах, где помещено было и первое объявление. Я убеждена, что дети Пушкина за счастие почтут принести в дар Императорской Публичной Библиотеке те же самые автографы, но только от своего имени...» [156]

Письмо Натальи Николаевны взволновало Корфа и Одоевского, и ими был составлен проект ответа, который они согласовали с министром имп. двора В. Ф. Адлербергом. В одной из записок Одоевскому Корф сообщал (22 дек. 1855 г.): «Я сей час виделся и говорил с графом Адлербергом, при Дворцовом выходе, о нашем Пушкино-Ланском деле, но прочесть ему наших бумаг не мог» [157].

В ответном письме к Ланской, одобренном министром, Корф писал, что, «к искреннему сожалению», вернуть рукописи не может, так как «все, однажды поступившее в Императорскую Публичную Библиотеку и внесенное в ее реестр, не иначе может быть из нее изъято, как по особому высочайшему повелению...» [158] Но дело этим не кончилось. В апреле 1856 г. по просьбе министра народного просвещения министр имп. двора В. Ф. Адлерберг поручил В. Ф. Одоевскому сверить две выписки из предназначенной к публикации рукописи Тарасенко-Отрешкова «Отзыв о Пушкине и значение его в словесности» с хранящимися в Публичной библиотеке рукописями Пушкина, переданными Отрешковым [159].

Ознакомившись с выписками, Одоевский составил «конфиденциальную записку», в которой выразил сомнение в целесообразности публикации статьи. Факты, сообщенные в ней, «произведут и распри и споры». Для правильного истолкования их нужны были дополнительные сведения, которыми не владел автор статьи. И поэтому прав был Одоевский, когда писал, что «все это

должно быть предоставлено будущим историкам. Они будут в состоянии объяснить и пополнить вышеизложенные обстоятельства фактами, какие откроются впоследствии и, может быть, изменят вовсе смысл сих событий»[160].

И действительно, история расставила свои акценты на взаимоотношениях «умнейшего человека» России, «солнца русской поэзии» и Николая I.

Одоевского волновало и реноме Публичной библиотеки, «тогда как достоинство ее требует, чтобы в публике не могло быть и повода думать, что Библиотека как бы покровительствует или прикрывает личные расчеты лица, заинтересованного своими частными выгодами в обнародовании подобных политических и семейных подробностей, столь темных, неопределенных и потому дающих простор всем родам толкования»[161].

Быстрое развитие капитализма в России, рост промышленного и железнодорожного строительства, возникновение новых специальностей не могли не сказаться на работе Публичной библиотеки. В новом Положении Библиотеки (1850 г.) подчеркивалось, что основная ее задача — служить «общей пользе». И этой стороне работы Библиотеки Одоевский уделял пристальное внимание.

Истинное огорчение испытывал Одоевский, получив от директора секретное задание разработать, по указанию Николая I, проект введения платы за посещение Библиотеки. Понимая, что это нововведение в обществе вызовет протест, Корф просил «придумать меры наиболее благовидные и наименее неудобные»[162], а также не скупиться на тариф. Он писал «*Всякий* сбор в первое время *непременно* возбудит ропот, хотя бы брать по копейке, то лучше уже установить такой, который своей цифрою обещал бы по крайней мере библиотеке существенное материальное вознаграждение за сей ропот»[163]. В конце 1852 г. проект был представлен. Устанавливались три разряда билетов: белые, сроком на год стоимостью в 10 рублей; синие, сроком на 4 месяца стоимостью в 4 рубля и месячный красный билет за 1 рубль 50 к. Одоевский нашел «благовидный» предлог: увеличение числа читателей в Библиотеке увеличивает порчу книг, требует дополнительных средств на приобретение новых экземпляров, на их переплет, на вечернее освещение и на увеличение штата[164]. К счастью, проект взи-

мания платы за посещение Библиотеки в жизнь проведен не был.

Конечно, Одоевский не мог не выполнить распоряжения директора, к тому же сделанное по указанию Николая I. Но сам он всячески способствовал демократизации обслуживания читателей в Публичной библиотеке. В документах, подготовленных министру имп. двора, он сформулировал основную задачу Публичной библиотеки как он ее понимал: «...способствовать не только трудам чисто ученым, но распространению во всех классах тех положительных сведений при свете истинных открытий, разработка естественных сокровищ Русской земли столь важных благосостояний может сделаться возможною для всех и на всем ее пространстве — вот отдаленная, но существенная цель, которую осмелилось предложить себе Управление Библиотеки. Прошедший год — был первым шагом к сей цели» [165].

Одоевский много сделал для совершенствования организации обслуживания читателей. Было отменено ограничение числа выдаваемых книг читателю в читальном зале. С 1851 г. вместо тетради записи требований введены «требовательные карточки», что значительно упростило порядок и ускорило получение книг.

В декабре 1853 г. Хозяйственный комитет принял решение, обязывающее библиотекарей в случаях, когда требование не поддавалось уточнению или когда запрашиваемой книги не было в Библиотеке, подбирать и выдавать читателю другое сочинение, близкое по содержанию к требуемому [166]. На «требовательных карточках» библиотекари должны были указывать причину отказа [167].

В архиве Библиотеки сохранилось распоряжение Одоевского (от 18 мая 1856 г.), по которому все библиотекари обязывались при отказе читателю на их «требовательных карточках» проставлять условные цифры. Так, цифра II означала, что книга уже куплена, но не дошла до отделения, цифра III — что книгу необходимо приобрести, и, наконец, цифра IV — книга не стоит покупки или же просто ее вообще не существует [168].

Таким способом всегда можно было проверить реакцию библиотекаря на читательский запрос, а самое главное — содействовать правильному комплектованию книг.

Одоевский стремился всячески облегчить работу читателей с библиотечной книгой.

При составлении новых правил для посетителей (1851 г.) Одоевский высказал пожелание внести пункт, разрешающий выдачу книг на дом. «Почему бы не допустить сего со внесением залога и — некоторой *платы,* разумеется, за исключением рукописей и книг редких? Библиотека открыта для *приходящих* даром, — писал Одоевский, — желающий получить книгу на дом, изъявляет притязание на привилегию, — которую по справедливости можно обложить некоторою податью» [169].

Одоевский также считал, что нельзя оставлять в прежнем виде параграф 15, гласящий, что «никто, без разрешения директора, не имеет права списать и издать в свет, как вполне какую-либо рукопись, так равно часть ее, составляющую самостоятельное целое», так как, по убеждению Одоевского, «это противно назначению Библиотеки». И далее он пояснял свою мысль: «Издание рукописей и даже ее списывание — есть ученый труд, коему должно содействовать, ибо он в некотором смысле обращается в пользу самой Библиотеки» [170].

Но эти предложения не были приняты.

В 1850-х гг. удалось внести некоторые изменения в организацию обслуживания читателей. Библиотека стала работать до 9 часов вечера, а также в праздничные дни в утренние часы. В 1851 г. сменное дежурство всех библиотекарей в читальном зале заменили постоянным, а в 1853 г. дежурство было утверждено как особая часть Управления Библиотеки со специальным штатом — заведующим залом и четырьмя дежурными.

В ходатайстве министру имп. двора об увеличении штата, подписанном Корфом и Одоевским, особо подчеркивалось, что «годичный опыт» доказал целесообразность обслуживания читателей специальными сотрудниками, «имеющими одну сию обязанность». Но тут же отмечалось, что обслуживающие читателей сотрудники должны быть людьми образованными, владеющими иностранными языками: «ибо здесь, как и везде, успех зависит преимущественно от выбора исполнителей, без чего лучший закон остается мертвою буквою» [171].

Именно Одоевский написал должностную инструкцию для работников читального зала — «Правила дежурства» [172], которым впервые вменялись в обязанность не только выдача книг, но и «доставление, по возможности, всех требуемых посетителями справок и сведений» [173]. Иными словами, устанавливались элементы чисто библиографического обслуживания.

Как явствует из приведенных документов, еще в начале 1850-х гг. Одоевский принимал непосредственное участие в осуществлении дифференциации функций библиотекарей, в их специализации, в четком определении круга их обязанностей.

Помощник директора вникал во все технологические процессы и, более того, немало сделал для введения впервые в библиотечную практику норм. Он создал, говоря современным языком, операционно-технологическую карту прохождения книги от фонда к читателю и обратно. Этот документ имел тяжеловатое название — «Периоды операции выдачи книг в чтение». Каждый процесс в нем (а их было 16, начиная от выдачи читателю билета, получения от него требования, книг из фонда, записи их названий в «дневальной книге», выдачи книги читателю и до операций по возвращении книг от читателя и установки их на полки фонда) был нормирован из расчета времени на одну книгу.

Кроме определения времени на прохождение книги от полки до читателя и обратно («18 минут на каждую книгу и сочинение»[174]), Одоевским было подсчитано, сколько времени должно уходить на ежедневное обслуживание при условии, что во время дежурства из отделений (отделов) поступает 80 книг. «Следственно, — заключал Одоевский, — ежедневно нужно 36 часов на 3-х (дежурных — *О. Г.*), придется на каждого 12 часов». Но он понимал, что практика внесет свои коррективы. И действительно, дежурные тратили в день не 36 часов, а только 23. «На практике выходит, — писал Одоевский, — заведующий (тратит — *О. Г.*) до 10 часов, сдатчик 6 часов и дежурный 7 часов в сутки»[175].

Одоевский стремился доставить читателю максимум удобств в пользовании книгами, но в пределах тех функций, которые были возложены на Библиотеку.

Симптоматично, что он выступил на Хозяйственном комитете против засвидетельствования Библиотекой правильности выписок, снимаемых с материалов, хранящихся в Публичной библиотеке. Его оппоненты (Д. П. Попов, А. Ф. Бычков, В. И. Собольщиков) утверждали, что «Публичная библиотека, как учреждение на пользу общественную существующее, не может и не должна быть только лишь хранительницей произведений умственной деятельности, но должна стараться достигать сей цели всеми, законом непротивными средствами, а потому и свидетельствование верности выписок,

сделанных из хранящихся в оной книг, не может быть противно назначению книгохранилища»[176].

Одоевский же доказывал, что такое свидетельство выходит из круга занятий Библиотеки. Кроме того, выполнение их крайне затруднительно из-за отсутствия людей. Но самое главное, «нет возможности предупредить различные в сем случае злоупотребления, могущие состоять в прибавлении частиц или запятых, изменяющих смысл», тем более что в книгах нередко встречаются опечатки. «Библиотека, по своему назначению, есть хранительница *не документов,* подобно архивам, но *лишь материалов*», — подчеркивал Одоевский. «Отсюда явствует, — заключал он, — что засвидетельствование со стороны Библиотеки *бесполезно,* если не *вредно*»[177]. Речь шла о выписках из библиотечных материалов, используемых в качестве юридических справок.

Совершенствуя организацию обслуживания читателей, Одоевский не забывал и о сохранности книжных фондов. Он требовал «обеспечить библиотеку... от потери книг, их порчи, от подлогов и др. вредных случайностей»[178], хотя и был убежден, что «нет такого устройства по выдаче книг ни в одной библиотеке в мире, которое бы могло ее обеспечить *безусловно* от подлогов и мошенничества; это зло должно принять за неизбежное...»[179] В 1860 г. Собольщиков выступил с проектом уничтожения существующих входных билетов, считая их бесполезными (на них обозначался только номер, под которым у дежурного записывались фамилия и адрес читателя), и предложил заменить их подписываемыми читателями требованиями на книги. Одоевский выдвинул свое предложение — ввести билет-книжку, «вроде банкирских чеков». Эти билеты, по его мнению, решают одновременно две задачи: сохранности фондов и быстроты обслуживания читателя. При всем своем убеждении, что «ни билеты с нумерами, ни билеты с именами, ни расписка читателя не могут *вполне* оградить библиотеку от подлога со стороны человека, решившегося мошенничать»[180], Одоевский, основываясь на особенностях человеческой психологии, полагал, что от дурных поступков читателя будет более удерживать личная подпись, пусть даже ложная. И в то же время дежурным читального зала удобнее распределять и выдавать книги по номерам читательских билетов. Исходя из этих соображений, Одоевский и предложил новую форму би-

лета, который состоял из двух частей: из талона и чека. На обеих половинках обозначался читательский номер. На талоне рукою дежурного при записи читателя отмечался год, месяц и число выдачи документа. Далее шел текст: «Я, нижеподписавшийся, получив билет по № (рукою читателя) сим обязуюсь: 1-е — сего билета никому не передавать, 2-е — книг, мне выданных, ни под каким предлогом из Библиотеки не выносить, тщательно беречь их и ничем не портить, 3-е — по миновании установленного срока сдавать их дежурному по читальной зале Библиотеки, 4-е — вообще исполнять в точности постановления, содержащиеся в печатных „Правилах для посетителей", как равно и все другие распоряжения, кои будут мне сообщены по управлению Библиотеки. За неисполнение всех вышеописанных обязательств я подвергаю себя беспрекословно всякому законному взысканию».

После этого текста читатель собственноручно должен был написать имя, отчество, фамилию, звание и место жительства. Как полагал Одоевский, такая приписка в несколько строчек давала возможность в случае подлога «определить характер почерка». Талон с распиской читателя оставался у дежурного. Читателю же выдавалась на руки вторая половина листа — чек, совпадающий по форме с действующим билетом. Дежурный, имея у себя талон, мог в случае сомнения «сравнить нумерной билет с нумерованной распиской» [181].

Предложения ни Собольщикова, ни Одоевского не были приняты, так как большинство членов Хозяйственного комитета не видели достаточных причин для уничтожения прежнего порядка. И в частности, А. Ф. Бычков высказал мнение, что использование билетов в форме банкирских чеков сложно и формально.

Все, что было связано с обслуживанием, не проходило мимо помощника директора. Весьма характерно распоряжение, полученное им от директора в январе 1852 г.: «Желая удостоверить, в точности ли исполняются вновь установленные правила о лицах, посещающих императорскую публичную библиотеку для занятий в ней, и не дается ли повода к каким-нибудь справедливым неудовольствиям со стороны посетителей, а также во многих ли сочинениях им отказывается и с достаточно ли правильным для каждого основанием... прошу... произвести по сему важному предмету подробную ревизию и сообщить мне как о последствиях оной, *так и о*

мерах, которые по соображениям Вашим, могли бы, может статься, еще более облегчить и упростить внутренний механизм выдачи книг и удовлетворения требований посетителей» (выделено мною — *О. Г.*) [182].

К сожалению, в архиве не сохранился отчет Одоевского об этой ревизии. Но зная его тщательность во всех делах и стремление улучшить организацию обслуживания, можно предположить, что им были высказаны предложения по совершенствованию процесса «удовлетворения требований» читателей.

Все меры, предпринимаемые Библиотекой, в том числе и по инициативе Одоевского, улучшали условия работы читателей в Публичной библиотеке, приток которых увеличивался с каждым годом. Если в 1851 г. выдано было 417 билетов, то в 1852 г. уже 667. В 1858 г. число читателей по сравнению с 1850 г. увеличилось более, чем в три раза, книговыдача возросла в четыре с половиной раза [183].

Директор и его помощник не жалели усилий, «чтобы сделать библиотеку — до тех пор мало известную, имевшую внутри вид пустынного и скучного сарая и почти непосещаемую — изящную, привлекательную и интересную для всех» [184].

Одоевский всячески содействовал превращению Библиотеки в истинно публичную, что восторженно приветствовалось прогрессивной общественностью [185].

Одоевский с гордостью писал Корфу (4 авг. 1856 г.) об огромном впечатлении, которое произвела Публичная библиотека на членов французского посольства: «Допущение всех состояний в Б[иблиотек]у изумило mais c'est liberal tres, tres liberal» (это либерально, очень либерально) [186].

«Читающему русскому люду известно, — отмечал журнал «Книжный вестник», — что ни в одном городе обширной Российской империи нет учреждения, которое могло бы дельностью своего устройства соперничествовать с С.-Петербургскою публичною библиотекой» [187].

Так в середине XIX в. Публичная библиотека стала главным центром отечественной культуры. И в этом немалая заслуга помощника директора — В. Ф. Одоевского.

Пророческими оказались слова, написанные в одном из официальных Отчетов Библиотеки: «Тесная связь нашего книгохранилища с направлением и развитием общественной нашей жизни всего лучше выразилась в уве-

личившемся приливе читателей в залы Библиотеки... Нет сомнения, что однажды приподняв край завесы, за которою таятся сокровища и радости науки, наше общество уже более не захочет с ними расстаться и никогда не перестанет наполнять густою толпою залы...»[188]

Значителен вклад Одоевского и в разработку вопросов каталогизации и расстановки книг в фондах.

На нескольких совещаниях, проведенных под председательством Одоевского с ноября 1849 по март 1850 г., библиотекари выработали рекомендации, касавшиеся назначения каталогов, их системы и методики составления[189]. В докладной записке Корфу в декабре 1849 г. Одоевский высказывает свои теоретические взгляды по вопросам каталогизации, системы каталогов и структуры Библиотеки. Одоевский изучил всю литературу по этой проблеме и пришел к выводу, что «в ученом мире... существуют самые противоречащие мнения... и должно признаться, что до сих пор не существует еще ни одной библиографической методы, против которой нельзя было бы сделать весьма важных возражений»[190]. По глубочайшему убеждению Одоевского, впервые высказанному в этой записке и впоследствии неоднократно повторенному, вопросы системы каталогов, организации фондов, библиографического описания изданий нужно решать, исходя «не из каких-либо общих начал, но из соображения, так сказать, *материального* устройства и состава *данной* библиотеки, с ее *назначением и потребностями того места,* в котором она находится, так что библиографическую теорию Библиотеки надобно почерпать из самой данной библиотеки». Иными словами, система расстановки фондов, система каталогов целиком зависят от величины фондов, их профиля и контингента читателей. Исходная позиция Одоевского была правильная, и во многом она и сейчас не утратила своей истинности.

Вторым общим принципом библиотечной деятельности он считал ведение строгой последовательности в работе, разделение процессов на первостепенные и второстепенные. Это требование для того времени было весьма важно, ибо каталожное хозяйство находилось в плачевном состоянии и для лучшей организации труда следовало установить строгую и четкую очередность процессов. «В библиотечном деле, — писал Одоевский, — есть часть работы, которая должна быть при-

знана *необходимой,* и другая, которая может быть названа роскошью науки»[191]. По мнению Одоевского, в каждой библиотеке в первую очередь должен быть составлен алфавитный каталог, или, как он называл, «краткий указатель *всех имеющихся книг»*. Он расходился во мнениях с некоторыми библиотекарями, в частности с Собольщиковым, который считал, что сначала нужно создавать систематический каталог как самый полезный для читателя. Одоевский же полагал, что когда в библиотеке нет никакого каталога, систематический каталог — со своим подробнейшим описанием книг — «роскошь науки». В какой-то мере он был прав, ибо библиотека прежде всего нуждается в учетном документе.

После многих дебатов на общих собраниях библиотекарей решено было в каждом отделении вести три каталога одновременно: алфавитный, систематический и инвентарный.

Выдвигая идею первоочередного составления «краткого указателя всех имеющихся книг», Одоевский продумал и элементы библиографического описания, которое включает все «главнейшие библиографические признаки», а именно: фамилию автора, заглавие книги и шифр. Шифр, предложенный Одоевским в конце 1849 г., несколько усложнен по сравнению с тем, который он будет пропагандировать в 1854 г. и который будет принят в Библиотеке как обязательный. В состав шифра он предлагал ввести порядковый (валовой) номер книги, от чего впоследствии отказался, затем букву или же полное название отделения, номер зала, номер шкафа и книги на полке. Следует сказать, что все эти элементы описания уже и ранее (при Бутурлине) отмечались на карточках (кроме валового номера). Одоевский подтвердил их необходимость. Но он полагал, что в этом наборе не хватает еще двух «важнейших признаков»: указания типографии (officina) и числа страниц. Эти два признака, соединенные с другими, давали возможность точно определить тождественность нескольких, внешне одинаковых книг. В то время это было очень важно, ибо Библиотека отбирала из своих фондов дублеты для продажи. Одоевский категорически возражал против предоставления каждому библиотекарю права сокращать по своему усмотрению заглавия книг при описании, справедливо полагая, что это приведет к «пестроте и сбивчивости в каталоге»[192]. В отличие от бу-

турлинской практики, когда запрещалось вообще сокращать какие-либо слова заглавия, он считал, что нужно поставить общим, *обязательным* для всех библиотекарей правилом выписывать на карточку: 1. Имя автора (если оно известно); 2. Первые два или три существительных, «материально находящиеся в заглавии, отбрасывая в скобки первое прилагательное или числительное». Библиотекарям же следует предоставить право «к сей *обязательной* части заглавия присоединить слова *поясняющие»* [193].

При описании книг их расстановка на полках не изменялась.

«Составление такого указателя на отдельных карточках и соединение их в алфавитном порядке по форматам и по отделениям, *сообразно месту книг в натуре»* должно быть *«первой степенью труда».* Следующим этапом работы или, как называл Одоевский, *«второй степенью труда»,* является выделение дублетов, что было весьма важно для Библиотеки: освобождалось значительное место в книгохранилищах, а продажа дублетов приносила дополнительный доход. *«Третьею степенью труда* может быть: означение валового, не применяемого никогда нумера как *на карточке,* так и на книге *в натуре,* в каждой зале особо». В этом Одоевский не был оригинален. Валовой номер широко использовался в шифре книг в западных библиотеках, по рекомендации мюнхенского библиотекаря М. Шреттингера, данной в его книге «Versuch eines vollständiges Lehrbuches des Bibliotheks-Wissenschaft» (München, 1829. Bd. 1—2).

Таким способом Одоевский хотел установить общее число книг, имеющихся в Библиотеке. В дальнейшем эти сведения оказались излишними, так как валовой номер в каждом отделении легко устанавливался по шкафным описям (инвентарям). В целях более рациональной организации труда библиотекаря к составлению каталогов следовало привлечь младший персонал — писцов, копирующих каталожные карточки «для образования справочной книги, которая должна быть чисто алфавитной, общею для всей Библиотеки... в виде небольших карточек, впоследствии связанных...» [194]

Как видим, еще в 1849 г. Одоевский настаивал на создании единого алфавитного каталога на все фонды.

Вся перечисленная часть работы, как уже указывалось, «должна быть признана необходимой». Другая часть, которую Одоевский называл «роскошью науки»,

заключалась в «составлении систематических, хронологических, по форматам, по изданиям того и другого типографщика, по редкости и прочих [каталогов] т. п. труду весьма важные, полезные для науки, приносящие честь библиотеке».

По плану Одоевского составление систематического каталога с полными заглавиями книг «и всею библиографическою роскошью» — это четвертый этап, *«четвертая степень труда»*. Систематический каталог делает каждый библиотекарь в своем отделении.

Пятая степень труда — составление полного систематического каталога всей библиотеки. Причем, Одоевский подчеркивал, что при описании и создании каталогов книги не меняют занимаемые места, «в каком с первого раза были поставлены». Выработка схемы или, как писал Одоевский, «расположения общего систематического каталога» возможна лишь после того, «когда все книги будут приведены в известность», т. е., иными словами, когда все книги будут учтены, записаны в инвентари и отражены в алфавитном каталоге. До пятого этапа в то время библиотекари не дошли. Как известно, общий систематический каталог на основные фонды Публичной библиотеки был создан только в советское время.

Заканчивалась докладная записка двумя предложениями, которые, по мнению Одоевского, могли обеспечить успех работе. Во-первых, каталогизация проводится не по буквам авторов книг, как это было при Бутурлине, а по отделениям, с ответственностью определенного библиотекаря, что давало возможность точнее определить «степень и достоинство труда каждого» и возбудить «благородное соревнование к окончанию работы». Во-вторых, позволить желающим пользоваться каталогами, реестрами, карточками, составленными их предшественниками [195].

В результате этой докладной записки и на основании рекомендаций, принятых на совещаниях библиотекарей, в апреле 1850 г. директором был издан приказ о новой структуре Библиотеки, правилах организации ее фондов и каталогов. Было создано 17 отделений — самостоятельных структурных частей [196], с полной ответственностью заведующего-библиотекаря за комплектование, каталогизацию и сохранность фондов. Устанавливалась система каталогов для каждого отделения: систематический, перечневой (инвентарь) и краткий алфа-

витный каталог-указатель, составление которых предлагалось вести одновременно.

Каждый каталог имел свое определеннное назначение: перечневой (инвентарь) рассматривался как средство проверки, ревизии и передачи фонда от одного библиотекаря другому: алфавитный каталог — как справочная книга преимущественно для самих библиотекарей, отвечающая на вопрос, есть ли в Библиотеке то или иное сочинение; систематический каталог — как руководство для читателей, отвечающее на вопрос, какие сочинения по интересующему читателя вопросу есть в Библиотеке.

Наблюдая за работой библиотекарей над составлением каталогов и контролируя ее, Одоевский более четко сформулировал свою позицию в решении проблем каталогизации.

Одоевский поддержал предложенную и испытанную Собольщиковым в Отделении «Россика» «крепостную расстановку» книг по величине переплетов, а также применение упрощенного крепостного шифра, введенного в Библиотеке еще в 1845 г., в котором указывались зал, шкаф, полка и номер книги на полке.

В докладной записке Корфу в 1854 г. Одоевский писал: «...по моему глубокому убеждению есть корень доброго устройства всякой Библиотеки, а именно, чтобы раз нумерованная и поставленная на место книга была так сказать *пригвоздена* к нему». В этом он видел много преимуществ: удобно для проверки наличия книг, для каталогизации, для нахождения книги по шифру, «наконец, к охранению от утрат, ибо, как всякий занимавшийся книжным делом испытал, глаз библиотекаря привыкает, так сказать, к *физиогномии* каждой полки, сколько бы их ни было». А главное, «крепостная» и по величине расстановка дает большую «экономию пространства», что «весьма важно в столь огромном и *возрастающем* учреждении, какова Библиотека». При этом Одоевский подчеркивал: «...я никак не могу согласиться с мнением тех библиотекарей, которые силятся дать книгам в натуре систематический, алфавитный или иной какой-либо порядок, ибо, во-1-х, до составления полного инвентаря по Отделениям и до занятия всех пустых мест книгами — произойдет следующее: или принятый порядок будет нарушаться, или должно будет переменять № на книге, или, наконец, прибегать к одинаковым н[оме]рам с разными показателями (на разных сочине-

ниях), что есть горшее зло в административном смысле, ибо оно в итогах инвентаря дает ложную цифру и делает поверку почти невозможною»[197].

В мировой практике крупных библиотек того времени книги на полках расставлялись в систематической последовательности. Считалось, что при такой расстановке библиотекарю легче не только найти запрашиваемую книгу, но и дать библиографическую справку. Систематическая расстановка книг, действительно, удобна в небольших библиотеках, где более или менее стабильный фонд (поступление и выбытие сбалансированы). В крупнейших же библиотеках подобная расстановка заставляла постоянно передвигать книги на полках, чтобы найти соответствующие места новым книгам.

Одоевский предложил целую систему организации фондов в Библиотеке. «По-моему, может быть ошибочному, глубокому убеждению идеал такого учреждения как Публичная Библиотека должен быть следующий:

1. Книги, вставленные на полки по *величине переплетов* вплоть без всяких пробелов сверху и без пустых мест на полке.

2. На *каждом сочинении* особый нумер... если под одним переплетом несколько сочинений, то означение: „от такого-то № и до такого-то“, если несколько томов одного и того же сочинения в разных переплетах, то один и тот же № на каждом из томов с показателем числа томов, находящихся под каждым переплетом, н[а]пр[имер]

$$\mathrm{XI}\ \frac{3}{42\ (1,2)} \qquad \mathrm{XI}\ \frac{3}{42\ (3,4)} \qquad \mathrm{XI}\ \frac{3}{42\ (5,6)}$$

(случай, когда под переплетом два тома)...»[198]

Далее Одоевский предлагал, чтобы на каждой полке была своя нумерация книг, а не общий валовой номер, как он полагал ранее. Такая, более четкая организация фонда поможет избежать ошибок при подсчете.

До сих пор в практике Публичной библиотеки используется рекомендация Одоевского о месте шифра на книге: «*Внутри* каждого тома и наклеенные или оттиснутые снаружи». После расстановки книг и написания на них «нумеров» — шифров — составляется «инвентарный каталог с сокращенными библиографическими заглавиями, в точности представляющий все последование книг в натуре», что дает возможность проверить нали-

чие книг и узнать их общую численнность. Одоевский по-прежнему считал, что во главу угла такой библиотеки, как Публичная, должен быть поставлен учет фондов, обеспечивающий и сохранность их, и правильное комплектование, и обслуживание. После завершения работы под инвентарным каталогом Библиотека может создавать различные каталоги, в которых будет применена «вся библиографическая роскошь»: систематический, хронологический, по местам напечатания, по типографщикам и т. д. В частных и специальных библиотеках «ради ученого достоинства» можно начинать каталогизацию с создания подобных каталогов, но только не в Публичной библиотеке, ибо «*Публичная библиотека в России* есть учреждение sui generis (особого рода — *О. Г.*), и, как я имел уже однажды случай выразиться, теория всякой Б[иблиоте]ки должна почерпаться *из самого существа оной,* а безусловной теории Библиотечного расположения не существует, что доказывается спорами, доныне по сему предмету существующими» [199].

По заданию Корфа Одоевский дважды — в 1850 и 1854 гг. ревизовал работу каждого библиотекаря по каталогизации.

В 1850 г. Одоевскому предписывалось «подробно обозреть занятие каждого из библиотекарей и представить полные сведения о том, что ими уже сделано и теперь делается к исполнению общего нашего плана, вместе с замечаниями Вашими по действиям каждого из них в частности» [200].

С этим, как и с любым другим поручением, Одоевский справился блестяще. «Снова и искренно благодарю Вас, любезный князь, — писал Корф, — за неутомимое и радушное содействие мне, лучше сказать, действие по делу о каталогах. Без Вас наши господа совсем тут заблудились, а теперь, даст бог, все приведено будет к своей цели, а когда она определенно укажет и вместе укажутся и пути к ней, то мне останется только наблюдать, чтобы все неуклонно ими следовали и не отворачивались от порядка, который мы единажды примем» [201].

Особенно обширный и интересный материал представил Одоевский в результате проверки 1854 г., ибо были подведены итоги четырехлетних каталогизационных работ. Каждому библиотекарю было предложено письменно ответить на ряд вопросов: о численном составе его подразделения, о порядке расстановки книг, о ходе каталогизации, о сроках ее окончания, о числе дублетов

и пр., Одоевскому поручалось проверить точность представленных сведений и доложить «о мерах исправления, где таковое окажется нужным предпринять»[202]. В итоге в официальном отчете Библиотеки за 1854 г. отмечалось: «Сие обширное, многосложное и чрезвычайно дробное дело, требовавшее обревизирования целого огромного нашего книгохранилища и в натуре, и на бумаге, т. е. и в числе книг, и в том, что сделано доныне по части каталогов, окончено князем Одоевским с замечательным искусством и с отличающими его всегда тщательностью и высшею добросовестностью»[203]. Только благодаря постоянному контролю и руководству В. Ф. Одоевского удалось ввести «крепостную расстановку» по величине книг и составление шкафных описей (инвентаря) во всех отделениях[204].

Как видим, немалый вклад внес Одоевский в коллективный труд сотрудников Публичной библиотеки по организации фондов и каталогов.

В одном из писем к Корфу Одоевский раскрыл свой метод работы: «Во всяком деле я сначала математик и верю единственно тогда, когда а+в=а+в»[205]. Иными словами, в решении любого вопроса Одоевский стремился добиться ясности и достоверности.

Ему принадлежит первенство в применении упрощенного метода подсчета книг, основанного на математических вычислениях. Так, ревизуя отделения Библиотеки в 1854 г., для подсчета книг в отделениях, где не были завершены шкафные описи-инвентари, он использовал придуманную им математическую формулу: $x = c(fa, fb, fc...) + c'(f'a, f'b, f'c...) + c''(f''a, f''b, f''c)$, где x — искомая сумма томов, f — длина полок, c — число полок в шкафах, a b, c — различные количества книг на полках[206]. Формула применялась, в Библиотеке долгие годы.

Одоевский полагал, что определять наличие книг нужно по переплетам (или, как мы сейчас называем, по единицам хранения), а не по томам[207]. В результате его подсчетов оказалось в наличии 301 376 названий. До этой проверки не было известно действительное число книг, так как подсчет велся «на глазомерном» расчете, «гадательным» методом.

По предложению Одоевского вскоре после ревизии 1854 г. переписка каталогов в книги прекратилась во всех отделениях, кроме отделений истории и богословия[208]. Каталоги стали карточными.

Одоевский предлагал в будущем, «не стесняя библиотекарей частыми поверками», требовать от них в конце года «отчета о проделанной работе по форме ревизионного листа»[209]. По всей вероятности, это предложение было принято, так как в архиве не обнаружены материалы последующих ревизий.

В библиотечное дело Одоевский стремился ввести новую терминологию. Однажды он не без остроумия назвал каталог desiderata отрицательным каталогом[210]. Надо согласиться, что предложенный термин более точно определял сущность этого каталога. Однако непривычность термина и приверженность к традиции, идущей от немецкой библиотечной учености, помешали современникам Одоевского ввести в употребление термин *отрицательный* каталог.

Работа помощника директора Библиотеки не была легкой. Как писал Одоевский в одном из писем Корфу: «...иногда, признаюсь, была тяжеленька от Вас работа... не с первой минуты мы поняли друг друга»[211].

Загруженный работой в Публичной библиотеке и в Румянцевском музее, Одоевский, уже немолодой человек, выполнял еще множество всяческих поручений. После закрытия «Общества посещения бедных просителей» в 1855 г. его назначили председателем Комиссии по управлению Максимилиановской лечебницей, в 1859 г. он был избран в члены городского депутатского собрания, общником Академии художеств, председателем Комитета управления Крестовоздвиженскою общиною, членом Комиссии по введению единообразного каммертона и др.

Обычно Одоевскому поручалось представлять Библиотеку на торжественных заседаниях за рубежом. Так, в 1858 г. он принимал участие в юбилейном празднике в честь 300-летия Иенского университета, в 1859 г. в Веймаре выступил от имени Библиотеки на юбилейном торжестве в сотую годовщину рождения Ф. Шиллера.

Хотя все служебные и общественные поручения Одоевский выполнял в высшей степени добросовестно, порой все же он признается себе самому, что они его уже тяготят. 3 июня 1860 г. он записал: «Сегодня в заседании Думы мне предложили звание городского головы. Я отказался, — нет! уже состарился я для таких штук. Пора мне на покой; в будущем году — 35 лет службы. — Пора все оставить, и, пока не умер, — докончить разные мои ученые и литературные труды»[212].

Но тем не менее этот отказ не спас его от другой работы. В его записях читаем: «Между тем работа на меня сыплется без милосердия. Отказавшись от звания градской главы, я не мог отказаться от участия в Комиссии рассмотрения городских доходов и расходов, а это такое дельце, что хоть приготовь револьвер» [213]. Как

В. Ф. Одоевский в последний период работы в Публичной библиотеке (1860-е годы). (Гравюра Ф. А. Брокгауза)

писали современники, «в Петербурге он был гласным Общей Думы, и гласным, весьма много трудившимся» [214].

Окружающим даже казалось, что необычная многосторонняя деятельность Одоевского вредила ему самому. «Горюю и о том (как всегда горевал), что Вы так обременяетесь посторонним мелким делом и ничего в существе Вам не приносящим, — писал Корф 27 июля (8 авг.) 1860 г., — горюю не для себя и не для Библиотеки, где все, я уверен, течет своим порядком, а для Вас лично: Вы расходуетесь на мелкие деньги, Вы с Вашими талантами, знаниями, кипучею деятельностью. Да кто же, после этого годятся (?) у нас в крупную монету» [215].

Но Одоевский не мог заниматься долго одним делом, он должен был часто менять свои занятия. В своих заметках Одоевский признавался: «Мое преимущество и

мой недостаток, который поможет мне удовлетворить всем разнообразным требованиям моей жизни, есть то, что я не могу долго заниматься одним и тем же делом. Я устаю — и посреди одной работы начинают невольно в моей голове прорываться мысли другой, чаще весьма отдаленной от первой» [216].

Работая в Публичной библиотеке, Одоевский осуществлял свое жизненное кредо: «Нет труда, который бы полезно было делать кое-как, а в этом весь секрет» [217]. Именно за это, как уже неоднократно указывалось, Корф высоко ценил его деятельность. В 1855 г. он писал министру имп. двора: «Стоя на высокой степени по своему образованию и литературным достоинствам, он есть не только самый ревностный, но и самый полезный мне сотрудник во всех новых начинаниях по Библиотеке» [218].

В 1858 г. Корф писал, что считает Одоевского своей «правою рукою», что он «выходит из круга обыкновенных чиновников» [219] <...> «с тщательностью чернорабочего чиновника, поверяет и следит за всеми делами по весьма многосложной и дробной *счетной* ее части и вообще по ее делопроизводству» [220].

Прощаясь с Одоевским, покинувшим Публичную библиотеку в конце 1861 г., Корф писал ему: «Двенадцать лет нашего сотоварищества, наших ежедневных соприкосновений, не были, по крайней мере с моей стороны, омрачены ни одною минутою не только неудовольствия, но даже и какого-нибудь недоразумения, а это много значит» [221].

Владимир Федорович Одоевский отдал Публичной библиотеке более 15 лет своей жизни. Он активно участвовал в преобразовании Библиотеки не только из-за высокоразвитого чувства служебного долга, но из-за глубокого убеждения, что тем самым содействует осуществлению заветной мечты — развитию русской науки, промышленности, культуры и народного просвещения.

Глава III
Румянцевский музей

Много хлопот и тревог доставляло В. Ф. Одоевскому заведование Румянцевским музеем. Да и территориально Музей был не близко от Публичной библиотеки, где Одоевский бывал почти каждый день. Главный, или

большой дом Музея, в котором располагались коллекции, находился на набережной Невы (ныне набережная Красного Флота), а малый дом — на Галерной улице (ныне Красной улице).

В обязанность Одоевского входила забота «о сбережении домов Румянцевского Музеума и хранящихся в оном рукописей, печатных книг, карт, эстампов и прочего от пожаров, повреждения, утраты или расхищения» [1]. Кроме того, он должен был заботиться «о своевременном поступлении доходов с домов Музеума и, по возможности, об умножении оных для доставления средства улучшить и пополнить Библиотеку» [2].

Одоевский и в Музее стремился наилучшим образом выполнять все свои служебные обязанности, но встречался с огромными материально-техническими трудностями, связанными, главным образом, с состоянием домов Музея.

Румянцевский музей был основан 28 мая 1831 г. в Петербурге, через пять лет после смерти владельца — государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева. В Музее находились книги (32 012 и 213 редких старопечатных книг), собрания рукописей (965, из них 507 славянских), карты (590 единиц), собрание эстампов (4620 единиц), коллекции раковин и кораллов, минералов (13 713 штук), этнографическая коллекция (163 экз.), монеты, изваяния, картины [3], мраморная статуя Мира — работы Кановы [4].

Н. П. Румянцев и его единственный наследник — брат С. П. Румянцев пожелали, чтобы «пользование коллекциями» Музея «было распространено единственно на благородное юношество, воспитывающееся в военно-учебных заведениях» [5]. Но начальство последних отказалось от дара, мотивируя тем, что содержание коллекций не соответствует учебному процессу.

Тогда император передал Музей в подчинение Министерства народного просвещения. Управлялся Музей старшим библиотекарем без денежного вознаграждения, но с предоставлением бесплатной квартиры в здании Музея. Штат был малочислен. Кроме управляющего были еще два младших библиотекаря и помощник библиотекаря, он же — смотритель за домами.

Средства, отпускаемые министерством на содержание Музея, были более чем скудны. Для их экономии решено было присоединить Музей к Публичной библиотеке [6].

1 сентября 1845 г. Музей был передан в управление директора Публичной библиотеки. Уставом от 27 мая 1846 г. непосредственное заведование Музеем возлагалось на помощника директора Библиотеки с назначением особого за то вознаграждения.

С 12 июля 1846 г. заведовать Румянцевским музеем стал В. Ф. Одоевский.

Музей был открыт ежедневно с 10 часов утра до 3 часов дня. Обслуживал он посетителей и читателей «всех свободных состояний за исключением одетых непристойно»[7].

Частыми читателями Румянцевского музея или, как его еще называли, «Публичного музеума» были В. В. Стасов и Н. Г. Чернышевский. Последний, будучи студентом университета, помогал профессору славянских древностей и древнеславянского языка И. И. Срезневскому в работе над рукописями.

Посетителей и читателей было немного. Судя по отчету, например, за весь 1858 г. только 476 человек осмотрели коллекции Музея, а читателей было и того меньше — всего 214 человек, которым было выдано лишь 369 единиц[8].

Хотя Румянцевский музей посещался, главным образом, учеными из Академии наук и университета, нуждающимися в уникальных рукописях, правила пользования материалами были строги, как и в Публичной библиотеке[9]. Нужное для занятий сочинение читатели предварительно записывали в особую книгу. Их запрос удовлетворялся на следующий день. По специальному разрешению министра рукописи Музея иногда выдавались научным учреждениям, обществам и ученым.

Немало сделано было Одоевским по внутренней организации работы. Одоевский ввел в практику учет рабочего времени, вменив в обязанность каждого сотрудника записывать в специальном журнале сделанное за день, и ежедневно проверял этот журнал[10].

При Одоевском привели в порядок каталожное хозяйство Музея. В Музее была своя система каталогов. Иностранная часть фонда имела два каталога: систематический и алфавитный. Систематический каталог был построен по той же схеме, что и расстановка фонда, поэтому он мог выполнять и роль инвентарного («сдаточного») каталога. Алфавитный каталог русской части фонда до прихода Одоевского был запутан бесконечными приписками и в связи с этим труден для использо-

вания. Исходя из своей концепции, что «главное правило в библиотечном деле почерпать устройство и самую систему каталога из действительного состояния данной библиотеки» [11], Одоевский считал, что сравнительно небольшая русская часть библиотеки не должна иметь дробную систематическую расстановку, подобно иностранной части, и поэтому он разделил ее на 4 раздела: 1) старопечатные книги, 2) книги на славянских языках, 3) периодические издания и 4) книги по разным отраслям наук. Каталоги по каждому разделу составлялись в алфавите названий.

Имея большой опыт организации работы над каталогами в Публичной библиотеке, Одоевский использовал его и в Румянцевском музее и строго следил за тем, чтобы тщательно выполнялись все его указания по приведению в порядок каталогов.

Нерадивое отношение к делу вызывало у Одоевского резкий протест. Как-то, проверяя работу библиотекарей, он обнаружил непорядок в каталоге русских книг. Это так возмутило Одоевского, что он тут же сделал письменное распоряжение сотруднику, предупреждая его, что «ни по обязанности, ни по совести» не может более допускать «подобного пренебрежения к делу». «...Имейте в виду, — писал Одоевский, — что если каталог сей не будет в непродолжительном времени переписан как следует и принесен ко мне для осмотра, Вы меня вынудите просить Вас оставить службу по Музеуму» [12]. Такая строгость была необходима, ибо еще в середине 1850-х гг. в Музее были обнаружены 4 многостраничные рукописи, не отраженные в каталоге и не имеющие инвентарных номеров [13].

Немалое внимание уделялось Одоевским и сохранности фондов. Книги и рукописи, выданные читателю, заносились в «шнуровую книгу» под определенной датой, с указанием имени читателя, его звания и места жительства, а также имени дежурного, выдавшего материал.

О повышенном чувстве ответственности Одоевского за сохранность книг Музея красноречиво свидетельствует описанный им в дневнике от 26 мая 1860 г. случай мнимой пропажи одного тома материалов к биографии Николая I, которую переписывали писцы в Музее для французского библиографа Лакруа, работавшего над историей царствования Николая I [14].

Штат Музея был по-прежнему невелик: состоял всего из пяти человек. Служащих явно не хватало, но на

все просьбы об увеличении штатных единиц (даже дворников) император неизменно отвечал отказом.

Жалование служителей было мизерным. Об этом мы можем судить хотя бы по докладной записке Одоевского Корфу об увеличении окладов служащим Публичной библиотеки (22 янв. 1851 г.) [15]. Некоторые сотрудники вообще не получали жалованья, а вознаграждались за свои труды бесплатной квартирой в доме Музея.

Трудное положение сотрудников Музея скрашивалось заботливым отношением Одоевского. К своим непосредственным подчиненным он был всегда внимателен, старался всячески помогать им. Интересы служащих, особенно тех, кто проявлял любовь к делу, Одоевский отстаивал всеми способами [16].

Для пополнения бюджета Музея приходилось сдавать внаем квартиры не только в малом, но и в главном доме [17].

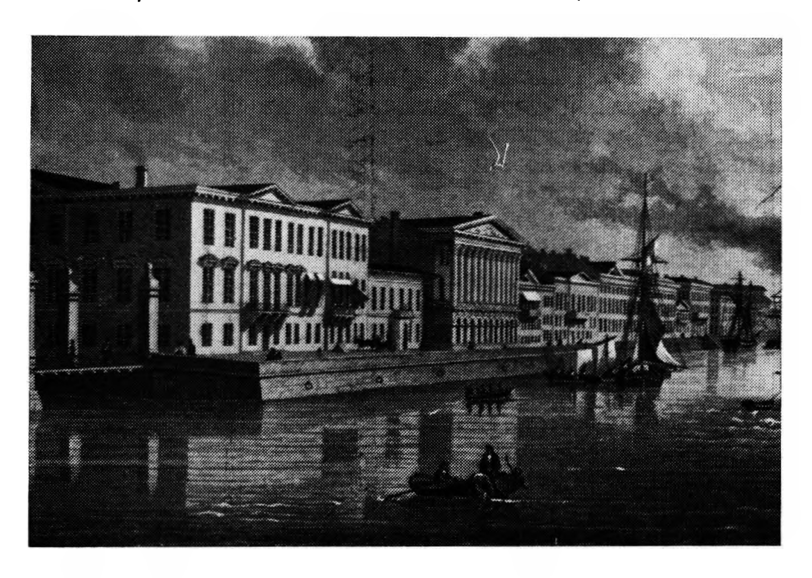
В архиве Публичной библиотеки сохранилось множество писем министру, а также договоров, заключенных Одоевским с квартиросъемщиками, свидетельствующих о стремлении заведующего как можно выгоднее сдать внаем помещения Музея. В главном здании квартиры и служебные помещения образовывали так называемый «слоеный пирог», что создавало реальную возможность для возникновения пожаров. Каким укором всем начальникам, от которых зависела судьба Музея, звучат строки официального Отчета Музея за 1848 г.: «Для крайних случаев несчастия заведены десять особых суконных и холщовых мешков для спасения драгоценнейших рукописей, хранящихся в Музеуме!» [18]

Особенно волновали Одоевского приходящие в негодность от долгой эксплуатации здания Музея. Главный дом Румянцевского музея на набережной Невы (ныне в нем помещается Музей города Ленинграда) куплен был в 1802 г., уже не новым, у английского купца Фомы Вари. Сам купец приобрел его еще в 1789 г. у англичанина Фарkварсамы. В 1824 г. дом был перестроен по проекту архитектора В. А. Глинки, получившего за него звание академика. После этого здание ни разу основательно не ремонтировали.

В 1850-х гг. положение Румянцевского музея было «чрезвычайно печально» [19], о чем образно писал В. В. Стасов: «Это был старый барский дом, запущенный и позабытый, состарившийся без поправок, словно старинный сад, когда-то светлый и чудесный, но где те-

перь все дорожки заросли и одичали, где разрослась дремучая зелень и где ходишь в густом мраке и унылом запустении...»[20]

Одоевский писал бесконечные справки о состоянии домов, записки с «описанием ветхостей и необходимых исправлений в домах Румянцевского Музеума»[21]. Но министерство неизменно отказывало в средствах.

Румянцевский музей (Английская набережная)

Администрация библиотеки отдавала должное деятельности Одоевского и признавала, что Музей «при крайней скудости средств, единственно его распорядительности и заботливости обязан тем, что может еще продолжать свое существование»[22].

Обеспокоенный бедственным положением Музея, Одоевский искал разные пути для пополнения бюджета. К сожалению, большинство его проектов не получили поддержки ни у директора Библиотеки, ни в министерстве.

В 1847 г. еще при директорстве Бутурлина Одоевский предложил издать «для прибыли» две рукописи Музея: «Песни, воспеваемые слепцами на торжищах» и «Статир». Первая рукопись — сборник стихов, распеваемых нищими около церквей и монастырей, создан

в 1790 г. Вторая — собрание поучений, сочиненных приходским священником в г. Орле. В своем прошении Одоевский подчеркивал, что издание этих рукописей «может принести материальную помощь Музеуму», а также увеличит «скудный запас памятников нашей древней литературы», а «Статир», кроме того, «освещает личность человека, ее написавшего, происходившего из крестьян и выбившегося при тогдашних препятствиях из невежества и темноты, в которой родился и жил...»[23] Эту рукопись, дающую яркое представление о «народной жизни, и о чем доныне мы имеем столь мало сведений», Одоевский предлагал издать на свои собственные деньги с возвращением их ему после продажи, а остальные разделить поровну между Музеем и сотрудниками, готовящими рукопись к печати во внеслужебное время. Но министра народного просвещения не привлекла мысль обнародовать идеи выбившегося из темноты простолюдина, и он не разрешил издать эти рукописи «по ограниченности суммы сего заведения»[24].

Обязанный ремонтировать не только здания Музея, но и мостовую около него на весьма скудные средства, Одоевский придумал широкие торцовые рельсы для колес вместо дорогостоящей сплошной торцовой мостовой, а в промежутках между ними оставил обыкновенную булыжную мостовую. Такое «приспособление» предохраняло здание от вредной тряски, производимой проезжавшим транспортом по булыжной мостовой, придавало ей «гладь и прочность»[25]. Здесь проявились характерные для Одоевского наблюдательность и изобретательность. Как-то, организуя выгрузку дров с баржи, он использовал для доставки дров с невской пристани вместо обычно употребляемых досок полосы из торцов. Это оказалось удобным и натолкнуло его на мысль применить их на мостовых. Устройство торцовых рельс вызвало одобрение Корфа. Он писал по этому поводу Одоевскому 30 июня (12 июля) 1860 г. из Висбадена: «Распоряжение по торцевой мостовой — прекрасно: и выгодные и покойные»[26].

В 1850 г. Одоевскому удалось убедить Министерство имп. двора продать малый дом и на вырученные деньги отремонтировать главный дом. Но на объявленных торгах давали такую низкую цену, что продажа не решала никаких ремонтных проблем. Одоевский полагал, что «единственная вероятность для возвышения ценности малого дома зависит от окончания нового через

Неву моста. Лишь тогда, как можно надеяться, при большем приливе народонаселения в сей части города, выгодность устройства в оной магазинов, лавок, амбаров сделается ясной для покупщиков и будет содействовать к возвышению цен на дома в сей местности»[27]. В поисках выхода из создавшегося тупика Одоевский предложил разыграть в лотерею малый дом. Но высшее начальство просьбу оставило без ответа[28].

В одной из очередных докладных Корфу (от 13 марта 1850 г.) он написал, что такую мучительную борьбу «при управлении казенным заведением» не испытывал никто[29]. Но чувство долга заставляло Одоевского продолжать «мучительную борьбу» и искать новые пути спасения Музея.

С целью увеличения средств Одоевский выдвинул в 1851 г. идею предложить императору учредить акционерное общество «Компания дешевых квартир». На проданные акции купить дом, оборудовать его «новейшими усовершенствованиями относительно воды, топки», «иметь в сем доме *общую кухню* (*не* table d'lote) (не общий стол — *О. Г.*) с определенною таксою». Цена квартир от 1 руб. серебром до 60 руб. Одоевский предлагал продать 800—1000 акций по 100 руб. На эти деньги купить малый дом Музея (за 50 тыс. руб.), остальную сумму потратить на ремонт и приспособления для квартир. В письме к Корфу (19 февр. 1851 г.) он сетовал, что никто не поверит, что эта «мысль *моя* и почерпнута мною из наблюдений чисто русских над бытом нашего бедного класса», а заподозрят заимствование у «социалистов»[30]. Эту идею Корф отверг сразу же. В ответном письме к Одоевскому он в первую очередь подчеркнул политическую окраску дела: «Мысль Вашу, сколько бы я не признал ее счастливою до февраля 1848 г. (т. е. до революции в Европе — *О. Г.*), *теперь,* по моему мнению, провести невозможно, во 1-х, по самому ее свойству, на которое и Вы указываете... и, во 2-х, потому, что его величество никогда не согласится, ...а консерваторы наши возопят не *хуже, чем при Петре* Великом за бороды». И сам Корф сомневался в целесообразности создания акционерной компании «в связи с интересами Музеума», что, по его мнению, «приняло бы вид необычной странности»[31].

Стасов был убежден, что Корф считал Музей «осужденным на неизбежный застой и гибель»[32]. Ему удалось убедить Николая I, предложившего в 1851 г. перевести

все материалы Румянцевского музея в Публичную библиотеку и поместить их в особом отделении под названием «Румянцевского», не делать этого[33]. Отношение к Румянцевскому музею со стороны начальства было всегда, по выражению Стасова, «чисто формальное, лишенное всякой симпатии и уважения. Это было нечто вроде отношения равнодушной мачехи к нелюбимой падчерице»[34]. Для директора Библиотеки основная забота была о Библиотеке, что им и не скрывалось. «Нет, любезный князь, — писал он Одоевскому, — при всем желании моем быть угодным Вам и полезным Музеуму, эта мысль кажется мне недоступною, потому что потребовала бы миллиона, или по крайней мере многих сотен тысяч... Настоятельная же нужда теперь не для Музеума, а для библиотеки, где уже негде помещать читателей, ...и сильно и глазно ропщущих»[35].

Библиотека старалась «сбыть» в Музей все «непрофильные» предметы[36]. Вместе с тем Корф мечтал под любыми предлогами «временно» забрать из Румянцевского музея все отсутствующие в Публичной библиотеке книги о России. В полушутливом тоне он писал Одоевскому (5 авг. 1852 г.): «...какой бы придумать благовидный не только перед публикою, но и перед совестью, предлог по тому, чтобы ограбить Румянцевский музеум? Там нумеров 200 иноязычных книг о России, которых нет в Библиотеке, и которых двух третей или и более нигде уже достать невозможно...»[37]

Способ был найден: 150 книг по акту «для удобства пользования» передали в Публичную библиотеку. Часть из них была возвращена (те, которые удалось заменить покупкой), а те книги, которые не удалось восстановить на книжном рынке, долго еще оставались в коллекции «Россика», и только в 1863 г. все было возвращено в Музей.

Бесполезные, ничего не приносящие хлопоты по спасению Румянцевского музея порой приводили Одоевского в полное отчаяние. 7 октября 1857 г. он записал в дневнике: «Чем больше смотрю я на мой бедный Музеум, тем больше горе меня берет. Не может он оставаться в настоящем положении; надобно из него выйти во что бы то ни стало. Вот уж и богиня Мира Кановы, придавив дряхлеющий пол, *отклонилась от прямой линии,* может быть, еще постоит как башня в Пизе, а может быть, рухнет сию минуту»[38].

Обессиленный борьбой за сохранение Музея или, как он писал в своем дневнике: «С 1846 года я истощаю тщетно мое красноречие изустное и письменное о мерах для сохранения Музеума»[39], Одоевский с горечью писал Корфу: «...я ищу места, ибо, дожив до 55 лет, никогда от дела по моим силам не отказывался, но за то никогда на дело не напрашивался. Но здесь иное... людей нельзя держать в постоянном трепете...»[40]

В апреле 1860 г. Одоевский подал специальную записку, в которой вновь перечислил все недостатки зданий и предложил несколько вариантов выхода из создавшегося положения. Продать здания Румянцевского музея, на вырученные деньги приобрести в Москве дом, расположить в нем все коллекции, положив таким образом основание Московской публичной библиотеки. Если такой путь решения музейного вопроса не угоден, то передать Музей с сохранением его наименования и надписи на фронтоне — «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение» одному из ученых обществ: географическому или археологическому. И, наконец, третий вариант — ассигновать взаимообразно деньги для капитального ремонта. В результате была организована особая комиссия в составе генерал-майора П. И. Палибина, полковника А. К. Красовского, А. Кракау, А. Г. Ухтомского и В. И. Собольщикова, возводившего тогда в Публичной библиотеке новый читальный зал. Комиссия, осмотрев в мае 1860 г. дома Музея, нашла их состояние крайне неудовлетворительным. В заключении комиссия высказала мнение, что сохранить Музей можно только продажей малого дома, а на вырученные деньги капитально отремонтировать главный дом. Если денег не хватит, то согласиться с предложением Одоевского — продать оба дома Румянцева, купить дом в Москве, передать туда коллекции и тем самым основать Московскую публичную библиотеку. Комиссия резко отрицательно высказалась против предложения Одоевского о передаче Музея в географическое или археологическое общества, ибо у них также нет достаточных средств для поддержания в порядке музейных домов. Со своей стороны комиссия предложила, как «простейшее и удобнейшее средство», передать рукописи и книги Румянцевского музея в Публичную библиотеку, поместив их в особом отделении, с названием «Румянцевское», а коллекции монет передать в Эрмитаж, сохранив и здесь за коллекцией название «Румян-

цевская». Оба дома Музея продать, а деньги использовать на нужды просвещения. В июле 1860 г. заключение комиссии поступило на рассмотрение в Управление Библиотеки. Одоевский отрицательно отнесся к предложению комиссии. Он записал в своем дневнике (16 июня): «Сегодня я имел свидание с кн[язем] Оболенским, одним из главных действующих лиц в Строительной конторе. Их мысль просто ни на что не похожа, а именно: 1) Музеум раздробить: книги и рукописи в Библиотеку, картины, монеты, минералы (!) в Эрмитажный Музеум. След[овательно] и название Румянцев[ского] Музеума уничтожится. 2) Дом продать и деньги отдать в Министерство Народного Просвещения (!!!) под тем предлогом, что Румянцев назначил свое приношение — на *просвещение* вообще. Разумеется, что я против этого и руками и ногами (дело идет пока на словах) и мой *контрпроект* следующий:

1) Музеум сохранить в его *полном составе,* согласно воле дарителя...

2) Здание Музеума продать (контора полагает, что можно взять 200 тысяч) и купить дом *Балабина.* По сему 2-му пункту Собольщиков дал мне славную мысль: купить дом Балабина не за капитал раз внесенный, но за *ежегодный платеж* определенной суммы» [41].

Но проекту не суждено было осуществиться, ибо этому препятствовало не только Министерство имп. двора, но и сам Корф, писавший Одоевскому (27 июля 1860 г.): «Дело о Румянцевск[ом] музеуме остается весьма трудным». Он решительно отвергает предложение о передаче в Публичную библиотеку книг и рукописей из-за недостатка в нем места «и для своего добра» [42].

Случилось так, что в это время в Петербург к князю Д. А. Оболенскому приехал генерал-майор Н. В. Исаков, попечитель московского учебного округа, который одной из главных своих задач считал создание в Москве публичной библиотеки наподобие петербургской. Вот что он рассказывал: «Летом 1860 г. я был в Петербурге... Остановился у князя Дмитрия Оболенского... Когда я приехал, его не было дома; на столе лежали толстые тетради, взглянув на которые я увидал, что это какие-то мемории, представленные бар. Корфом и князем Одоевским о положении Румянцевского Музея. В них говорилось, что теперь, когда имеется Публичная библиотека и великолепный музей Горного института, Румянцев-

ский Музей никто не посещает, что дом разрушается и что далее его не только поддерживать, но и топить нельзя; затем шли предложения — не следует ли его расчленить: библиотеку отдать в Публичную, а собрание минералов в Горный институт, или библиотеку перенести в Москву и там положить ее в основание Публичной. Я остановился над этим планом и стал работать над его осуществлением»[43]. Исаков обратился ко всем, кто, по его мнению, мог быть полезен в осуществлении этого плана. Он написал письмо императрице, докладные записки министрам народного просвещения и императорского двора. В докладной записке министру народного просвещения (7 дек. 1860 г.) Исаков критикует все варианты решения проблемы о дальнейшем существовании Румянцевского музея, кроме одного — перенесения его в Москву[44].

В августе 1860 г., когда в Москве «спали и видели», по выражению Одоевского, «учредить Публичную Библиотеку», продав дома Румянцевского музея, «на эти деньги устроить Публичную библиотеку в Пашковском доме», «перевести туда и Университетскую библиотеку», С. А. Соболевский советовал Одоевскому написать письмо в Москву, Н. В. Исакову, с преложением перевести коллекции Музея[45]. «...Но, — как писал Одоевский, — между мною и таким письмом все-таки стоит привидение: *Балабинский дом»*.

Дом Балабина (ныне административное здание Публичной библиотеки), используемый для сдачи квартир внаймы, примыкал к основному книгохранилищу Библиотеки. Это обстоятельство очень тревожило администрацию Библиотеки, мечтавшую найти возможности приобрести дом для нужд Библиотеки. Одоевский неоднократно предлагал Корфу продать два дома, принадлежащие Румянцевскому музею, и на вырученные деньги купить дом Балабина. «Если управление Библиотеки, — писал он Корфу, — выпустит из своих рук 250 т., которые можно получить за Музеумские дома, то *где* и *когда* найдутся средства для приобретения этого Балабинского чирья, который въелся в наше прекрасное учреждение?..»[46]

Но Корф поддерживал идею перевода коллекций Музея в Москву и об этом прямо говорил в своем представлении министру от 31 декабря 1860 г.: «1) все Румянцевские коллекции передать в ведомство министерства народного просвещения для перемещения их в не-

раздельном составе в Москву. 2) принадлежащие в Петербурге Румянцевскому Музеуму дома продать с публичного торга или по вольным ценам. 3) из вырученной суммы 100 000 перевезти *в Москву* нераздельно с самим музеумом, а остальную употребить: а) на приобретение драгоценной коллекции Фирковичей, которые, без сомнения, сделают уступку из запрошенной цены 175 000 рублей [47], б) на приобретение другой еще, весьма также драгоценной и, можно сказать, единственной в мире коллекции купца Каратаева [48], за которую он просит 10 000 рублей и имеет уже предложения от Британского музеума на 9 500 рублей, и в) на издание в свет некоторых каталогов императорской Публичной библиотеки [49], долженствующих принести огромную пользу науке и славу самой России, на которых издание было до сих пор останавливаемо совершенным отсутствием всяких к тому средств» [50]. В этом же документе Корф ошибочно утверждал, что «перевод Румянцевского музея... не только не произведет никаких неблагоприятных пересудов в публике, но, напротив, встретит общее сочувствие» [51]. И он был немало удивлен, когда ученые и студенты подняли свой голос в защиту Румянцевского музея, требуя оставить его в Петербурге. Он недоумевал в письме к Одоевскому (4 марта 1861 г.): «Не понимаю и того, откуда и между кем взялось вдруг такое общее участие в судьбе музеума, до сих пор так мало занимавшего собой и ученых и Петербургскую любознательность!» [52] А несколькими днями позже (7 марта) тому же адресату сообщал: «...была в Университете студенческая сходка, на которой решено ходатайствовать — об оставлении Румянцевского музеума в Петербурге. Что они в этом смыслят и кто из них даже и бывает в Музеуме?..» [53]

Он еще тогда не знал, что возглавил всю эту компанию протестов его ближайший сотрудник В. В. Стасов. Видные петербургские ученые — А. Х. Востоков, Н. Н. Булич, Н. М. Благовещенский, А. И. Вицын, К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров, В. И. Ламанский, П. П. Пекарский, А. Н. Пыпин, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов и В. В. Стасов написали коллективное заявление-протест, который заканчивался следующими словами: «Нарушение прав Петербурга на один из его лучших исторических памятников было бы невознаградимою потерею для здешних исследователей русской истории и древности». Цензура не разрешила

опубликовать заявление в самой распространенной тогда газете — «С.-Петербургских ведомостях», мотивируя недопустимость действий «скопом». Но и заявления от отдельных лиц, направленные в различные газеты, также не получили цензорского разрешения. Стасов искал всяческие пути воспрепятствовать переводу Музея в Москву. Узнав, что вопрос о Музее будет обсуждаться в Комитете министров, Стасов написал специальную записку на имя вел. кн. Константина Николаевича. В числе многих аргументов Стасов приводил следующий: «Румянцевский музей известен всей Европе. И вдруг, в один прекрасный день, он вытерт вон, как резинкой. Какой пример и наука будущим патриотам, когда они будут знать, что у нас нет ничего твердого, ничего прочного, что у нас все что угодно можно сдвинуть, увезти, продать!» [54]

Несмотря на противодействие некоторых петербургских ученых, министр имп. двора внес записку Одоевского в Комитет министров, который после двукратного обсуждения вопроса признал, с одной стороны, невозможность дальнейшего оставления Румянцевского музея в занимаемых им помещениях без капитальных исправлений, на которые Музей не имеет никаких средств, а с другой — весьма желательным и вполне соответствующим целям завещания перенесение всех румянцевских коллекций в Москву для учреждения там публичной библиотеки и музея. Комитет отказал Публичной библиотеке выделить деньги из суммы, полученной от продажи домов, для покупки коллекций, на что, как мы уже знаем, рассчитывал Корф, так как приобретения для Публичной библиотеки являлись «совершенно чуждою для Румянцевского музея надобностью». Деньги эти решено было употребить на устройство и содержание Музея в Москве. С 1 по 31 июля 1861 г. в Москву было отослано 346 ящиков и 376 мест с материалами Музея.

22 июня 1861 г. Одоевский записал в своем дневнике: «Бар[он] Корф принял во мне участие с истинно дружеским радушием. И гр. Адлерберг спрашивал его: „Что мы сделаем с кн. Одоевским?“. Довольно трудный вопрос, на который и я не знаю, как ответить. Мое главное дело сделано: Музеум обезопасен от верной и неминуемой гибели. А со мною, что будет, то и будет, авось не останется втуне моя 16-летняя должность верной собаки при Музеуме. Хотелось бы мне в Москву — нет

при нашей скудности никакой возможности жить долее в Петербурге. Nous viellissons et nous nous ruinons (Мы стареем и разоряемся)»[55].

1 августа 1861 г. В. Ф. Одоевский был уволен от должности заведующего Румянцевским музеем. «До окончательного же решения Вашей участи, — писал Корф Одоевскому 6 августа, — позвольте мне иметь честь продолжать считать Вас моим помощником...»[56]

8 ноября 1861 г. Одоевский получил официальное назначение сенатором в Москву в один из московских департаментов правительствующего Сената. 9 ноября он записал в дневнике: «Уморительно, как не понимают, что можно оставить Петербург и желать московского уединения, и все добиваются причины, отчего я просился в Москву. Я отвечаю, что там у меня две богатые тетки, одна на Арбате, другая на Поварской, за которыми надобно ухаживать»[57].

Он покидал Петербург, в котором прожил более 35 лет, без сожаления: «...я переношусь в климат более благоприятный для меня уже потому, что я в нем родился»[58].

В Москве начинался новый и последний этап жизни В. Ф. Одоевского, о котором должна идти особая речь.

Скажем только, что в последние годы жизни В. Ф. Одоевский интересовался вопросами тюремной реформы, увлекся стенографией, написав «Руководство к постепенному изучению русской скорописи», много времени уделял русской музыке.

История петербургского периода Румянцевского музея весьма поучительна. С одной стороны, она ярко иллюстрирует бессилие, беспомощность, а может быть, и нежелание правительственных органов создать нормальные условия для деятельности культурных учреждений. С другой стороны, она свидетельствует о высоком «патриотическом чувстве хранителя отечественных редкостей», об его ответственности за порученное дело, о глубоком понимании значения культурных ценностей и горячем стремлении не только их сохранить, но и сделать доступными для широких кругов читающей публики.

После смерти В. Ф. Одоевского, последовавшей 27 февраля 1869 г., в состав Румянцевского музея вошла личная библиотека ее петербургского заведующего. Она насчитывала 5890 томов. Так посмертно связал

свою судьбу Одоевский с Румянцевским музеем, ныне находящимся в составе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — национальной библиотеки его любимой Родины.

Заключение

Мы попытались раскрыть библиотечную деятельность Владимира Федоровича Одоевского, используя главным образом архивные источники. В официальном печатном отчете Публичной библиотеки за 1861 г. писалось: «С 1846-го года князь Одоевский состоял в должности помощника и участием своим в управлении и хозяйственных распоряжениях много способствовал преуспеянью Библиотеки»[1]. Это слишком лаконично и слишком скромно.

Документы свидетельствуют, что ни одно нововведение, ни одно преобразование, начиная с составления должностных инструкций бухгалтеру и кончая строительством нового читального зала, не проходило без непосредственного руководства и контроля Одоевского.

В значительной степени благодаря усилиям Одоевского комплектование Библиотеки, особенно иностранными книгами, было подчинено интересам развития русской науки, промышленности, транспорта, просвещения.

Ему принадлежит идея тесной зависимости внутреннего распорядка Библиотеки (системы каталогов, расстановки фондов, организации обслуживания) от назначения самой библиотеки.

Благодаря настойчивости и требовательности Одоевского в Библиотеке много было сделано по созданию системы каталогов, разумной и экономичной расстановке фондов, более правильной организации труда библиотекарей. Впервые в русской библиотечной практике Одоевский ввел нормы на некоторые библиотечные процессы.

Прилагая усилия к усовершенствованию обслуживания читателей библиотечной книгой, Одоевский прежде всего пекся о процветании Родины и о просвещении своего народа.

Жизнь Одоевского — постоянный труд, которому он отдавался всем сердцем и душой, исполняя его максимально добросовестно. Радость жизни он находил только в исполнении своего служебного долга, забывая порой собственные интересы.

Владимир Федорович Одоевский был ярким представителем русского просветительства, которое, по определению В. И. Ленина, характеризуется ненавистью к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях, верой в просвещение. Но в отличие от революционеров-демократов он полагал, что все эти изменения придут путем монарших реформ.

Антикрепостнические настроения Одоевского были широко известны.

Для Одоевского, как и для всех представителей передовой русской общественности, главным был вопрос о судьбах миллионов крепостного крестьянства. Симптоматично, что накануне крестьянской реформы 1861 г. (15 января) Одоевский получил письмо генерального секретаря Африканского института по борьбе с рабством и работорговлей с сообщением об избрании его почетным президентом института [2].

19 февраля 1861 г. — день освобождения крестьян — Одоевский отметил как национальный праздник. «Этим днем, — писал он, — заканчивается древняя история России и начинается новая» [3].

Но лелеемые им идеалы равенства, братства, всеобщего просвещения разбивались о жестокую действительность.

Прошлое не исчезает, оно продолжает существовать. В ныне работающих библиотекарях Публичной библиотеки живут труд и деяния тех, кто жил и работал до нас. Результаты наших дел оценят другие. Будущее поколение сможет работать благодаря нашему труду, улучшая и умножая полученное наследство.

С глубоким уважением и признательностью мы относимся к памяти скромнейшего, талантливого человека, который немало в жизни отдал и библиотечному делу.

В Москве, в некрополе бывшего Донского монастыря, два могильных надгробия, огороженных низкой решеткой. Здесь похоронены В. Ф. Одоевский и его жена. Эпитафией на могильной плите могли бы быть его слова: «Не умирает сотворенное мною, но живет в других жизнью бесконечною» [4].

Живы до наших дней и деяния Одоевского в мире книг. «Книги — ближайшие собеседники и друзья его» [5], — слова эти, сказанные при погребении, точно определили значение книги в жизни В. Ф. Одоевского.

Примечания

К ПРЕДИСЛОВИЮ

1 Кони А. Ф. Князь Владимир Федорович Одоевский: (Речь на публ. заседании Акад. наук 16-го нояб. 1903 г.). — В кн.: Очерки и воспоминания: (Публ. чтения, речи, статьи и заметки). Спб., 1906, с. 48.
2 Стасов В. В. Румянцевский музей: История его перевода из Петербурга в Москву. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 3, стб. 1688.
3 Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914, с. 179, 180, 204, 235, 260, 265—267.
4 История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: (К 150-летию б-ки. 1814—1964). Л., 1963, с. 52, 53, 64, 72.
5 Один экземпляр был преподнесен М. А. Корфу, второй хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Статья была перепечатана в журн.: Ист. вестн., 1889, № 10, с. 70—92; № 11, с. 296—315.
6 Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия: Дневник. — Лит. наследство, 1935, т. 22/24, с. 238.
7 Имп. Публичная библиотека.., с. 180.
8 Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей и редких книг, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 95, л. 5—6 об. (Далее: ГПБ, ОРиРК).
9 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 74, л. 21.
10 Там же, ед. хр. 35.
11 Там же, ед. хр. 48, л. 59—59 об.
12 Там же, ф. 380, ед. хр. 387, л. 25.

К ГЛАВЕ I

1 Цехновицер О. Силуэт. — В кн.: Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л., 1929, с. 59.
2 Как писал Г. А. Власьев в книге «Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий» (Спб., 1906, т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1, с. 102): «1869, 27 февраля, род князей Одоевских пресекся».
3 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/8, л. 1.
4 Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. — В кн.: Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1956, т. 1, с. 324—328.
5 Белинский В. Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского. — Полн. собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 322—323.
6 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 95, л. 72.
7 Центральный Государственный исторический архив СССР, ф. 772, т. 1, ч. 1, 1840, ед. хр. 1351, л. 3. (Далее: ЦГИА СССР). Прошение на имя управляющего Министерством внутренних дел

А. Г. Строганова написано рукою Одоевского и подписано еще тремя его товарищами — Энесольмом, Поповым и Заблоцким.

[8] Там же, л. 2.

[9] Там же, л. 3 об.

[10] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 9, с. 302.

[11] Там же, т. 6, с. 682.

[11а] Там же, т. 9, с. 301.

[12] Из переписки князя В. Ф. Одоевского: Письмо Н. А. Некрасову от 10 янв. 1860 г. — Рус. старина, 1904, № 8, с. 439.

[13] Цехновицер О. Силуэт, с. 47.

[14] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 16, л. 75 об.

[15] Цит. по кн.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913, т. 1, ч. 1, с. 308.

[16] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год. Спб., 1896, прил., с. 71.

[17] Цехновицер О. Силуэт, с. 40.

[18] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 46, л. 60 об.

[19] Одоевский В. Публичные лекции профессора Любимова. М., 1868, с. 21.

[20] Там же, с. 21—22.

[21] Цит. по статье: Некрасова Е. Писатели для народа из интеллигенции: Очерк первый. Князь Владимир Федорович Одоевский. — Сев. вестн., 1892, № 2, с. 158.

[22] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1874, кн. 1, стб. 285.

[23] Лезин Б. А. Очерки из жизни и литературной деятельности князя Владимира Федоровича Одоевского. Харьков, 1907, с. 28.

[24] Муханов Н. А. — в то время товарищ министра народного просвещения.

[25] Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 134.

[26] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского: Наброски и заметки. — Рус. арх., 1874, № 7, кн. 2, стб. 48.

[27] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16—16 об.

[28] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского: Наброски и заметки. — Рус. арх., 1874, № 7, кн. 2, стб. 46.

[29] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского: К истории русской цензуры. — Там же, стб. 21.

[30] Там же, стб. 28.

[31] Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 146.

[32] Там же, с. 147.

[33] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 21, л. 20—21.

[34] Там же, л. 19 об.

[35] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1874, кн. 1, стб. 287.

[36] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 74, л. 83.

[37] Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты / Под ред. В. В. Каллаша. М., 1912, с. 37.

[38] Тимирязев Ф. И. Князь В. Ф. Одоевский. — В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском: Заседание О-ва любителей рос. словесности, 13 апреля 1869 г. М., 1869, с. 74.

[39] Соболевский С. А. Эпиграммы.., с. 36.

[40] В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 62.

[41] Бумаги князя В. Ф. Одоевского: (Разобраны и описаны И. А. Бычковым). Спб., 1887, с. 28—29.

42 Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 148—149; Боцяновский В. Князь В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в Петербурге. Спб., 1899, с. 1—2.

43 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 96, л. 99—100.

44 Князь Владимир Федорович Одоевский: Письмо к С. И. Лапшину. — Рус. старина, 1892, № 4, с. 137.

45 Лезин Б. А. Очерки из жизни и литературной деятельности.., с. 93.

46 Кошелев А. И. Вступительное слово председателя Общества Российской словесности. — В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 7.

47 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 95, л. 12 об. — 13 об.

48 См.: Справочный энцикл. словарь. Спб., 1847, т. 6, с. 790—791; Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Спб.: Ф. Толль, 1864, т. 2, с. 522.

49 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 21, л. 18 об.

50 Там же, ед. хр. 35, л. 160.

51 Кстати, Н. А. Некрасов опровергал мнение, будто стихотворение было направлено лично против Одоевского (см.: Из переписки князя В. Ф. Одоевского: Письмо Н. А. Некрасова от 10 янв. 1860 г. — Рус. старина, 1904, № 8, с. 440—441).

52 Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1874, кн. 1, стб. 308.

53 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 95, л. 30.

54 Там же, л. 11.

55 Там же, л. 26.

56 Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 107. После смерти отца Одоевский должен был заплатить около 100 тыс. руб. долга и жить, как он писал, «одними... трудами!» — ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, 1838, ед. хр. 1046, л. 17 об.

57 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 386, л. 5—5 об.

58 Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 96, л. 55.

59 Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 133.

60 Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архив, 1852, ед. хр. 25, л. 119 об. — 120. (Далее: Арх. ГПБ).

61 Цит. по статье: Сахаров В. И. О жизни и творчестве В. Ф. Одоевского. — В кн.: Одоевский В. Ф. Соч. в 2-х т. М., 1981, т. 1, с. 27.

62 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/4, л. 3—4.

63 Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 25, л. 34.

64 ГПБ, ОРиРК, ф. 356, ед. хр. 287, л. 1 (из письма Е. П. Ковалевскому от 23 апр. 1861 г.).

65 Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 25, л. 73

66 Воспоминания Юрия Арнольда. М., 1892, вып. 2, с. 199.

67 Koeniq. Literarishe Bilder aus Russland. Stuttgard und Tübingen, 1837, S. 210—211.

68 Воспоминания Юрия Арнольда. М., 1892, вып. 2, с. 199.

69 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/4, л. 4—5. О своей «чернорабочей жизни» Одоевский говорил неоднократно. Проследим служебный путь Одоевского до его назначения в Публичную библиотеку. В 1826 г. он поступил на государственную службу и служил до последнего часа своей жизни. В Министерстве внутренних дел Одоевский работал в Комитете цензуры иностранной,

участвовал в пересмотре цензурного устава (1828 г.), был столоначальником в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий и библиотекарем (1828—1839 гг.), работал в Комитете для составления правил о производстве следствий (1833 г.), был членом Департамента государственного хозяйства и публичных зданий (1833 г.), работал в Комиссии по приведению в единообразие российских мер и весов (1835 г.), долгое время состоял редактором журнала «Сельское обозрение», издаваемого Министерством внутренних дел (с 1837 г.), с 1838 по 1861 г. — член Ученого комитета Министерства государственных имуществ, с 1840 г. работал во II Отделении собственной его императорского величества канцелярии. Одновременно Одоевский выполнял множество частных заданий министра.

70 В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 75.

71 Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский: Лит.-биогр. очерк в связи с личными воспоминаниями. Спб.. 1880, с. 25—26.

72 В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 93.

73 Панаев И. И. Литературные воспоминания.., с. 150.

74 Соболевский С. А. Эпиграммы.., с. 73.

75 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 387, л. 4.

76 Там же, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 1473, л. 12.

77 Там же, оп. 1, ед. хр. 95, л. 38.

78 Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1874, кн. 1, стб. 359.

79 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 95, л. 72.

80 Цехновицер О. Силуэт, с. 54.

К ГЛАВЕ II

1 Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 33, л. 6.

2 Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы 9 июня 1867 г. Спб., 1867, с. 160.

3 Из бумаг князя В. Ф. Одоевского: К истории русской цензуры. — Рус. арх., 1874, кн. 2, стб. 25.

4 Барону Модесту Андреевичу Корфу.., с. 160.

5 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 80, л. 242.

6 Одоевский В. Ф. Психологические заметки. — Соч. в 2-х т. М., 1981, т. 1, с. 282.

7 Цит. по кн.: Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский.., с. 39.

8 Одоевский В. Ф. 4338 год: Петербургские письма. — В кн.: Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1959, с. 418.

9 Там же, с. 447.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

13 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 21, л. 21 об. — 22.

14 Там же, ед. хр. 21, л. 16.

15 Цит. по кн.: Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский.., с. 37.

16 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16.

17 Там же, ед. хр. 36, л. 53 об.

18 Одоевский В. Ф. Недовольно. М., 1867, с. 14.

19 Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 156—157.

20 Из переписки князя В. Ф. Одоевского: Письма и записки А. Н. Оленина. — Рус. старина, 1904, № 7, с. 154. См. также: Панаев И. И. Литературные воспоминания.., с. 141; ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 85. С Д. П. Бутурлиным Одоевский был знаком домами (см.: ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 295).

[21] Из письма Д. П. Бутурлина министру народного просвещения от 4 июля 1846 г. явствует, что, выполняя предписания министра «приискать и представить... к определению в должность помощника директора» (Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 30, л. 2), Бутурлин предложил Одоевскому быть своим помощником, и тот согласился (Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 33, л. 4).
[22] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/4, л. 10.
[23] Там же, ед. хр. 11, л. 229 об. — 230.
[24] Там же, л. 230.
[25] Там же, ф. 380, ед. хр. 384, л. 35.
[26] Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 96, л. 53. После ухода Одоевского библиотека пришла в запустение. Даже министр народного просвещения вынужден был признаться, что иностранные книги, «хранящиеся с давних времен в сем Комитете», неизвестно кому принадлежат. Он с удовольствием удовлетворил просьбу Публичной библиотеки и в 1858 г. дал распоряжение передать «счетом» Библиотеке 10 591 том иностранных книг, «удержанных в цензуре с 1815 по 1854 год». (Арх. ГПБ, 1857, ед. хр. 30, с. 39—39 об.).
[27] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/10, л. 28.
[28] Арх. ГПБ, 1843, ед. хр. 19, л. 22.
[29] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 100, л. 119.
[30] Там же, ед. хр. 107, л. 40—40 об.
[31] Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1689.
[32] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 297, л. 65—65 об.
[33] Там же (все дело).
[34] Там же, л. 3.
[35] Там же, л. 27, 28, 29.
[36] Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 15, л. 17.
[37] Там же, ед. хр. 107, л. 714.
[38] Там же, ед. хр. 15, л. 121, 125.
[39] Там же, ф. 380, ед. хр. 297, л. 51.
[40] Там же, л. 72 об.
[41] Там же, ед. хр. 298, л. 15.
[42] Там же, ед. хр. 295, л. 9.
[43] Там же, ед. хр. 296, л. 4.
[44] Там же, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 626, л. 24 об.
[45] Там же, ф. 380, ед. хр. 298, л. 21—21 об.
[46] Там же, ед. хр. 296, л. 2.
[47] Там же, ед. хр. 297, л. 7.
[48] Там же, л. 28.
[49] Там же, ед. хр. 296, л. 30.
[50] Там же, ед. хр. 298, л. 4; ед. хр. 296, л. 57.
[51] Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 30, л. 20 об.
[52] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 296, л. 63.
[53] Там же, ед. хр. 298, л. 37.
[54] Там же, л. 27.
[55] Там же, ед. хр. 300, л. 11.
[56] Там же, л. 18.
[57] Там же, ед. хр. 298, л. 8.
[58] Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 33, л. 32—33.
[59] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 300, л. 15.
[60] Там же, ед. хр. 301, л. 33 об.
[61] Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 31—36.
[62] Там же, л. 3, 4.
[63] Там же, ед. хр. 41, л. 130.

64 Там же, ф. 380, ед. хр. 34, л. 1—5 об. В 30-х гг. здание Библиотеки и собрание русских книг страховались, но так как иностранные книги и особенно рукописи не поддавались оценке, то по решению Комитета министров в 1844 г. страхование было прекращено.
65 Там же, ед. хр. 385, л. 3 об. — 4.
66 Там же, ед. хр. 301, л. 132.
67 Победоносцев К. Еще на память о князе В. Ф. Одоевском. — В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 81.
68 Арх. ГПБ, 1853, ед. хр. 8, л. 80—81 об.
69 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 386, л. 2 об.
70 В русском обществе неоднократно поднимался вопрос о необходимости учреждения в Москве публичной библиотеки. Обычно инициаторами выступали московские ученые, которые находили сочувствие и поддержку в Петербурге. Не случайно еще в августе 1846 г. директор Публичной библиотеки Д. П. Бутурлин, обращаясь к министру народного просвещения, писал: «Древняя столица наша Москва доселе не имеет у себя Публичной Казенной Библиотеки — и если бы в ней учредить таковое общеполезное книгохранилище, то много бы доставило умственного удовольствия и пользы тамошней публике и особенно юношеству». Для основания фондов библиотеки Бутурлин предлагал выделить дублеты из петербургской Публичной библиотеки (Арх. ГПБ, 1846, ед. хр. 34, л. 2).
71 Арх. ГПБ, 1850, ед. хр. 40, л. 4.
72 Там же, л. 4 об.
73 Там же, л. 5—5 об.
74 Там же, л. 7.
75 Там же.
76 Там же, л. 12—12 об.
77 Там же, л. 12 об.
78 Там же, л. 13 об. — 14.
79 Там же, л. 14—14 об.
80 Там же, л. 15 об. — 16.
81 Там же, л. 16 об. — 17.
82 Там же, л. 17 об.
83 Там же, л. 18—18 об.
84 Там же, л. 19.
85 Там же, л. 19 об.
86 Там же, л. 23.
87 Там же, л. 24.
88 Там же.
89 Там же, л. 25 об.
90 Там же, л. 27.
91 Там же, л. 28 об.
92 Там же, л. 42.
93 Там же, л. 33.
94 Там же, л. 32 об.
95 Там же, л. 48.
96 Там же, л. 48—49.
97 Там же, л. 50.
98 Там же, л. 52.
99 По всей вероятности, речь идет о Дмитрии Петровиче Волконском, который с начала 1847 г. по 1851 г. был вице-президентом гоф-интендантской конторы.

100 Арх. ГПБ, 1850, ед. хр. 40, л. 10.
101 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 301, л. 91.
102 Там же, ед. хр. 295, л. 22.
103 Там же, ед. хр. 384, л. 23.
104 Там же, ед. хр. 301, л. 21 об.
105 Там же, ед. хр. 295, л. 2 об.
106 Там же, л. 33.
107 Там же, ед. хр. 300, л. 13.
108 Там же, ед. хр. 296, л. 58.
109 Там же, ед. хр. 301, л. 117, 117 об. — 118.
110 Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 102, л. 306 об.
111 Там же.
112 Там же, л. 308 об.
113 Арх. ГПБ, 1853, ед. хр. 33; ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 301, л. 81—86.
114 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 507—510.
115 Арх. ГПБ, 1857, ед. хр. 21, л. 17—17 об.
116 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 15, л. 102.
117 Там же, ед. хр. 102, л. 307.
118 Там же, ед. хр. 15, л. 47.
119 Там же, ед. хр. 102, л. 307 об. — 308.
120 Там же, л. 306 об. — 307.
121 Там же, ф. 380, ед. хр. 385, л. 30 об.
122 Там же, ед. хр. 387, л. 3 об., л. 5.
123 Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 15, л. 18 об.
124 Там же, ф. 380, ед. хр. 387, л. 5.
125 Там же, л. 3 об.
126 Арх. ГПБ, 1852, ед. хр. 25, л. 1—1 об.
127 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1851 год. Спб., 1852, с. 12.
128 Князь Владимир Федорович Одоевский: Письмо к С. И. Лапшину. — Рус. старина, 1892, № 4, с. 137.
129 В. В. Стасов в письме к П. С. Стасовой в 1887 г. вспоминал, что некогда «в 4 руки играли вместе у Одоевского». — Стасов В. В. Письма к родным: (1880—1894). М., 1958, т. 2, с. 212—213; Одоевский записал в своем дневнике в марте 1859 г.: «8 воскр. вечер у Стасова». — ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 15, л. 17.
130 Стасов В. В. Письма к родным: (1844—1859). М., 1953, т. 1, ч. 1, с. 272.
131 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 83, л. 101—106 об.
132 Князь Владимир Федорович Одоевский: Письмо к С. И. Лапшину. — Рус. старина, 1892, № 4, с. 137.
133 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 1004, л. 4—4 об.
134 Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, ед. хр. 713, л. 1 об.
135 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 22, л. 213.
136 Там же, ф. 380, ед. хр. 34, л. 1.
137 Арх. ГПБ, 1859, ед. хр. 21, л. 4 об.
138 История Государственной Публичной библиотеки.., с. 53.
139 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 74, л. 73.
140 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.
141 Из бумаг князя В. Ф. Одоевского: К истории русской цензуры. — Рус. арх., 1874, кн. 2, стб. 22—23.
142 Там же, стб. 24.
143 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.
144 Шелгунов Н. В. Воспоминания. — В кн.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. [М]., 1967, т. 1, с. 93—94.

[145] Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Записки и дневник. (1804—1877). Спб., 1905, т. 1, с. 388.
[146] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1874, кн. 1, стб. 296.
[147] Арх. ГПБ, 1858, ед. хр. 48.
[148] Там же, 1852, ед. хр. 52, л. 99.
[149] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1857 год. Спб., 1858, с. 45.
[150] Арх. ГПБ, 1857, ед. хр. 43, л. 7 об.
[151] Там же, 1858, ед. хр. 60, л. 37 об. — 38.
[152] Там же, 1856, ед. хр. 49, л. 4—9 об.
[153] В литературе альбом получил название «альбом Одоевского». Эту записную книжку Одоевский подарил Лермонтову в последний его отъезд на Кавказ с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную». Поэт не успел всю ее исписать. Из пояснительной пометки Одоевского явствует, что «книга покойного Лермонтова» была возвращена ему родственником поэта 30 декабря 1843 г. Судя по Отчетам Библиотеки, всего Одоевский подарил 247 книг, рукописей, эстампов, карт и нот.
[154] Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1688.
[155] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1855 год. Спб., 1856, с. 61.
[156] Цит. по статье: Андерсон В. Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы А. С. Пушкина. — Рус. библиофил, 1913, № 6, с. 22—23. Вся переписка по этому делу хранится в Архиве ГПБ (1855, ед. хр. 55) и ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 9, 1855, ед. хр. 23.
[157] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 296, л. 73.
[158] Андерсон В. Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы А. С. Пушкина.., с. 24.
[159] Арх. ГПБ, 1855, ед. хр. 55, л. 14—14 об.
[160] Андерсон В. Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы А. С. Пушкина.., с. 26.
[161] Там же, с. 26—27. Статью Н. И. Тарасенко-Отрешкова нам не удалось найти. Отрицательный отзыв о ней содержится в статье известного пушкиниста Н. О. Лернера «Из неизданных материалов для библиографии Пушкина» (см.: Рус. старина, 1908, № 2, с. 428). Вот что писал Н. Лернер: «Это очень плохая критико-биографическая работа, наполненная наивными рассуждениями о Пушкине и вообще о литературе и весьма малосостоятельная в биографической части».
[162] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 301, л. 58.
[163] Там же, л. 54 об.
[164] Арх. ГПБ, 1851, ед. хр. 42, л. 105—109.
[165] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1 об.
[166] Арх. ГПБ, 1853, ед. хр. 8, л. 89.
[167] Там же, 1856, ед. хр. 22, л. 1.
[168] Там же, л. 1—1 об.
[169] Там же, 1851, ед. хр. 42, л. 12.
[170] Там же, л. 12 об.
[171] Там же, 1853, ед. хр. 8, л. 6—6 об.
[172] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 74, л. 3.
[173] Арх. ГПБ, 1853, ед. хр. 8, л. 46.
[174] Там же, л. 65—67.
[175] Там же, л. 67 об.
[176] Там же, ед. хр. 52, л. 4 об.
[177] Там же, л. 6—7.

[178] Арх. ГПБ, 1860, ед. хр. 66, л. 16.
[179] Там же, л. 16 об.
[180] Там же, л. 17.
[181] Там же, л. 19.
[182] Там же, 1851, ед. хр. 42, л. 95—95 об.
[183] Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814—1917 гг.—Тр. / ГПБ. Л., 1958, т. 6 (9), с. 74.
[184] Стасов В. В. Граф Модест Андреевич Корф. — Собр. соч. Спб., 1894, т. 3, стб. 1549.
[185] П-ский Н. [Рец. на:] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1856 год. Спб., 1857. — Отеч. зап., 1857, т. 113, № 7, отд. 2, с. 17.
[186] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 385, л. 31 об.
[187] М[ильчев]ский О. Несколько заметок на пользу имп. Публичной библиотеке. — Кн. вестн., 1864, № 6, с. 118.
[188] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1856 год. Спб., 1857, с. 4—5.
[189] История Государственной Публичной библиотеки.., с. 62, 64.
[190] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 133.
[191] Там же, л. 137 об.
[192] Кстати, это предложение Одоевского не было принято, что впоследствии отрицательным образом сказалось на качестве каталогов. В письме к Корфу от 17 марта 1851 г. он напоминает: «Вы изволите припомнить, что *сокращение* заглавий допущено лишь в надежде на библиографические познания и опытность библиотекаря, но это дело, — подчеркивает Одоевский, — камень преткновения для всякого каталога». — ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 301, л. 132—132 об.
[193] Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 145.
[194] Там же, л. 146.
[195] Там же, л. 148.
[196] История Государственной Публичной библиотеки.., с. 63.
[197] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 189 об.—190.
[198] Там же, л. 190 об. — 191.
[199] Там же, л. 191 об. — 192. Текст докладной записки хранится также в Арх. ГПБ, 1854, ед. хр. 36, л. 38—48 об. (с некоторыми разночтениями).
[200] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 300, л. 5.
[201] Там же, ед. хр. 297, л. 65.
[202] Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 266.
[203] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1854 год. Спб., 1855, с. 64.
[204] История Государственной Публичной библиотеки.., с. 64.
[205] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 387, л. 6.
[206] Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 186 об. — 187 или Арх. ГПБ, 1854, ед. хр. 36, л. 38—38 об.
[207] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 107, л. 187 об. — 188 об. Несколько иная цифра (475 648) указана в докладной, хранящейся в Архиве ГПБ (1854, ед. хр. 36, л. 40).
[208] История Государственной Публичной библиотеки.., с. 64.
[209] Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 267.
[210] Арх. ГПБ, 1854, ед. хр. 36, л. 62.
[211] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 384, л. 31—31 об.
[212] Там же, ед. хр. 387, л. 10 об. — 11.
[213] Там же, л. 23 об. — 24.
[214] В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.., с. 6.
[215] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 295, л. 41.

216 Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 48, л. 58—58 об.
217 Цит. по статье: Цехновицер О. Силуэт, с. 95.
218 Арх. ГПБ, 1855, ед. хр. 53, л. 1.
219 Там же, 1852, ед. хр. 25, л. 99.
220 Там же, л. 102 об.
221 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 626, л. 3—3 об.

К ГЛАВЕ III

1 Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 16, л. 16.
2 Там же, ед. хр. 29, л. 39—39 об.
3 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 1223. Несколько иные цифры приведены в статье «Пятидесятилетие Румянцевского музея» (см.: Журн. М-ва нар. просвещения, 1881, № 5, с. 91).
4 Пятидесятилетие Румянцевского музея. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1881, № 5, с. 83.
5 Там же. Об истории Музея см. также: История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 100 лет, 1862—1962. М., 1962, с. 10—13.
6 Арх. ГПБ, 1845, ед. хр. 29, л. 3.
7 Там же, л. 6.
8 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 108, л. 240 об.
9 Арх. ГПБ, 1845, ед. хр. 29, л. 42.
10 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 108, л. 224.
11 Арх. ГПБ, 1851, ед. хр. 22, л. 3.
12 ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 108, л. 161.
13 Арх. ГПБ, 1855, ед. хр. 40, л. 1.
14 Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 109—110.
15 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 34, л. 3.
16 Там же, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 128, л. 1.
17 Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 16, л. 16.
18 Там же, оп. 1а, ед. хр. 4, л. 6.
19 Имп. Публичная библиотека за сто лет.., с. 179.
20 Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1689.
21 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 469.
22 Арх. ГПБ, 1855, ед. хр. 53, л. 1 об.
23 Там же, 1847, ед. хр. 14, л. 11—14.
24 Там же, л. 23.
25 О. О. О. (Одоевский В. Ф.). Торцевые рельсы вместо сплошной торцевой мостовой. — Спб. ведомости, 1860, 20 окт.
26 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 295, л. 37.
27 ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8/940), 1850, ед. хр. 36, л. 34 об.
28 Предполагалось выпустить 28 тыс. билетов стоимостью в 3 руб. каждый. Из вырученных 84 тыс. руб. кроме дома пустить на выигрышные билеты еще 15 тыс. руб. — ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17, (8/940), 1850, ед. хр. 36, л. 40 об.
29 Арх. ГПБ, 1849, ед. хр. 16, л. 27—27 об.
30 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 384, л. 8 об. — 9 об.
31 Там же, ед. хр. 301, л. 28—28 об.
32 Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1703.
33 ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 17 (8/940), 1850, ед. хр. 36, л. 71.
34 Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1697.
35 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 296, л. 11.
36 Арх. ГПБ, 1860, ед. хр. 11, л. 20.
37 ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 301, л. 221—221 об.
38 Там же, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 108, л. 111.

[39] Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 136.
[40] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 87, л. 99—101.
[41] Там же, ф. 380, ед. хр. 387, л. 12—12 об.
[42] Там же, ед. хр. 295, л. 41 об.
[43] Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862—1912: Ист. очерк. М., 1913, с. 7.
[44] Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1702.
[45] После перевода коллекций Румянцевского музея в Москву Соболевский не удержался от очередного экспромта в адрес друга, но, как видно из документов, не совсем справедливо обвинявшего Одоевского.

На оставление кн. Одоевским должности директора Румянцевского музея

Князь — твое отродье, Рюрик,
Через двадцать пять колен;
Князь — не то, что князь-мазурик
Из армян или туркмен;
Князь — не то, чтобы князь некий —
Русских старшина князей,
Упустил из-под опеки
Свой Румянцевский музей:
Ротозей ты, ротозей!

См.: Соболевский С. А. Эпиграммы.., с. 78.
[46] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 387, л. 25 об. — 26. Дом этот Библиотека получила только в 1922 г. на основании специального решения Советского правительства.
[47] Коллекция древних еврейских рукописей.
[48] Коллекция старопечатных русских книг.
[49] Речь шла в первую очередь об издании каталога «Россика».
[50] Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1706.
[51] Там же, стб. 1705.
[52] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 297, л. 50.
[53] Там же, л. 53.
[54] Стасов В. В. Румянцевский музей.., стб. 1696.
[55] Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 136.
[56] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 626, л. 7.
[57] Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия.., с. 140.
[58] ГПБ, ОРиРК, ф. 380, ед. хр. 384, л. 30.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

[1] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1861 год. Спб., 1862, с. 7—8.
[2] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 191.
[3] Гражданские заветы князя В. Ф. Одоевского. — Рус. арх., 1895, кн. 2, № 5, стб. 53.
[4] Одоевский В. Ф. Недовольно, с. 3.
[5] ГПБ, ОРиРК, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 101/21, л. 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Для очерка «В. И. Собольщиков».

** Для очерка «В. Ф. Одоевский».

Оглавление

Ольга Дмитриевна
Голубева
Александр Львович
Гольдберг

В. И. Собольщиков
В. Ф. Одоевский

ИБ № 851

Редактор
Н. С. Митрофанова
Художник
Б. С. Казаков
Художественный редактор
Н. Г. Пескова
Технический редактор
Г. Е. Петровская
Корректор
О. И. Поливанова

Сдано в набор 13.08.82 г. Подписано в печать 30.12.82 г. А11484. Формат 84×108[1]/32 Бум. кн.-журн. 60 г. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,18. Усл. кр.-отт. 2,18. Уч.-изд. л. 13,74. Тираж 10 000 экз. Заказ 1093. Изд. № 3192. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Книга», 103009, Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129041, Москва, Б. Переяславская ул., д. 46.